

Размороженный авиатор улетел...

Убедив зрителя, что экранизировать Водолазкина – дело неблагодарное стр. 8–9

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Основана в 1830 году
при участии А.С. Пушкина
Издание возобновлено
в 1929 году при поддержке
М. Горького

№ 48

(7012)

3–9 декабря 2025

www.lgz.ru

12+

Выходит по средам

9 770233 430004

ЭПОХА И ЛИЦА

Писатель на фронте – давняя русская традиция

Вспомним Константина Симонова и поговорим о мастерах слова, воюющих сегодня

Писатель, корреспондент «Красной звезды»
К. Симонов (слева) беседует с румынскими
военнопленными

Стр. 3–5

В НОМЕРЕ

7 Травля учителей
стала нормой

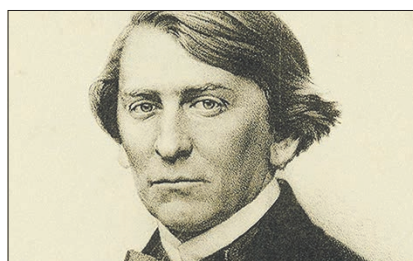
Даже суд встаёт на сторону «потерявших берега» подростков, обязуя выплатить им компенсацию.

10 • 11 Дирижёр
взял Бастилию

35-летний Дмитрий Матвиенко дебютировал на сцене Оперы Бастилии – дирижировал «Аидой».

28 «Ты лучший друг
для нас»

В молодёжных аудиториях Плещеева встречали овациями, требуя прочитать стихотворение «Вперёд!».

ВЫПИСЫВАЙТЕ
«ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ»

ГАЗЕТУ ДЛЯ ДУМАЮЩИХ ЛЮДЕЙ

Проще не бывает!
Отсканируйте QR-код
и оформите подписку
на сайте Почты России

Во всех почтовых отделениях подписной индекс ПР195

Уважаемые подписчики,
ждём вас среди своих друзей!

2 СОБЫТИЯ И МНЕНИЯ

ОЧЕВИДЕЦ

Фёдор Кручина, экономист, Воронеж

Фискальный катарсис

Долгое время в российском коллективном бес-сознательном жил страх, что придёт злой налого-вик и просто повысит НДС. Ну, знаете, тот самый налог на всё, который мы платим, покупая кефир или новые носки. Паникёры кричали: «Будет 22%! Будет 25%!» Но вместо того чтобы тупо ударить кувалдой по всем сразу через общий НДС, власть достала скальпель.

Двадцать с лишним лет мы молились на идола «Плоской шкалы» — те самые 13%, которые платили все: и учительница из Сызрани, и топ-менеджер «Газпрома». С 1 января нынешнего года была введена прогрессивная шкала НДФЛ. Причём введена, как любит выражаться наш истеблишмент, «аккуратно». Если вы зарабатываете меньше 200 тысяч рублей в месяц — а это, положа руку на сердце, абсолютное большинство нашего «глубинного народа», — для вас ничего не меняется. Зато для так называемого среднего класса и богатых начинается аттракцион невиданной щедрости. Зарабатываешь больше 2,4 миллиона в год? Добро пожаловать в клуб «15%». Зарабатываешь неприлично много, свыше 50 миллионов? Будь любезен отдать 22%. То, что под раздачу попадает не только олигарх с яхтой, но и уставший айтишник, который просто много работает, это, как говорится, сопутствующий ущерб.

Но давайте честно: главная «дойная корова» реформы — это налог на прибыль, который лёгким движением руки подняли в этом году с 20% до 25%. И Минфин планирует собрать благодаря этому 1,6 триллиона рублей. Это и есть тот самый «взнос на устойчивость», о котором так долго говорили большевики... простите, технократы.

А вот где разворачивается настоящая драма, достойная пера Достоевского, так это в секторе малого бизнеса. Раньше «упрощенцы» жили в раю: плати свои 6% с оборота и не знай слова из трёх букв — НДС. Рай закрыт. Теперь, если ваш оборот превышает 60 миллионов рублей в год, вы — взрослый. Вы платите НДС, пусть и льготный, 5–7%. К чему это в конце концов приведёт? Полагаю, предпринимателю станет страшно расти. Зачем зарабатывать 65 миллионов и получать головную боль с НДС, если можно заработать 59 миллионов и спать спокойно? Малый бизнес будет искусственно карликоваться, дробиться, прятаться.

И вот тут мы подходим к финалу нашей пьесы. Автор тех панических слухов, с которых мы начали, был неправ в деталях, но прав в ощущении беды. Да, ставку НДС в чеке не подняли. Но когда вы повышаете налог на прибыль заводам и вводите НДС для ресторанов и оптовиков, они, разумеется, перекладывают эти расходы на нас с вами. И цены растут. Такова неумолимая логика рынка. Каждый рубль, изъятый в бюджет у бизнеса, возвращается к потребителю в виде подорожавшего молока, стрижки или такси. Инфляция — это самый честный налог: его платят все, и для его введения не нужно голосование в Госдуме.

Что мы имеем в сухом остатке, отбросив эмоции? Россия переходит к модели мобилизационной экономики лайт. Денег нужно много. Старые источники иссякают. Новая нефть — это люди и компании. Каждый платит по способностям: кто побогаче — повышенным НДФЛ, кто беднее — через инфляцию в магазине. Так что, дорогие друзья, не бойтесь повышения НДС до 22%. Бойтесь того, что ваша зарплата останется прежней, а жизнь может стать на 25% дороже. Но ведь за причастность к истории надо платить, не так ли? С уважением к вашему кошельку и здравому смыслу. ■

Точка зрения автора
может не совпадать с позицией редакции

КЛАСС ПРЕМИУМ

Стальные магистрали строк

Лауреаты VII Всероссийского литературного конкурса «Золотое звено — 2025»

Не было в 40-е годы прошлого века более почётной профессии, чем железнодорожный машинист. Эти люди в простых рабочих тужурках казались посланцами из будущего — водители поездов, укротившие мощь паровоза, царящие на дорогах, которые перепоясали всю страну. Многие мечтали о такой работе. Не зря про машинистов слагали стихи и песни. Так было до и после войны. А во время Великой Отечественной оказалось, что это не только мирная профессия, а самая что ни на есть боевая.

Железнодорожники противостояли врагу с первых часов войны. Сведения о путях сообщения немецкая разведка добывала в первую очередь, и враги прицельно бомбили по самым важным узлам пути. К счастью, воины-железнодорожники располагали оружием и умели держать его в руках. С раннего утра 22 июня 1941-го 29-я железнодорожная бригада, строившая линию Вапнярка — Окница, в упорных боях отражала атаки захватчиков до подхода стрелковой дивизии. «Это были люди, казалось бы, далёкие от боевых дел... Но когда потребовалось, каждый из них показал себя отважным и умелым солдатом», — писал о железнодорожниках маршал Иван Баграмян.

Участникам Великой Отечественной войны, которым в короткие сроки пришлось перестроить железные дороги на военный лад, принимавшим участие в боевых действиях, а после победных салю-

тов 45-го вернувшимся на свои рабочие места, и был посвящён седьмой сезон Всероссийского литературного конкурса «Золотое звено». Его «Литературная газета» — старейшее отечественное культурологическое издание, основанное в 1830 году при непосредственном участии А.С. Пушкина, традиционно проводит при поддержке нашего постоянного верного партнёра — ОАО «Российские железные дороги».

По решению оргкомитета и жюри конкурса лауреатами «Золотого звена — 2025» стали:

В номинации «Проза»

Писатель из Калининграда **Дмитрий Воронин** — за рассказ «Кот Винчи, или Проводники к смыслу жизни».

В номинации «Поэзия»

Донской поэт и литературный критик **Виктор Петров** (Ростов-на-Дону) — за стихи и поэму «Пара строк железных».

В номинации «Публицистика»

Доктор экономических наук, профессор **Николай Пирогов** (Москва) — за цикл миниатюр «На стыках железных дорог».

Поздравляем!

Вручение наград пройдёт в четверг 4 декабря в 15.00 в «Пресс-клубе» на книжной ярмарке «Нон-фикшен» в Гостином Дворе (Москва, ул. Ильинка, 4).

ПОВЕРХ БАРЬЕРОВ

Неделя китайской и русской литературы в Пекине

Программа началась встречей в Национальном музее современной китайской литературы: Россию представлял заместитель директора Союза писателей России Владислав Гемст, китайскую сторону — председатель Союза китайских писателей Чжан Хунсэнь.

Китай уделяет большое внимание сотрудничеству с российскими коллегами. Многие писатели, в том числе нобелевский лауреат Мо Янь, неоднократно бывали в России. Хорошие контакты налажены с Санкт-Петербургским государственным университетом, где создан Клуб российских читателей китайской литературы.

Мы рады сообщить нашим читателям, что международные связи старейшего российского культурологического издания продолжают расширяться. Главный редактор газеты «Вэнь Бао» («Литературная и художественная газета») Лю Тин и генеральный директор «Литературной газеты» Андрей Матвеев (на фото) подписали соглашение о стратегическом сотрудничестве между изданиями. Это сделано для продвижения взаимного восприятия литературы и гуманитарного сотрудничества. ■

ФОТОГЛАС

В Санкт-Петербурге в Мариинском театре прошла юбилейная церемония вручения X Национальной оперной премии «Онегин». Среди лауреатов — режиссёр Сергей Новиков за постановку в Большом театре оперы Сергея Прокофьева «Семён Котко» по повести Валентина Катаева «Я, сын трудового народа...» Его грандиозная версия — как поучительная историческая притча. События Гражданской войны прошлого века переплетаются с событиями века нынешнего — специальной военной операцией. Желаем Сергею Геннадьевичу новых творческих свершений и поздравляем с наградой!

АЛЕКСЕЙ ЛИВЕР

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

1971

1979

Главный редактор **МАКСИМ ЗАМШЕВ**

Заместители главного редактора:

Леонид Колпаков, Анастасия ЕрмаковаОтветственный секретарь **Сергей Колпакчи**

Газета зарегистрирована в Федеральной

службе по надзору в сфере связи и массовых

коммуникаций.

Свидетельство ПИ № ФС77-70388 от 13.07.2017 г.

Тираж **113 800** экз.**Подписка и распространение:**

т. 8-499-788-01-12.

Подписной индекс по каталогу «Почта России» —

ПР-195.

Перепечатка только с разрешения редакции.

Отпечатано в ООО «Типография «КП — Москва»

Адрес: 141407, Московская обл., г.о. Химки,

г. Химки, Нагорное шоссе, стр.2, к.9.

Номер подписан к печати 2 декабря 2025 г.

Зак. № 4769.

Адрес редакции: 121069, Москва,

ул. Б. Никитская, д. 50а/5, стр. 1.

Эл. почта: litgazeta@lgz.ru

Тел.: 8-499-788-00-56.

РОССИЙСКИЙ

ФОНД

КУЛЬТУРЫ

Проект
реализован
с использованием
гранта,
предоставленного
ООГО
«Российский
фонд
культуры»

ЭПОХА И ЛИЦА

Работа его беспримерна

Последний год Константина Симонова

Последние полтора-два года жизни были для Симонова очень и очень тяжёлыми. В одну из встреч с заведующим сектором литературы ЦК КПСС Константином Долговым он признался, что написал за свою жизнь очень и очень много, но к главной книге так и не приступил. «Меня угнетает, — говорил писатель, — самое страшное и непоправимое: я много сделал в литературе, многое написал честно, откровенно и искренне, но при этом я не написал самого главного и, к великому сожалению, уже не напишу».

Чем Симонов был занят в то время?

Во-первых, он собирался подготовить к печати книгу своих писем к матери и отчиму — «Дорогие мои старики», в которую прежде всего хотел включить переписку военных лет. «Он делал эту работу, — пометила на черновом варианте этой книги его жена Лариса Жадова, — в декабре 1978 — январе 1979-го».

Во-вторых, у Симонова были планы снять художественно-биографическую картину о маршале Георгии Жукове «От Халхин-Гола до Берлина» длиной час двадцать минут. Заявку на фильм он подал председателю Госкино Филиппу Ермашу ещё 12 августа 1978 года.

Симонов обещал уложиться в шестнадцать месяцев. Но Ермаш занял уклончивую позицию. Он не сомневался в том, что все идеи писателя будут встречены в штыки в Главном политуправлении армии. А как сломить волю генерала Алексея Епишева, главный киноначальник не знал.

27 сентября 1978 года литсекретарь Симонова Нина Гордон записала в свой дневник:

«Кинофильм о Г.К. Жукове К.М. <Симонов> пока делать не будет. Очень этим расстроен. (Был у начальства.)

Жаль. Сделал бы прекрасный фильм, и ему очень хотелось его сделать».

— Ну что ж, переживу и это... — сказал он мне»

На неприятности с задуманным кинопроектом о Жукове наложился скандал с выходом первого тома нового собрания сочинений Маяковского в библиотеке журнала «Огонёк». Подобранные главредом «Огонька» Анатолием Софроновым комментаторы вновь попытались изъять из тома все посвящения поэта Лиле Брик. Симонов написал по этому поводу злую статью «О пользе порядочности» и личное письмо Леониду Брежневу, из-за чего потом не раз вызывался на Старую площадь.

Кстати, самая важная встреча в коридорах власти у него состоялась 18 октября 1978 года. В тот день его секретарь Нина Гордон записала в свой днев-

ник: «С утра позвонили из ЦК — вызывают на 17 часов сегодня. К.М. <Симонов> держится спокойно, но я-то его знаю — нервничает». Нервничал Симонов ещё и потому, что не знал, кто его примет. Уже было ясно, что не Брежнев. Но кто?

Симонова по указанию Суслова принял Зимянин.

«Вернулся К.М. вчера из ЦК прямо на дачу, — записала 19 октября в свой дневник Нина Гордон, — уже в семь тридцать был дома».

Увидев мой вопросительный взгляд (я очень тревожилась), сказал ласково: — Всё хорошо... Настроение у меня хорошее.

Потом, когда пошли пройтись, рассказал мне, что больше часу говорил с М.В. [имелся в виду секретарь ЦК КПСС по пропаганде Михаил Зимянин. — В.О.], что письмо его прочитал адресат [Брежнев. — В.О.] и поручил разобраться на высоком уровне; что из пятого тома собрания сочинений Маяковского выдирают комментарии, в которых уже что-то чудовищное написано о Бриках; что, возможно, снимут Макарова — директора музея Маяковского. Но что статью К.М. «О пользе добросовестности» пока печатать не советуют...

— И вы согласились? — спросила я.

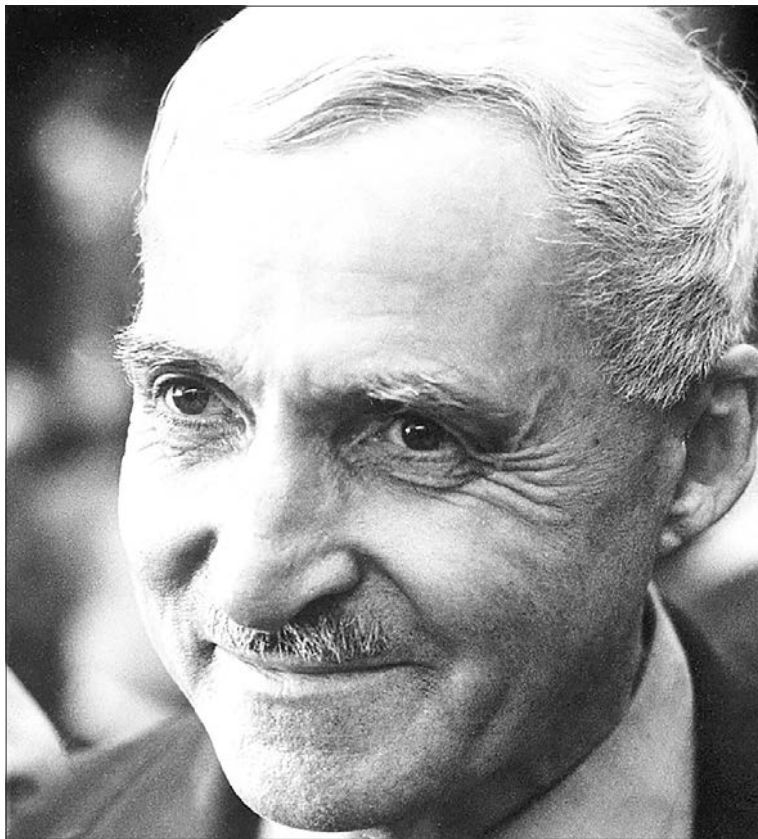
— Думаю, что это пока правильно; посмотрим, как пойдёт дело дальше.

Шагал по шоссе, шаркая ногами от усталости. В общем-то, жил в большом напряжении, а сейчас — как пар выпустили».

К слову, визит Симонова в ЦК всё-таки дал свои плоды. Да, писателю не разрешили опубликовать статью «О пользе порядочности». Но Агитпроп дал команду восстановить в новом собрании сочинений Маяковского все посвящения Брик. Кроме того, Суслов наконец решил расстаться с Воронцовым. Правда, до писателя дошли слухи, что Воронцовым Агитпроп собирался заменить в Музее Маяковского Макарова. А это могло только повредить маякововедению.

Когда скандал с первым томом Маяковского поулёлся, Симонов вернулся к идее фильма о Жукове. «Я понемножку продолжаю, — признался он 9 февраля 1979 года главному редактору журнала «Дружба народов» Сергею Баруздину, — заниматься Жуковым, связанными с ним документами, воспоминаниями».

Параллельно у Симонова вызрела идея книги воспоминаний. Но начинать он собирался не с нуля, не со своего рождения и детства, а с рассказа о своих военных дневниках. «...займусь РДВ [книгой «Родные дни войны». — В.О.], — сообщил он в середине октября 1978 года о своих планах Нине Гордон, — напишу, как я писал эти днев-

Константин Симонов (1915–1979)

ники. Раньше займусь материалом по РДВ — сдам, что не нужно, в ЦГАЛИ [теперь этот архив называется РГАЛИ. — В.О.], а над остальным буду работать».

Тогда же, осенью 1978 года, Симонов планировал в декабре лечь в больницу (здоровье его всё ухудшалось).

В больнице Симонов пробыл до 8 января 1979 года. Непосредственно к работе он возвращался медленно. «23 февраля 1979 года К.М., — рассказывала позже Гордон, — приступил к диктовке рукописи «Глазами людей моего поколения (размышления об И.В. Сталине)». Готовился к этой работе давно, долго, собрал огромный материал».

Правда, уже через полтора месяца писатель был вынужден прерваться. Ему стало совсем плохо. Последний раз он продиктовал Гордон свои воспоминания 9 апреля 1979 года.

Как вспоминал Долгов, Симонов вообще весной 79-го года внешне сильно изменился. Он очень и очень ослабел. «Я не удержался, — рассказывал Долгов, — и однажды спросил: «Константин Михайлович, как вы себя чувствуете?» Он подумал и тихо ответил: «Я очень глубоко болен, мне становится всё хуже и хуже, вечерами, особенно к ночи, я иногда задыхаюсь». Я спросил: «А лекарства вы употребляете, они вам помогают?» На что он ответил: «Когда как, но чаще всего я наливаю граммов 30–50 коньяка, выпиваю, и мне становится легче». Тогда я предложил ему лечь в самую лучшую больницу, подлечиться, на что он ответил: «Уже поздно, мне уже никто и ничто не поможет. Я знаю, что мне осталось жить на этом свете совсем недолго». Я был настолько поражен таким

неожиданным признанием, что даже растерялся, не зная, что ответить, а потом сказал, что в случае необходимости руководство ЦК КПСС, несомненно, окажет любую помощь».

19 апреля Симонов вновь лёг в больницу. Врачи настойчиво порекомендовали ему продолжить лечение в Крыму. Писатель решил с женой какое-то время пожить в Гурзуфе.

В начале июля Симонову вновь стало плохо: возможно, сказались отсутствие жены (она в середине июня уехала по каким-то делам в ГДР и вернулась к мужу в Гурзуф лишь 5 июля). Врачи дали понять, что нужна будет операция. И 7 июля Симонов прибыл в Москву.

В столице писателю подтвердили давно установленный ему диагноз: обызвествление лёгких.

В Кремлёвскую больницу на Мичуринском проспекте Симонова положили в конце июля. Но до этого он не сидел сложа руки. «Перед самым уходом в больницу — в последний раз в больницу, — рассказывала Гордон, — все дни, несмотря на его плохое самочувствие, очень много работал — разбирал бумаги, приводил всё в порядок, просматривал разные папки».

Первую операцию Симонову сделали 7 августа. Она прошла относительно удачно. Дней через десять ему планировали сделать вторую. Но Симонов попросил врачей не тянуть.

Вторая операция привела к новым осложнениям. «...сделали её, — рассказывал сын писателя Алексей Симонов, — не так хорошо, как первую: задела какой-то кровеносный сосуд, началась закупорка лёгкого, на фоне этого началось новое воспаление».

Врачи из Кремлёвки были в панике. Они не знали, что делать. Кто-то предложил срочно пригласить специалистов из Швейцарии. В Москве этих специалистов встречала и сопровождала работавшая в журнале «Вопросы литературы» Елена Кацева, которая в войну служила военной переводчицей. Позже Кацева рассказала Гордон, что швейцарцы «только переглянулись, когда узнали, что ему [Симонову. — В.О.] сделали две операции на одной неделе (вторник и пятница) под общим наркозом».

На консилиуме швейцарцы предложили вывести писателя из тяжёлого состояния сильным гормональным ударом. Но наши доктора стали колоть своего именитого пациента не полными дозами, а лишь на четверть. Но такое лечение должного эффекта не дало.

Дочь Симонова — Екатерина — в 2015 году утверждала: «Во время второй операции здоровое лёгкое ему залили кровью».

Позже у врачей возникла идея подключить Симонова к аппарату искусственного дыхания. Но сын писателя выступил против этого. «...ведь ни один человек, — объяснил он позднее своё решение, — не давал мне гарантии, что это продлит его жизнь. Сейчас ему станет немножечко легче. Но скажите, вы гарантируете, что это подключение даст ему шанс выздороветь? Встать на ноги? Когда-нибудь отключить его от этой машины? Я не хотел сделать его безмолвным заложником, глядящим нам в глаза придатком этого аппарата, который жив только до тех пор, пока аппарат работает или пока не ослабеет сердце».

Умер Симонов утром 28 августа 1979 года. «А у нас утром сегодня, — написал в тот день критику Валентину Курбатову писатель Александр Борщаговский, — большое горе — умер Симонов. Моя жизнь с 1939 года тесно связана с ним, и жизнь (и работа) моих старших детей (ленинградских) тоже. Как и всякая значительная, крупная фигура сорока минувших лет (с конца 30-х) — он и жертва, и трагическая фигура, и человек, не реализовавший свой большой природный талант, но работа его беспримерна, а благородство и совесть — их хватило бы на весь состав писателей... Совсем недавно я получил от него письмо о моих рассказах, полное честных и серьёзных размышлений, грустное, мужественное и смятенное одновременно. Видимо, он понимал, куда всё движется. Только сегодня я вполне могу оценить некую завещательную силу его письма».

Вячеслав Огрызко

Полный текст — на сайте «ЛГ»

«Мир никогда не будет прежним»

Евгений Николаев, позывной Гайдук, командир отряда «Родня» интернациональной бригады «Пятнашка», дал интервью «ЛГ»

Подразделение «Родня» создавалось Захаром Прилепиным, с ним Николаева связывает давняя дружба. А ещё Евгений Николаев – писатель, автор книги «Моя Новороссия», вышедшей в этом году в издательстве «АСТ». Корреспондент «ЛГ» поговорил с Николаевым-Гайдук о военных буднях, личном опыте добровольца, идеологии, литературе и многом другом.

– Евгений, каким образом судьба свела вас с Захаром Прилепиным? Как вы познакомились?

– Это произошло очень давно, в 1999 году, ещё в прошлом веке, благодаря одному южнорусскому человеку по имени Эдуард Савенко ака Лимонов. Мы были членами ныне запрещённой, но тогда очень известной организации, которую возглавлял Эдуард Вениаминович. Насколько я помню, в первый раз я встретился с Захаром в электричке, точно не следовавшей по маршруту Москва – Петушки. Она, по-моему, следовала в Москву из Серпухова. Вот в ней мы и познакомились. Я был молодым парнем, он был чуть-чуть постарше меня, лет, наверное, на пять. С тех пор и дружим.

– Что лежит в основе вашей дружбы?

– Для меня Захар – это, конечно, родня, потому что куда бы ни закидывала меня судьба, он всегда был рядом. У Курта Воннегута есть роман «Колыбель для кошки». Кто читал, тот знает, что такое «карас» (неформальное сообщество людей, которые характеризуются признаками личного знакомства, близкого социального положения, сходного душевного настроя. – Прим.). Захар – это член моего караса. Мы всегда будем встречаться в самых неожиданных местах. Я могу поехать, например, на Кубу и встретить там Захара. Я могу поехать в какую-нибудь глухомань под Якутском и снова встретить его. Вот такие у нас взаимоотношения.

– Но вы же тогда ещё не знали, что в будущем это будет такой известный писатель...

– Знал. Во-первых, в нашей среде он был уже тогда достаточно известным человеком, потому что воевал в Чечне. У него было какое-то предназначение, которое у нас, людей, занимающихся политическим активизмом, вызывало интерес.

Во-вторых, к тому времени им уже была написана книга, существовавшая пока только в рукописи, – «Патологии», роман о войне в Чечне. Некоторые из нас, включая и меня, уже читали его в списках. Наш общий товарищ, который нас и познакомил, давал мне для прочтения. Мне, как литературоцентричному человеку, всё это всегда было интересно. Поэтому, когда он подошёл в электричке, я уже примерно представлял, кто передо мной. Потом нас уже лично познакомил человек, который редактировал его книгу.

– Какова роль Прилепина в вашем подразделении?

– Он своими усилиями создал наше подразделение «Родня». Люди с улицы

Писатель Евгений Николаев – командир «Родни»

не могут просто прийти и сказать: вот теперь мы – подразделение. Чтобы оно возникло, должны пройти определённые согласования, начиная с Министерства обороны, заканчивая другими немаловажными ведомствами. Непонятным людям никогда не дадут в руки оружие. Всегда для этого проводятся проверки и разного рода мероприятия оперативного характера.

Захар, понятное дело, помогает «Родне» и формой, и различными девайсами: приборами ночного видения, «птичками» и так далее. Фонд Захара Прилепина и он лично приносят огромную пользу не только нам, но и многим другим. Это во-первых.

Во-вторых, Захар не только великий писатель, он ещё и воин, который кроме формирования нашего подразделения организует и ещё некоторые абсолютно специфические моменты на фронте. Я не могу сейчас о них говорить, потому что это закрытая информация, но его деятельность в этом направлении достаточно серьёзная.

– А о чём можно открыто говорить?

– Захар является организатором Центра специального назначения (ЦСН) «Сталь» под Нижним Новгородом. Точку опять же не буду называть. Там обучаются люди, желающие пойти добровольцами на фронт. Обучение проводят и бывшие участники СВО, и военные, непосредственно участвующие в боях.

Ситуация на фронте достаточно быстро меняется. Человек месяц не был на передовой и уже не понимает, как там происходит работа. Поэтому примерно раз в 2–3 недели в ЦСН «Сталь» отправляется специальный человек, который доносит свежую информацию до курсантов. Это очень большое дело, потому что люди должны приезжать на фронт подготовленными. Не заготовками для

ваться, нужно это или не нужно. Я тогда произнёс такую фразу: солдатом может стать любой русский мужчина, а хорошим солдатом может стать любой русский мужчина, постаравшись.

Конечно, то, что после покушения он находился не в самой лучшей физической форме, уже в прошлом. Помню, как это было: огромное количество переломов и других травм. Это страшно. То, что он выжил, – Чудо. Две ТМ-ки (противотанковые мины. – Прим.) разворачивают танк просто наизнанку. А тут две ТМ-ки взорвались. То, что он остался жив, – Божий промысел.

То, что он пошёл на фронт, это естественно. Страна находится в беде. Стране нужна помощь. Как любой нормальный русский человек, он должен был пойти и помочь стране. Как в принципе и всем. Он не выделяет себя среди нас. Он говорит, что русский солдат – это соль земли, и это так.

– Вообще, почему это стало русской традицией – участие писателя в защите Родины?

– Потому что «поэт в России – больше, чем поэт». Потому что «писатель – это инженер человеческих душ». И ещё тысяча подобных литературных штампов. Писатель в России – это в первую очередь философ. Это человек, осмысляющий прошлое и предвещающий будущее. И борющийся за прошлое и будущее в настоящем.

Правильно было бы задать другой вопрос. Почему так мало писателей, помимо Захара, пошло на фронт. Артис, Филиппов, Туленков... Вот, пожалуй, и всё. А ведь через 50 лет мы будем вспоминать об этой войне и истории вообще именно по буквам и знакам препинания писателей. Это значит, что писатели, не прошедшие войну, будут вычеркнуты из литературы. Или как минимум будут представлены в ней в кастрированном виде.

– Какие книги Прилепина для вас наиболее значимы?

– Я читал всё из того, что им опубликовано, и кое-что из того, что не

Писатель Захар Прилепин на передовой в ДНР

Евгений Николаев.
Моя Новороссия.

— М.: АСТ, 2025. — 352 с.
— («Русская реконкиста»). —
2000 экз.

опубликовано. Конечно, для меня очень значим его роман «Санька». Наверное, это личное, потому что прототипом одного из его героев являюсь я. Узнаю себя, свои слова и поступки, а также своих знакомых и близких. Это почти документальный роман.

Но больше мне, конечно, нравится его публицистика. Люблю его книгу о Есенине. Такой глубокой проработки русского поэта больше нет ни у кого. Язык невероятный. Очень рекомендую почитать. А так мне нравится всё: «Патологии», «Восьмёрка», «Ботинки, полные горячей водки», «Чёрная обезьяна». Недавно прочитал «Туму» о Степане Разине. Могу сказать, что это эпос на уровне «Тараса Бульбы».

— Сейчас, спустя годы, как вы оцениваете фигуру Лимонова в истории России? Для вас он больше писатель, художник или всё-таки политик?

— Для меня Лимонов в первую очередь великий русский поэт. Недооценённый, но прекрасный стихотворец. А во вторую очередь, конечно же, визионер и социальный инженер. Они вместе с Прохановым — ключевые фигуры нашей культуры конца XX — начала XXI века.

В момент крушения Красной империи, когда всё советское отвергалось априори, Лимонов предвидел Русскую весну и отказ от западного пути развития России. Он завернул левую, казалось бы, навсегда погибшую идеологию в модную тогда обёртку ультраправого Давида и тем самым спас преемственность нашего народа. Не дал русской традиции прерваться и тем самым спас русский народ от растворения в пост-модерне.

— Какие произведения Лимонова представляются вам главными и почему? Именно с точки зрения литературы.

— Это, конечно же, «Дисциплинарный Санаторий» и «Палач». Первое произведение гениальное по своему предвидению, второе — по языку.

— Общность мировоззрения — обязательное условие для товарищества и братства? У вас в «Родне» бойцы из одного политического лагеря? И вообще, в какой степени на войне важна идеологическая ориентация товарища по оружию?

— Не только в «Родне», но и во всех остальных подразделениях Русской армии идеология одна — патриотизм. Левые, правые, этнические вариации —

не имеет значения. Только любовь к Родине, к нашей земле может объединить в одном окопе правого футбольного хулигана, коммуниста, чеченца и представителя палеоазиатских этносов.

— Расскажите о вашей интернациональной бригаде «Пятнашка».

— Несмотря на название, интернациональная бригада «Пятнашка» — это самое русское подразделение Русской армии. Исторически русское. Наш командир — абхаз Ахра Авидзба — как-то сказал фразу, которая мне засела в голову. Он сказал, что русский народ — это стержень ручки, которым Господь Бог пишет историю.

Остальные народы России — чехол, в который этот стержень упрятан. То есть писать можно и без чехла, только стержнем, но это очень неудобно. А если пишется в сборе — и стержень ручки, и сама оболочка ручки, так удобно и красиво. А если это ещё и «Паркер» с золотым пером, вообще красота.

Именно в этом суть интернациональной бригады «Пятнашка» — русский стержень и обрамляющие его другие народы: абхазы, осетины, армяне, азербайджанцы. Мы единственное подразделение, где азербайджанцы и армяне воюют вместе за нас, а не друг с другом. И в этом большой плюс, большая польза.

— «Пятнашка», как мы уже с вами сказали выше, называется интернациональной бригадой. При этом само понятие «интернационализм» в постсоветские времена не раз подвергалось критике и даже осмеянию. Насколько, по-вашему, интернационализм актуален как идеология? Есть ли в нём политический ресурс и историческая перспектива? Ведь сегодня в России больше говорят о традиционных ценностях как основе идеологии страны.

— Не вижу противоречий. Интернационализм — именно наша традиционная ценность.

Интернациональная бригада — это не какой-нибудь сраный западный «мульти-культи» и не доморощенная «многонационалочка». Нет, «Пятнашка» — это зерно русского будущего, брошенное в благодатную степную почву Донбасса. Это наш Русский Интернационал.

Здесь абхаз и осетин отдадут долги русскому народу, своими жизнями платя за бывшее освобождение Абхазии и Южной Осетии. Здесь армяне и азербайджанцы воюют вместе за Русский мир, а не друг с другом. Здесь царит климат уважения и национального диалога. Здесь позывной Русский, Русич, Рус, Славян, Казак встречаются так же часто, как и позывные Черкес, Адыг, Татарин...

Всё объясняется просто — основной контингент интернациональной бригады — это всё же русские мужики с Донбасса. И не только с Донбасса. Кто поехал затыкать «просер» в Курскую область? Кто выправил там положение? Кто показал, как нужно воевать необстрелянным частям МО? Кто дал время для организации обороны? «Пятнашка»! Донецкие шахтёры и комбайнёры совместно с добровольцами из других частей нашей большой страны. От Душанбе до Кишинёва.

«Пятнашка» — матрица новой армии. Матрица Возрождённой Российской империи. Матрица СССР 2.0. Мультикультурализм — это когда нет ни русских, ни нерусских. Только «общечеловек» без роду и племени. Многонационалочка — это когда нерусские живут за счёт русских.

Русский интернационал — это когда русский народ старший среди равных. Это достойно и правильно. В этом Русская традиция.

Русский Интернационал — это когда все народы и этносы вместе с русскими воюют за общие (русские) интересы, оставаясь при этом абхазом, осетином, армянином, казахом...

Именно поэтому я счастлив служить в славном подразделении Русской армии ИБ «Пятнашка» под началом русского офицера Ахры-Абхаза!

— В наших СМИ и соцсетях вэсэушников нередко именуют «укронацистами», «националистами», «украинскими боевиками». Между тем от наших военных таких определений не услышишь, самое жёсткое — враг, чаще — противник. Как вы между собой называете тех, с кем воюете? И шире — кто он для вас, человек с оружием по ту сторону ЛБС?

— Противник, враг — слова из лексикона офицерского состава. От капитана и выше. Так легче планировать боевые операции. Отстранённо и логически чётко. Ненависть — плохой советчик человеку, от дел и решений которого зависят жизни его подчинённых.

Солдат же свободен от подобных ограничений. Он имеет право ненавидеть противника, который отвлекает его от любимых, семьи, работы, дома... К этой ненависти примешивается презрение к людям, выбравшим рабское подчинение европейцам вместо братского чувства к близким людям.

Помните стихотворение на Евромайдане — «никогда мы не будем братьями»... Поэтому вэсэушников в обиходе наш солдат называет матерно. На литературном языке это звучит как «пассивный гомосексуалист с отвратительными манерами». Так к ним и относимся.

— Насколько для вас и вообще для бойцов значимы новостная лента, геополитические расклады, международная повестка? Или воюющему человеку совсем не до политики?

— Зависит от каждого конкретного бойца. Его культурного уровня, увлечений, вовлечённости в медиасферу. Но чаще всего у военнослужащих просто не хватает времени на детальное отслеживание новостей про войну и мир. Солдат передоверяет это Верховному главнокомандующему. Если он скажет завтра, что война окончена, так тому и быть. Скажет продолжать, мы будем воевать ещё столько, сколько нужно для Победы.

— Вы из Приднестровья и наверняка следите за событиями вокруг малой родины. Насколько, по-ва-

шему, реально, что Украина попробует открыть «второй фронт» на этом направлении?

— Вероятность практически 100%. Это лишь вопрос времени. Январь 2026-го, декабрь того же года или март 2027-го. Вариантов и прогнозов много. В основном зависит от готовности Румынии пожертвовать парочкой миллионов своих граждан. Для ЕС румыны — это унтерменши, их не жалко. Их бросят в топку большой войны первыми.

— Как бы вы охарактеризовали вашу книгу «Моя Новороссия»? Чем она важна для вас и чем будет интересна читателю?

— Для меня это в первую очередь памятник моим боевым товарищам. Как живым, так и уже погибшим. Это обелиск в честь русского солдата в его лучших проявлениях. Для читателей будет небезынтересен взгляд из окопа на происходящее не только на фронте, но и в тылу. Не только на настоящее, но и на историю, породившую этот конфликт. Это честная книга. В ней нет желания под кого-то подстраиваться. Именно этим она и ценна.

— Так или иначе, под разным соусом людям, вовлечённым в боевые действия, задают один и тот же вопрос: «Когда всё это кончится?» А вы не только имеете боевой опыт, но ещё и писатель, а значит, обладаете интуицией художника и способны на обобщения. Когда, по-вашему, и каким образом закончится война?

— «Это», в смысле СВО, закончится в течение года. Максимум двух. Но война на этом не закончится. Тут есть немало вариантов дальнейшего развития событий. И все они так или иначе зависят от нашей воли.

Проявим жёсткость, и СВО перерастёт в новую холодную войну. Начнём мямлить и попытаемся пойти на примирение с «коллективным Западом», СВО перерастёт в большую войну. Но вне зависимости от развития событий мы победим. Точнее, мы уже победили.

Мы хотели изменить мир и сбросить с себя колониальные ограничения. Мы это сделали. Мир никогда не будет прежним, а колониальная система явно дала трещину. Добить эту гадину — наша задача на ближайшие 50 лет.

Беседу вела
Наталья Курянская,
корреспондент «ЛГ» в Донбассе,
член Общественной палаты ДНР

Бойцы интернациональной бригады «Пятнашка» под Авдеевкой, август 2022 г.

Вместо союза корпораций

По каким причинам ЕС теряет контроль над гражданами?

Европа переживает сдвиг, сравнимый с «Осенью народов» 1989 года, но теперь всё идёт в обратном направлении. Если тогда центр и восток Европы устремлялись от социализма к либерализму, сегодня ряд стран в этой части континента пытается вырваться из удушающих объятий брюссельской бюрократии. Это относится и к другим странам. Результаты выборов 2024–2025 годов в ФРГ, Австрии, Франции отражают не просто «правый поворот», а дают сигнал от национальных обществ: большинство избирателей отказывается умирать ради абстрактных глобалистских догм.

Ещё не так давно еврокомиссар Жозеп Боррель называл Европу цветущим садом. Сейчас тут засыхают деревья, а садовники строят заборы не только от внешнего мира, но и от обитателей сада. Стратегия «санитарного кордона», когда системные элиты пытались изолировать правые партии и других недругов, рухнула. В Австрии Партия свободов закрепляется в статусе ведущей силы. Во Франции «Национальное объединение» уже едва ли не диктует политическую повестку Елисейскому дворцу. ФРГ стала, пожалуй, самым болезненным примером изменений: успехи «Альтернативы для Германии» на земельных выборах и укрепление позиций на федеральном уровне показали, что за неё не только маргиналы. Алис Вайдель, сопредседатель АдГ, бросая вызов действующей власти, говорит: «Вы разрушили основу нашего благосостояния, отказавшись от российских ресурсов, и заменили инженеров на неквалифицированных мигрантов. Германия больше не хочет быть дойной коровой для идеологических экспериментов Брюсселя».

Причины происходящего в чём-то довольно просты. Социальный контракт, действовавший после Второй мировой войны, разорван. Граждане передали часть суверенитета центру и взамен получали рост благосостояния. Но уже довольно долго Брюссель продолжает забирать суверенитет, а в ответ предлагает лишь идеологию: зелёный переход, гендерное разнообразие. Да и войну на Украине поддерживает, по сути, на идеологической основе.

Экономическая реальность неумолима. ФРГ балансирует на грани рецессии: Volkswagen обсуждает закрытие заводов внутри страны, BASF переносит мощности в КНР и США. В Венгрии Виктор Орбан отмечает: «Брюссельская бюрократия создала мир, в котором идеология важнее реальности. Когда закрываются заводы в Баварии, рабочий понимает: это не свобода, это разорение. Европа должна вернуться к реальности».

Миграция стала ещё одним фактором растущего недовольства. То, что в 2015-м подавалось как гуманистический жест

Меркель («Мы справимся!»), спустя десятилетие воспринимается как экзистенциальная угроза. Европейцы устали от криминальных сводок и принудительного перераспределения мигрантов по квотам. Оценивая всё это, даже гибкий итальянский премьер Джорджа Мелони дрейфует вправо, пытаясь защищать христианскую идентичность Европы.

Перемены всё очевиднее. Французский историк Эммануэль Тодд описывает ситуацию как «моральный крах»: «Западные элиты отказались от религии и традиций, предложив вместо них культ меньшинств. Народы интуитивно чувствуют, что это путь в никуда. Голосование за правых — попытка нажать на стоп-кран поезда в пропасть постгуманизма».

Главный конфликт разворачивается между сторонниками национальных государств и Еврокомиссией. Брюссель пытается управлять двадцатью семью странами по одной методичке, игнорируя их особенности. Демократия стала врагом европейских «демократов»: народу запрещают «голосовать неправильно». Но ресурс запугивания почти исчерпан. Словацкий премьер Роберт Фицо говорит: «Эра диктата закончилась. Если быть в Европе означает потерять голос, такая Европа нам не нужна».

Для здравомыслящих аналитиков в РФ происходящее выглядит закономерным. Ведь давно понятно: отказ от суверенитета (даже его части) в пользу наднациональных структур неумолимо ведёт к деградации

элит и разорению стран и народов. Глава МИД РФ Сергей Лавров отмечает: «Элиты, поставленные Вашингтоном, решают задачи глобального доминирования, при этом национальные интересы стран ЕС приносятся в жертву. Оздоровление возможно только через возвращение к суверенитету».

Маловероятно, что Европа вскоре развалится на части, но тренд очевиден. Возникает новая «Европа Наций», которая пытается прорасти сквозь асфальт «Евросоюза Корпораций». Для правых партий, и не только для них, поскольку процесс перемен понятен многим, вызов в том, чтобы реализовать суверенную политику в условиях НАТО, ЕС, разрушенной энергетики и стареющего населения. Есть поле и для размышлений лидеров сил, которые исповедуют не левацкие, а действительно социалистические подходы и готовы сражаться за подлинное народовластие и справедливость.

Европейский избиратель устал быть «гражданином мира», где с его коренными интересами не очень считаются и водят за нос навязчивой пропагандой, постоянно лгут. Он хочет быть хозяином в своём доме, и это желание нельзя подавить ни преследованиями, ни штрафами, ни политической риторикой макронов, ни передовицами псевдолиберальных газет.

Валерий Александров,
Красноярск

РАКУРС

Пушкин и Ширак

Президент Франции чтит великого поэта

В заметке «Пушкин и клеветник» («ЛГ», № 46, 2025) я рассказал, как один из депутатов парламента Молдавии пытался бросить тень на нашего поэта, отбывавшего южную ссылку в том числе в Бессарабии, где в мае 1823 года Пушкин начал писать «Евгения Онегина». Но приходят новости и вдохновляющего характера.

Памятник Пушкину открыт 20 ноября на территории Русского духовно-культурного православного центра (РДКПЦ) в Париже, о чём уже сообщала «ЛГ». Скульптор Александр Таратынов изобразил поэта в сюжете XIX века и цилиндре. На церемонии присутствовали посол РФ во Франции Алексей Мешков, священники РПЦ, представители общественности Парижа. Из Бельгии приехали прямой потомок прапраправнук поэта Александр Александрович Пушкин и его супруга Мария Александровна. Звучала музыка Петра Чайковского. По словам Алексея Мешкова, «трудно представить себе более русского поэта и писателя, истинного патриота, чем Александр Пушкин».

Если это не ясно молдавскому депутату с его полной дремучестью, такого не скажешь о тех, кто пришёл на откры-

тие памятника, и о тех, кто независимо от ветров времени понимал величие Пушкина и воздаёт ему должное даже сейчас. Памятник установлен в центре Парижа, недалеко от набережной имени Жака Ширака, бывшего президента страны, человека совсем не того типа, который определяет сегодня европейскую политику.

В юные годы, как рассказывал Ширак, его притягивала Индия. Преподавателей древнего наречия — санскрита — тогда можно было пересчитать по пальцам. Но такой человек нашёлся. Его звали Владимир Беланович. Как оказалось, его родным языком был русский. Спустя несколько недель он предложил способному ученику сменить род занятий. Беланович был столь обаятелен, а русский звучал так певуче, что Жак согласился.

В 1997 году, выступая в рамках государственного визита в Санкт-Петербурге, откуда педагог был родом, президент Ширак сказал: «Месье Беланович учил меня русскому языку, когда я был совсем юн. Он открыл для меня двери в мир русской литературы, написанной на невероятном языке, в котором легко находятся выражения для любых без исключения страстей, эмоций, чувств, любых интонаций, идущих одновременно и от сердца, и от духа. Он научил меня читать Пушкина, что впоследствии навело меня на мысль сделать собственный перевод «Евгения Онегина» на французский».

Когда перевод был завершён, Жак, которому тогда было 19 лет, отправил его в несколько издательств, но без успеха. В 1974-м Ширак стал премьер-министром, и издатели смягчились. Не без юмора вспоминал он об этом: «Как только я стал главой правительства, сразу же в моём кабинете раздался звонок. На другом конце провода был представитель крупного издательства: «Господин премьер, мы только

что обнаружили вашу невероятную работу — перевод «Евгения Онегина». Никаких сомнений, что мы готовы его опубликовать. В толк не возьмём, почему этого не сделали раньше. Но нам нужно, чтобы вы написали небольшое предисловие...» Я ответил: «Послушайте, если вы не хотели публиковать рукопись, когда мне было 20 лет, то у вас не должно быть желания и сейчас, когда я премьер-министр». Так моя карьера в области литературного перевода приостановилась».

В 2019-м, за несколько месяцев до смерти Жака Ширака, Владимир Путин высказал своё мнение о нём: «Это интеллектуал, настоящий профессор, человек действительно мудрый и интересный. Когда он был президентом, у него находилось мнение по любому вопросу и он умел его отстаивать. И он всегда уважал своих партнёров».

Невольно вспоминается лермонтовская строчка: «Да, были люди в наше время...»

Владимир Сухомлинов

К ДОСКЕ!

Буллинг учителя

Почему никто не приструнит «потерявших берега» подростков

Весной этого года в одной из школ Екатеринбурга случилось вполне заурядное происшествие. Восьмиклассник громко болтал, на замечания учителя не реагировал и сорвал урок физики. Но в какой-то момент молодой педагог не выдержал, швырнул в сердцах на пол авторучку, которая отрикошетила в ученика, заломил разбушевавшегося восьмикласснику руку и повёл его к директору школы. Что в результате? В сентябре за причинённые «потерпевшему телесные повреждения, не повлёкшие вреда здоровью, но вызвавшие физическую боль», суд назначил педагогу наказание в виде 1 года 6 месяцев исправительных работ с удержанием 10% из заработка в доход государства, лишил учителя на 2 года права заниматься педагогической деятельностью и обязал выплатить хулигану компенсацию морального вреда в размере 120 тысяч рублей. Понятно, почему выпускники педвузов не хотят идти работать в школу?

После буржуазной революции 1991 года на смену прежней системе социальных идеалов пришла незамысловатая идеология потребительского общества. Целью человеческого существования были объявлены потребление, комфорт и развлечение. Соответственно и наша школа вместо формирования «гармоничной личности строителя светлого будущего» принялась штамповать «цивилизованных потребителей».

На этом фоне авторитет учительской профессии из-за более чем скромного вознаграждения за труд стал катастрофически падать. Непомерно огромные суммы расходуются на содержание бесчисленного рати чиновников, всевозможных «центров развития образования», проведение масштабных показушных мероприятий и «аббревиатурных» экзаменов и т. д. Простым учителям, на которых, собственно, и держится школа, достаются лишь жалкие крохи.

Не хочу приводить «средние по больнице» статистические цифры. Сошлюсь на собственный пример. Моя нынешняя «чистая» зарплата — 40 тысяч рублей при учебной нагрузке 21 час. Столько же получает и моя жена, тоже преподаватель русского языка. Её педагогический стаж — 35 лет. Если учесть, что наша педагогическая нагрузка до последнего времени всегда была как минимум в полтора раза больше положенных 18 часов, то выходит, что вдвоём мы работали за троих. Экономический результат такой продолжительной и интенсивной деятельности, увы, совершенно неутешительный, даже плачевный. Нам удалось сделать, да и то не полностью, лишь ремонт в трёхкомнатной квартире, которая досталась мне от отца. Ни машины, ни дачи, ни денежных накоплений у нас нет.

Поскольку мерилом пресловутой «успешности» в обществе потребления служат материальные ценности, то нынешние учителя в глазах своих подопечных не могут служить образцами для подражания и зачастую становятся объектами для насмешек и прямых издевательств. Теперь даже случаи избивания педагогов агрессивными подростками, желающими

ми самоутвердиться, перестали быть редкостью. Интернет полон видео, на которых ученики надевают на голову учителя мусорное ведро, нокаутируют ударом в голову, посылают его матом в известном направлении. Недавний случай, когда молодой учитель в ответ на хамское поведение ученика бросил в него ручку и получил за это «страшное» преступление реальное уголовное наказание, чрезвычайно характерен.

Это происшествие получило широкую огласку в наших СМИ, однако удивляет позиция учительской общественности, которая в очередной раз никак не отреагировала на форменное издевательство над своим коллегой, оказавшимся совершенно незащитным перед судом. Впрочем, этой самой «учительской общественности» при апатии и недееспособности профсоюзной организации, кажется, давно уже и не существует. Честное слово, современные учителя мне порой напоминают стадо

Травля учителей, как показано в фильме «Дорогая Елена Сергеевна», началась ещё на излёте советской власти

вать, что она по инфраструктуре ничуть не уступала (если не считать, разумеется, компьютерное оснащение) крупному городскому учебному заведению, в котором я сейчас преподаю. В классах моей первой школы было по 20–25 человек, работала она в одну смену. Теперь мне приходится «сеять разумное, доброе, вечное» в две смены в классах, в которых насчитывается по 40 учащихся.

С появлением ИИ в одночасье устарело большинство учебных методик. Теперь бессмысленно задавать письменные работы на дом: любое

ного пособия, который легко найти в Интернете, в качестве диктанта я использовал фрагмент из своей книги о Новороссийске «Город норд-остов». Каково же было моё удивление, когда, проверяя тетради, я обнаружил невероятно высокий уровень знаний своих подопечных, в том числе отпетых двоечников. Оказалось, что книга «Город норд-остов» имеется в Интернете, а списывать нынешние ученики научились виртуозно!

Разумеется, противиться техническому прогрессу и спорить с Алисой бессмысленно, надо искать совершенно новые формы преподавания, иначе ИИ сделает профессию учителя устаревшей и ненужной. Возможно, дальнейшего развитие цивилизации, как это предсказывают некоторые адепты либерализма, например, популярный израильский учёный Юваль Ной Харари, пойдёт таким путём, что у человека отпадет необходимость напрягать физические, душевные и интеллектуальные силы. Поэтому мне трудно осуждать своих учеников, которые уже сейчас избегают каких-либо умственных и нравственных нагрузок, предпочитая едва ли не половину жизни проводить в виртуальной реальности.

В завершение хотелось бы вкратце затронуть одну весьма застарелую школьную проблему, а именно явную неадекватность системы оценивания знаний учащихся. Фактически она имеет трёхбалльную шкалу, от тройки до пятёрки. Двойки, мягко говоря, не приветствовались и в советской школе, поскольку считалось, что они свидетельствуют не о неудовлетворительных знаниях ученика, а о плохой работе учителя. Однако далеко не все учащиеся способны усваивать программу

своего класса, и среди двоечников имеются ребята с явной задержкой психического развития. По моим наблюдениям, они составляют примерно четвертую часть неуспевающих учеников. Остальные три четверти — это либо зlostные прогульщики, либо закоренелые хулиганы, либо немотивированные лентяи. Практически в каждом классе имеются подобные «оригиналы». Но поскольку двойки ставить не рекомендуется (хотя формально это и не запрещено), то учителя, часто идя против совести, просто вынуждены «рисовать» им удовлетворительные оценки. Мне представляется, что необходимо «узаконить» не только двойку, но и единицу и ставить эти оценки без всяких ограничений, то есть по справедливости. В документах об окончании 9-го и 11-го классов могут стоять не только тройки, четвёрки и пятёрки, но и заслуженные единицы и двойки. Ничего страшного в этом нет.

Несколько лет назад я написал статью «Наш «Титаник» прёт на айсберг», посвящённую российскому школьному образованию и опубликованную в «Литературной газете». Если использовать эту метафору и сравнивать нынешнюю школу с кораблём, то можно отметить, что он отнюдь не обречён на крушение, поскольку сама жизнь заставляет рулевых маневрировать. Но только избрав правильный курс, мы миновем роковые препятствия и двинемся полным ходом в «прекрасное далёко», в котором восторжествуют идеи социальной справедливости и гуманизма.

Виктор Пахомов,
заслуженный
учитель России,
Новороссийск

“
Нынешние учителя
зачастую становятся объектами
для насмешек, даже случаи избивания
педагогов агрессивными подростками
перестали быть редкостью.
“

жертвенных коров или баранов, понукаемых и ведомых в неведомом направлении неизвестными поводами. Они подвергаются жёсткому давлению со стороны администрации, родителей и учащихся, завалены зачастую совершенно абсурдной работой, начальство управляет ими по телефону круглые сутки в режиме онлайн. Например, моя супруга ежедневно получает из школы десятки разного рода сообщений и указаний, обязывающих её немедленно сдать очередной никому не нужный документ.

Вспоминая сельскую школу, в которой я после окончания университета трудился по распределению три года в начале 80-х годов прошлого века, я могу с печалью констатиро-

упражнение или сочинение за ученика прекрасно выполнит пресловутая Алиса. Прежде я любил читать сочинения учеников на темы «Моё самое яркое эстетическое впечатление», «Посещение литературного музея», «Любимое увлечение» и т. д. Однако несколько лет назад столкнулся с массовым списыванием из Интернета одних и тех же прилиженных текстов и был вынужден отметить подобную форму работы. Самое печальное, что многие ученики готовы ради хорошей оценки пойти на любой обман и подлог и без зазрения совести выдают тексты, созданные ИИ, за написанные самостоятельно! Ситуация иногда принимает анекдотический характер. Не так давно вместо текста из учеб-

Миг между прошлым и будущим

В прокате — экранизация романа Евгения Водолазкина

О несоответствии фильма Егора Кончаловского «Авиатор» одноимённому роману уже написано и сказано достаточно, поэтому не будем заниматься сопоставлением с первоисточником, тем более сам писатель не возражал против оригинального сценария, справедливо замечая, что «кино и литература — совершенно разные стихии».

По жанру «Авиатор» — классическая мелодрама, приправленная фантастическим сюжетом, красивым видеорядом и музыкой Максима Фадеева. Актёрский состав придаёт ему дополнительную привлекательность. Казалось бы, все ингредиенты успеха налицо, однако шедевра не получилось. Возможно, недоработаны характеры отдельных персонажей и объединяющая сюжетные линии идея. Перипетии судеб героев поданы отстранённо, не вызывая сопереживания. Реакция на ряд сценарных поворотов — «не верю».

Отправная дата киноистории — лето 2026 года. В секретной лаборатории под Санкт-Петербургом профессору Гейгеру (Константин Хабенский) удаётся оживить одного из 13 замороженных в 1929 году в рамках эксперимента «Лазарь» заключённых Соловецкого лагеря. Им оказывается инженер-авиаконструктор Иннокентий Платонов (Александр Горбатов). Казалось бы, прорыв в науке, событие мирового масштаба, о котором надо поведать городу и миру, пора собираться за Нобелевской премией. Однако исследования ведутся тайно, каким-то куцым составом соратников, из которых учёный только один — молодая супруга профессора психолог

Александр Горбатов и Дарья Кукарских

Анастасия (Дарья Кукарских), больше похожая на студентку, удачно выскользнула замуж за успешного мужчину в годах. Спонсирует экспедицию и исследования олигарх Виктор Желтков (Евгений Стычкин), предоставивший огромную виллу в стиле хай-тек под медицинский центр и проживание супругов. За состоянием пациента следит всего одна медсестра Валентина (Софья Эрнст), она же по совместительству любовница Желткова. Приглядывает за семьёй

учёных и Платоновым доверенное лицо олигарха, решительный мужчина крепкого телосложения (Алексей Кравченко). Несмотря на секретность исследований, супруги Гейгер свободно перемещаются по Санкт-Петербургу и области, посещают тусовки Желткова, больше похожие на разнузданные оргии. Анастасия опекает Платонова, вывозя его на природу и в город.

Размороженный почти через 100 лет Платонов статичен, сохраняя каменное

выражение лица на протяжении всего фильма, даже в воспоминаниях о прошлой жизни. Отсутствие эмоций Платонова можно понять. Он попал в новый век, находится в шоке, мучительно восстанавливая память. А вот поверить в любовь Анастасии к своему мужу и в её влюблённость в Платонова не получается. Актриса Дарья Кукарских очень красивая девушка, но и только. Общение героев любовного треугольника построено на довольно сухих фразах или не очень выразительном молчании. Любовные сцены показаны натурально, но холодно, технично. У Анастасии есть мечта — ребёнок, которого ей не может подарить муж. Но чудо происходит, оживший авиатор явился из прошлого с особой миссией — сделать бездетную семью учёных полноценно счастливой.

В судьбе Платонова ключевую роль сыграл сосед по коммуналке из 1920-х годов Зарецкий. Возможно, этот скользкий тип донёс на отца Анастасии (любовь из прошлых лет, как две капли воды похожая на Анастасию нынешнюю), что привело к цепи трагических событий. Увы, у Антона Шагина убедительного негодяя или нелепого пьянчуги-пролетария не получилось. Если была поставлена задача изобразить персонажа типа Шарикова, тоже нет попадания, образ неестественен, слишком нарочит.

При этом нельзя не отметить актёрские удаchi. Константин Хабенский в роли Гейгера действительно похож на учёного. Не вызывают сомнения его искренняя любовь к юной жене, ревность и боязнь её потерять. Экспериментом по обретению бессмертия он породил соперника из поколения прадедов, что повергает его в мрачные

«Авиатор»: холодная вечность

Первые впечатления от киноленты Егора Кончаловского

Экранизировать Евгения Водолазкина — дело благодарное, как и в случае с любым писателем, ценность произведений которого проистекает в первую очередь из умения обращаться со словом. Фабула остаётся всегда, но далеко ли на ней уедешь? «Авиатор» с этой точки зрения — выбор крайне неочевидный, в связи с чем Егору Михалкову-Кончаловскому хочется сделать аванс — за смелость.

Как превратить в фильм книгу, центральная идея которой — торжество эмоционального опыта в рамках личной истории над событиями истории мировой? Где наивысшая точка напряжения — это чаепитие летним вечером на даче и падающий из окна тёплый свет? Можно ли это перенести на экран? Безусловно. Получится ли объяснить не читавшему книгу зрителю, что этот закат и самовар — это то, ради чего он покупал билеты? Да, и история кино знает такие примеры. Но это совершенно особая задача, и Егор Кончаловский сделал выбор не в пользу неё.

Невозможно знать, о чём размышлял режиссёр, начиная работать над «Авиатором», но по итогу ход мысли видится примерно таким: о чём эта книга? О сути

бессмертия. О чём будет фильм? О его цене. Ракурс найден — работаем над сценарием.

Последствия этой работы знакомый с оригиналом зритель заметит с первых кадров. Если центральным персонажем романа был Иннокентий, то главными героями картины с известной долей субъективности я бы назвала Гейгера и Анастасию. История начинается с них и кончается ими, хотя формально последним экран эффектно покидает Иннокентий. Мы следим за персонажами Константина Хабенского и Дарьи Кукарских на протяжении добрых минут десяти: вот они, супруги и коллеги, находят во льдах Соловков «лазарей», вот вместе посещают вечеринку друга и инвестора, вот занимаются любовью на диване в гостиной... Бессмысленно проводить параллели с книжными Гейгером и Анастасией, потому что у Кончаловского это другие персонажи, личная история, взаимоотношения и характер которых были созданы с нуля. Здесь режиссёру хочется сделать комплимент и отметить, что оба героя отлично проработаны, а не сведены к функциям, которые толкают сценарий в нужном направлении.

Наконец, в повествование врывается Иннокентий в исполнении Александра

Константин Хабенский в роли Гейгера

Горбатова, авиатор Платонов, центральный персонаж романа и гипотетически главное действующее лицо фильма. Рождённый в 1900 году, свидетель революции, узник соловецкого лагеря, замороженный в ходе эксперимента и вернувшийся к жизни спустя без малого сто лет. Он приходит в сознание после разморозки, и мы видим его несколько

заторможенным, погружённым в себя и равнодушным к миру. Затем Иннокентий начинает вспоминать прошлое... и выясняется, что таким он и был изначально, ещё до заморозки. Соловков и потери возлюбленной. Не зря на постере герой изображён в виде ледяной глыбы — так мы его на протяжении всей картины и ощущаем.

ПРЕМЬЕРА

«Однажды в СНТ»

О новом фильме Михаила Крупина «Холмы»

В киноконцертном зале «Эльдар», созданном когда-то Эльдаром Рязановым, состоялась премьера новой киноленты Михаила Крупина «Холмы», ироничной и немного грустной притчи о жителях нашей Земли. В афише указано – фильм по рассказам К. Чапека. В 600-местном кинозале не было свободных мест, а после премьеры зрители долго не расходились, устроили овацию, благодарили создателей фильма, задавали множество вопросов режиссёру...

раздумья и заставляет отказаться от продолжения работ с криоконсервацией. Евгений Стычкин играет олигарха Желткова естественно и задорно. Финансирование научной работы проводится им не из-за мечты осчастливить человечество. Он готов подвергнуть себя заморозке в надежде, что его неизлечимый недуг в будущем будет побеждён. Убедителен Илья Коробко в роли двоюродного брата Платонова Севы, ставшего большевиком. Он истов и фанатичен, готов карать любого, вставшего на пути мировой революции. Сева тоже любит Анастасию. Замечательным актёрам Валерию Баринову (Жуковский) и Виталию Кищенко (Воронин) достались роли небольшие, но талант не скроется даже за эпизодом. Мастерски сыгранная крошечная роль есть и у Ирины Пеговой (молодая женщина на улице холодного и голодного после-революционного Петрограда).

Сюжет, сконцентрированный на любовных отношениях героев, только пунктиром наметил вопросы философские: какова цена бессмертия, нужно ли оно человеку, если он сам будет никому не нужен в будущем, возможно ли искупить грех прошлого, как соотносятся наука, нравственность и вера. В финале фильма Гейгер устраивает дорожную аварию, нисколько не заботясь о последствиях для других, когда Анастасия сообщила, что у них будет ребёнок. Он счастлив и без сожаления выбрасывает в реку тетрадь с уникальной формулой вещества, позволяющего сохранять человеческое тело на века. Желтков внезапно умирает от тромба, а не от неизлечимой болезни. Платонов на подаренном ему Желтковым и собственноручно восстановленном старом аэроплане бестрепетно взмывает в небо, но не для полёта, а в никуда. Он просто улетел и не обещал вернуться.

Людмила Смирнова

Отчасти на центральную идею фильма новый образ Иннокентия работает. Он – воплощение идеи бессмертия. Спустя сто лет всё так же молод и хорош собою, а ещё – вырван из необратимо изменившегося мира, отрезан от людей и интуитивно им чужд. Но Кончаловский не экранизировал бы «Авиатора», а снимал бы какой-то другой фильм, если бы проигнорировал эмоциональную сторону вопроса. Так ли нужно жить вечно, если в итоге ты останешься один – не просто без семьи и друзей, но даже без врагов и просто знакомых лиц? Без возможности разделить с кем-то воспоминания и опыт. Развязка этого конфликта в романе совершенно иная, чем в фильме, но и в кино она по-своему логична: вечная жизнь у Кончаловского превращается в вечное проживание жизни утерянной. И вот здесь эмоциональная статичность героя мешает. Его трагедия понятна на рациональном уровне, но на эмоциональном она проходит мимо зрителя.

Зато другие герои фильма при взгляде на жизнь Иннокентия выводы делают и избавляются от иллюзий не только о вечности, но и о текущем моменте. Авиатор Платонов приходит в их жизнь, чтобы круто её изменить и исчезнуть – раствориться в небе. И зритель смотрит ему вслед без особого сожаления.

София Шпитонкова

Почему Карел Чапек? Со времён обилия экранизаций мировой классики кино-контент давно и ощутимо поменялся. Впрочем, место действия и в этом фильме – современная Россия. Фильм всего лишь «по мотивам» рассказов К. Чапека, писавшего о милой сердцу буржуазной Чехии начала XX века. И там простые криминальные истории – буржуазность едва установилась, «романтическая дымка» в головах не развеяна ещё до конца, и человек ещё мучается, любит и боится, философствует и борется за место под солнцем. Но все пока стараются быть вежливыми и деликатными друг с другом. Правда, плохо получается.

Ну чем не современная Россия? Действительно, очень похоже.

Криминальная канва для режиссёра Крупина скорее повод для разговора о наших современниках. Несколько новелл, объединяющих знакомых друг с другом людей, как в капле воды являют нам жизнь современного общества с его прагматизмом, расчётливостью, но и с попытками героев вырваться из заколдованного круга, в смутном тяготении к какой-то иной, подлинной жизни.

На одной земле на разных берегах реки (кажется, даже в одном СНТ) живут известный адвокат и местный участковый, деревенская женщина и сбежавший заключённый, приходской священник и фанат буддийской философии, актёр и коммерсант, издатель и поэт... В фильме смешаны явь и абсурдистские сны, острая социальная сатира, слепая страсть и настоящая любовь...

На мой взгляд, «Холмы» предоставляют нам уникальную возможность взглянуть как будто с птичьего полёта на самих себя. Причём в тех ракурсах и в той освещённости, когда всё происходящее с нами становится более отчётливым, выпуклым, как на античном горельефе.

Разнородные, казалось бы, сюжеты сплетаются между собой всё теснее, а значит, нас ждёт единая развязка... Что же, и в этом полузабытая древняя правда. Все мы сплетены в единый клубок намертво – не разорвать.

Автор сценария и режиссёр картины Михаил Крупин признаётся: «Очень рад, что

удалось наконец-то отойти от жанровых историй, от чистых детективов и «новогодних комедий» и сделать кино авторское, в хорошем смысле слова, то есть вне строгих лекал коммерческой драматургии. Хотя и элементы триллера, и мелодрамы, и комедии характеров и положений здесь присутствуют. ... Мне хотелось, чтобы фильм стал неким психологическим исследованием и в то же время притчей, вобравшей в себя все эти элементы, как, в сущности, и наша жизнь вбирает их все, перемалывает, и всё это, возможно, ради каких-то очень простых выводов, которые нам предстоит сделать... Но после «просмотра» нашей жизни.

Скажу вам по секрету, вскоре выйдет и 4-серийка, где будет представлена история в полном объёме, а сейчас вас ожидает такая квинтэссенция сюжетных коллизий».

Говоря о «Холмах» Крупина, нельзя не сказать и о роскошных актёрских работах. Виталий Кищенко играет следователя Батова, страсть которого к молодой красавице-жене находится в непримиримом конфликте с чувством долга. Его жена Елена (актриса Дэви Наир) – существо таинственное как сама природа, и до последнего мгновения не удалось разгадать – верна ли она мужу, кого любит – трудягу-следователя или красавца-бюрократа Морозова (Алексей Анищенко)?.. С выдержкой, которая сделала бы честь самому Штирлицу, чиновник Морозов в кабинете Батова претерпевает долгий и мучительный допрос. Кажется, сапфирово-льдистый взгляд Кищенко, сквозь который рвутся языки геенны, хочет выпытать, уничтожая, саму тайну жизни...

Александр Ильин-младший разыгрывает как на скрипке кровоточащую психическую травму злодея такими *adagio* (затем и *allegro*), что проследился бы и доктор Фрейд.

Диковинную пару составляют чиновник Лотов (Юрий Круценко) и философ-полицейский Котов (Александр Аноприков). Словно два полуслепых выводят ощупью друг друга на духовную тропу...

Проваливаясь в фильм, помалу забываешь, кто здесь главный герой, кто второстепенный, чья началась сейчас история, новелла... Главные

Елена (Дэви Наир) и Батов (Виталий Кищенко)

„
Страсть
следователя
к молодой
красавице-
жене находится
в непримиримом
конфликте
с чувством долга.“

здесь все. История на всё их СНТ, на всю нашу Россию одна. Вот деревенский поэт (Михаил Крупин) на распутье. Его хотят купить (ох, далеко не каждому поэту сегодня выпадает это счастье!). Останется ли он Поэтом, сохранит ли независимость или польститесь на неслыханные в захолустье гонорары, может быть, предав свой дар? Но как же ему трудно смотреть в глаза сыну, которому читал Лермонтова только вчера...

Столичный издатель (Валерий Баринов) простодушен и дьявольски хитёр одновременно, а его супруга (Ника Амираджиби) властолюбива, обольстительна и компетентна в закулисных играх. А как напевен и ярко дуэт вечных товаров-соперниц – деревенских разведёнок Полины Нечитайло и Елены Сергеевой – в борьбе за внимание харизматичного урки (Константин Гацалов). И, как всегда, исполнена невыразимым обаянием «старая гвардия» – Михаил Филиппов в роли полковника спецслужб и Борис Токарев в роли приходского батюшки.

Герои Михаила Крупина литературны – много мыслят, разговаривают, что, впрочем, ничуть не замедляет действия. Но только самый малоречивый герой, ударенный буддизмом и единоборствами Воха

(В. Плетнёв), оказывается способным спасти человека, не раздумывая ни секунды, чтобы «жизнь положить за други своя». Его поступок в итоге не просто спасает жизнь друга, а молниеносно исцеляет его душу (роль А. Ильина). Вспоминаются бессмертные стихи Пастернака: «...Но чудо есть чудо, и чудо есть Бог. / Когда мы в смятении, тогда среди разброда / Оно настаивает мгновенно, врасплох».

Чудесное и вечное то входит в жизнь героев фильма исподволь, украдкой, то взмахом, неожиданно. Оно словно ветер, «как дух, который дышит, где хочет», «приходит и уходит...», оно выше всех социальных барьеров, условностей столичного гламура, всех суетных тревог и интриг.

В финале картины смертельная угроза ставит каждого героя перед «морально-этическим выбором». Перед тем самым выбором, который всё-таки делает нас одним народом, объединяя над разноголосицей корпоративных интересов и культурных страт.

Недаром же тем поэтическим вечером, когда во всём СНТ вырубило электричество, при свечах в особняке и в избе запевают вдруг одну и ту же песню.

Хотя все эпизоды фильма как бы подсвечены ироничной улыбкой, режиссёр любит своих героев, верит в них...

И даже эпитафия из Бродского «Смерть – это только равнины, жизнь – холмы, холмы» оповещает о том, что ещё ничего не потеряно. Пока мы на холмах, всё ещё можно поправить – страну и себя.

А ещё этот фильм о неприметном и вечном присутствии незримого, таинственного мира в нашей жизни. О том, что миру, его тайне и самому, казалось бы, понятному и рядовому человеку нет конца...

Андрей Докучаев

«Музыка воспитывает ум и душу»

Яркий дебют дирижёра Дмитрия Матвиенко в Парижской опере

35-летний дирижёр Дмитрий Матвиенко, выпускник Санкт-Петербургской и Московской консерваторий, лауреат нескольких международных премий, который выступал со многими российскими оркестрами, дебютировал на сцене Оперы Бастилии в «Аиде» — одном из главных шедевров Джузеппе Верди. Его успех вдвойне знаменателен ещё и потому, что у него не было музыкальных репетиций — он встретился с оркестром буквально перед началом спектакля. После премьеры с Дмитрием Матвиенко встретился собкор «ЛГ» во Франции.

— Как прошёл ваш дебют в «Аиде»? «Взять» Бастилию в вашем возрасте — это круто? Или для вас это ещё одно выступление в череде других — после Рима, Вены, Токио, Роттердама, Осло, Венеции и прочих?

— Выступление в Опере Бастилии — одно из самых важных в моей карьере, одно из тех, которые ждёт любой дирижёр независимо от его статуса, регалий или возраста. Это огромная, прекрасно оснащённая технически сцена, каких, быть может, всего пять-шесть в мире, и феноменальный оркестр. Принимали очень хорошо, а я, будучи в кураже, не сразу осознал, в каком восторге парижская публика, которая всегда готова «забукать» не понравившийся спектакль.

— Трудно было сразу найти общий язык с незнакомым оркестром?

— Открою вам маленькую тайну: с этим оркестром у меня не было репетиций, и мы встретились впервые только на спектакле. Я действительно очень волновался. Парижская оркестровая яма огромная, и, чтобы добиться совместного звучания, дирижёр должен быстро адаптироваться к новому пространству и новому оркестру, включая последние пульты музыкантов. Но они точно чувствовали, как нужно со мной взаимодействовать: когда взять на себя инициативу, когда прислушаться. Видимо, сразу увидели, что я молодой боец, которому нужно помочь. Для меня успех в «Аиде» в какой-то степени стал авансом, который поможет успешно выступать в дальнейшем.

— Как вы строите свои отношения с музыкантами? Вы первый среди равных? Предоставляете им разумную свободу? Правите железной рукой в бархатной перчатке? Или, как и Геннадий Рождественский, выступаете в роли «доброжелательного диктатора»?

— Время диктаторов кануло в прошлое. Если сегодня ты

Дмитрий Матвиенко: Бастилию взял!

диктатор, значит, останешься без работы. Это могли себе позволить такие личности, как Тосканини, Челибидак, Баренбойм, Мути, карьера которых формировалась в прошлом веке. Дирижёры XXI века не могут делать карьеру с позиции силы. Сегодня эта сила должна быть «мягкой». Ты должен вдохновлять, убеждать, уметь вести диалог, быть таким, кого называют пісе (милый, приятный. — Ю.К.). Для оркестрантов и менеджмента репетиционный процесс часто важнее результата. Бывает, что дирижёр сразу начинает «мочить» оркестр, выжимать из него максимум во время репетиций. Результат очень хороший — публика довольна, но тебя больше не приглашают, потому что никто не хочет проводить с тобой лишнюю неделю изнурительной работы. Весь процесс сейчас должен строиться на позитиве, любви, взаимном уважении и симпатии.

— «Дмитрий Матвиенко громко заявил о себе как молодой дирижёр, имеющий потенциал своих великих предшественников — Евгения Светланова и Геннадия Рождественского», — отмечает издание *Crescendo Magazine*. Эстафета попадает в надёжные руки?

— Это всё очень красиво и лестно выглядит на бумаге, но не думаю, что сейчас такая оценка правомерна. Светланов и Рождественский — величайшие советские, русские дирижёры. Мне повезло несколько раз иметь общение с Геннадием Николаевичем, я поступал в Московскую консерваторию, когда он там заведовал кафедрой, посещал все его уроки, пока там учился. Для меня он был живой легендой, человеком, который работал с Шостаковичем, Прокофьевым, Шнитке, исполнял их премьеры.

”
Я счастлив, что выступил в Парижской опере, где меня поддерживали и солисты, и оркестр, но не хочу переживать постоянно такой стресс, дебютируя без репетиций.
“

Так же и великий Светланов. Даже смешно сравнивать меня с ними — я только в начале пути.

— Как случилось, что мастер-класс Валерия Гергиева, посвящённый скрибинской «Поэме экстаза», сыграл определяющую роль в вашей творческой судьбе?

— Мне было лет девять-десять, когда я получил запись моего одноклассника. Тогда я про дирижирование мало что знал. Это был мастер-класс для трёх студентов разных консерваторий — японца, итальянца и француза, которые работали над «Поэмой экстаза». Валерий Абисалович показывал, как возможно влиять на звучание оркестра посредством движений рук и мимики. Меня это тогда абсолютно потрясло и показалось настоящим волшебством, которое словно сошло со страниц «Гарри Поттера». До сих пор, когда попадает эта запись в ютубе, я пересматриваю и понимаю, что мои ощущения остались прежними. И уникальное звучание оркестра Мариинского театра, который он создал, есть результат этой магии.

— Как бы вы ответили сегодня на вопрос профессора Московской консерватории Геннадия Рождественского своим абитуриентам: «А зачем ты хочешь стать дирижёром?»

— Мне кажется, что он и мне задавал этот вопрос при поступлении в консерваторию. В тот момент от парня двадцати с небольшим лет нельзя было ждать чего-то вразумительного. Всегда последует что-то вроде «я очень люблю музыку», «я хочу влиять на музыку посредством рук», «у меня столько идей». Мотивация многих, которые идут в эту профессию, — это зашкаливающие амбиции и желание руководить музыкальным процессом.

— Это и ваш случай?

— Любой дирижёр должен быть амбициозным... Мои последние недели, когда я готовился сразу к нескольким выступлениям, были необычайно насыщенными, и казалось, что я был выжат как лимон и разумно было бы сделать паузу. Но сегодня проснулся с мыслью о следующей программе и стал её обдумывать. То есть сразу почувствовал голод работы, несмотря на то, что эмоционально и физически истощён. Но я обожаю свою профессию. Потому что за жестикующей дирижёрской игрой музыкантов скрывается интимный процесс, который невозможно передать посредством слов, живописи или другого искусства.

— Можно ли говорить о наступлении нового поколения дирижёров? «И пусть у гробового входа младая будет жизнь играть»...

— Можно скорее говорить о моде, которая меняется последние 10–15 лет. Например, появились некоторые новые правила, которые должны соблюдать музыкальные институты, оркестры и оперные театры, в частности,

равенство между женщинами и мужчинами — дирижёрами. Да и вообще сейчас на первом месте стоит толерантность: нельзя ущемить ничьи права, следует соблюдать всеобщее равенство. К сожалению, от этого страдает качество. Разумеется, мы все должны быть толерантными, это бесспорно, но это ни в коем случае не должно влиять на художественный уровень исполнения. Как и в жизни, так и в нашей профессии нужно находить баланс, и, надеюсь, что в итоге мы к этому придём.

— С незапамятных времён дирижёрство вызывало вопросы. Ещё Римский-Корсаков считал его «тёмным делом», Рождественский говорил, что это «благодатная почва для мошенничества» и что он не занимается «хореографией с помощью рук». Чем вы объясняете нынешнюю популярность вашей профессии?

— Действительно, конкуренция бешеная, рынок переполнен, и надо отметить, что появилось много хороших дирижёров. В глазах обывателя наша профессия очень привлекательна: дирижёр — это царь и бог, который вершит судьбами. Он выходит, иллюстрирует звучание, кланяется, получает большие деньги и вдобавок ко всему долго живёт. Должен разочаровать насчёт гонораров: к сожалению, это не так, и он, дирижёр, далеко не такая влиятельная персона, как может показаться. Сейчас правят бал режиссёры, интенданты — директора. Они выбирают дирижёра, который такой же артист, как оперный певец, скрипач или пианист. Он отвечает за музыкальную часть, не решает судьбу постановки. Когда я стал работать главным дирижёром в датском оркестре, то был поражён, насколько невелико моё влияние на жизнь коллектива. Да, я могу выбрать программы для своих концертов, порекомендовать солистов, с которыми хотел бы выступить, но последнее слово будет за художественным руководителем. Ты должен согласовывать каждый свой шаг и каждое своё решение сильно заранее, касательно репетиционного плана, раскладки оркестра на сцене и т. д. Если во время репетиции ты понимаешь, что та или иная вещь не работает, как ты планировал, оркестр очень не любит что-то менять, это выводит его из зоны комфорта. Тогда как в России я привык к тому, что дирижёр помимо музыкальных влияет на многие другие процессы.

— В чём особенность вашего творческого почерка? Можно ли вас узнать по звучанию оркестра?

— У меня пока не так много записей. С моим оркестром мы записали минувшим июлем

СОБЫТИЕ

Оригинальность
и свежесть мелодий

Мировые премьеры произведений Г. Свиридова

6-ю симфонию Прокофьева и «Тихие песни» Сильвестрова. Диск выйдет через несколько месяцев. Тогда я смогу сам оценить, насколько индивидуален и узнаваем мой почерк.

— **«Не навреди!» — гласит главный завет великого врача Гиппократ. Насколько он применим к дирижёрам?**

— Это первое, что нам говорят в консерватории: самое главное в дирижировании — не мешать. Когда ты только начинаешь, это вообще непонятно: а зачем тогда ты стоишь у пюпитра? Это сложная психологическая работа — воздействовать таким образом, чтобы музыканты присваивали себе твою музыкальную идею, считали её своей, были её исполнителями и, наконец, чтобы она им нравилась.

— **Вопрос, который обсуждается десятилетиями: на ваш молодой зоркий взгляд, есть ли кризис в опере? Нужны ли ей реформы?**

— Что считать кризисом? Кризис жанра? Кризис композиторский или кризис оперы как машины — конвейера, который бесконечно, день за днём выдаёт продукцию, когда бюджеты всё тают и нужно всё время ужиматься? Все мы хотим получать товар высокого качества за минимальные деньги. Это аксиома, которая распространяется не только на театр, но и на всю нашу жизнь. А театр, как известно, это модель государства в миниатюре. Есть ещё и кризис качества — мы гонимся за тем, чтобы сделать как можно больше спектаклей в месяц. Времени на репетиции нет, а мы рассчитываем на то, что наш оркестр достигнет такого высокого уровня, что будет обходиться и без дирижёров.

— **Это касается и певцов?**

— Конечно. В погоне за длинным рублём они готовы сегодня петь в одной стране, а завтра — в другой. Сейчас кризис и в том, что при очень большой конкуренции тебя постоянно доят и испытывают на прочность. Как я уже говорил, у меня возникла та же ситуация в Парижской опере — мой спектакль шёл без репетиции, так как это была свежая постановка, и оркестр уже сыграл восемь спектаклей до этого. Наверное, безумие дебютировать с оперой, которой ты никогда не дирижировал. Но так сложились обстоятельства: либо ты соглашаешься и рискуешь, либо... не пьёшь шампанского (смеётся). На самом деле такое происходит в моей жизни чаще, чем мне бы хотелось. Надеюсь, это скоро прекратится. Когда ты заработал некоторое количество очков, на тебя начинает работать твоё имя.

— **По вашим словам, «музыка — это то, что воспитывает ум и душу». Вы действительно в это верите?**

— Наверное, это звучит так же красиво, как и фраза «красота спасёт мир». Всегда видно, когда человек занимается классической музыкой или имеет к ней отношение. Это другое восприятие мира, который иначе слышишь, иначе понимаешь, как он устроен.

— **Дмитрий Черняков взял на себя высокую миссию популяризации на Западе русской оперы. Несколько постановками дирижировал Валерий Гергиев. Эта миссия Чернякову удалась?**

— Безусловно. Это режиссёр, благодаря которому многие русские оперы впервые прозвучали на западной сцене. По-моему, он показал всего Римского-Корсакова. Он ставит «Орлеанскую деву» Чайковского в Амстердаме, которую на Западе никто не знает. Горячо мною любимый Митя Черняков — потрясающий в этом смысле просветитель, популяризатор, пропагандист, который самоотверженно ставит русские оперы потому, что их страшно любит.

— **Вы не так давно возглавили Симфонический оркестр Орхуса — второго по величине города Дании. Наверное, после парижского успеха ваш рейтинг взлетит?**

— Иногда полезно убрать налёт театральной мистификации. Сразу после спектакля совершенно неочевидно, как он прошёл. Ты можешь понравиться оркестру, который всегда голосует за дирижёров после спектакля. После каждого гостевого дирижёра музыканты заполняют бланк, в котором ставят оценки по разным позициям. Потом это суммируется и отдаётся директору, который решает, приглашать снова этого дирижёра или нет. А есть, например, такие оперные агенты, слово которых значит больше мнений прочих персонажей в европейских театрах или оркестрах. Они могут сказать, что сегодня будет выступать этот певец или дирижёр, а не другой. Так или иначе, выступление в Опере Бастилии — важная строка в моей биографии. Я намерен создавать что-то качественное. Потому что Венская, Парижская оперы или Метрополитен-опера — это все брендовые, люксовые театры, в которых бывает и гениальная продукция, и не очень — и всё продаётся. Но разобраться в этом могут только профессионалы. А я хочу быть не просто частью этого молоха, а создавать музыкальные спектакли, которые мои от первой до последней ноты, открывать публике новое или хорошо забытое старое.

— **Ваша жена — известная певица Надежда Кучер, лауреат двух «Золотых масок» и других премий. Семейным дуэтом проще решать творческие задачи?**

— С одной стороны, наши музыкальные вкусы сильно разнятся. С другой — Надя сыграла огромную роль в формировании моего музыкального вкуса, особенно в области оперы. Она действительно выдающийся мастер, и мы довольно часто выступаем вместе.

В ближайших планах у нас — исполнение концерта для колоратурного сопрано Рейнгольда Глиэра, что является очень непростой задачей для певца.

Беседу вёл
Юрий Коваленко,
собкор «ЛГ», Париж

В Москве прошла серия концертов музыки Георгия Свиридова (организатор — ООО «Панчер»), каждый из которых содержал в себе мировую премьеру. Это замечательно, но самое главное, что в принципе концерты эти состоялись и неповторимая аура свиридовской музыки вновь посетила филармоническое пространство столицы. С овациями, морем цветов, искренним выражением слушательской любви, как обычно на свиридовских концертах. Вновь Свиридов звучал — это очень важно, особенно в наше время.

В Концертном зале «Зарядье» прозвучала мировая премьера хора «Благослови, душе моя, Господа» из «Песнопений и молитв» в исполнении Академического большого хора «Мастера хорового пения» радио «Орфей» под управлением Льва Контаровича.

Контарович — выдающийся музыкант наших дней. Хор — в восхительном, в высшем смысле достойном состоянии: по интонации, хоровой дисциплине, бережному отношению к звуку. Отличные солисты и солистки (причём «труба» в «Зорю бьют» прозвучала замечательно на самой сцене, а не за сценой, как обычно исполняется). Во всём лад и стройность. Дирижирует без «манер»: всё в пении. Оказываешься словно в каких-то благословенных восьмидесятих годовых годах. Превосходная выверенная работа с глубоким пониманием музыки, неспешно, без форсирования и внешнего пыла. В целом несомненно получилось знаковое филармоническое событие (а любой хороший концерт должен быть событием, источником воспоминаний).

Хор «Благослови...» — премьера этой вещи исключительно важна уже самим своим фактом. В наше-то время! Чудо просто!

В этом же концерте звучала Пассакалия памяти Свиридова композитора Андрея Микиты. Музыка показала замечательной тем, что трогательный финал её — чудесно найденная в оркестре коробочка на чистой прозрачной звучности: это

такая действительно светлая получилась память, с улыбкой грусти, без надрыва. Композитор передал именно дух Свиридова, немеркнущую любовь к нему и память. Восторженные аплодисменты зала были заслуженными. Надо отметить восхитительное управление Большим симфоническим оркестром имени П.И. Чайковского дирижёра Арсения Ткаченко — весь охвачен музыкой, сама яркость и точность.

Что касается прозвучавшей в концерте знаменитой «Отчалившей Руси» на слова Сергея Есенина под оркестр в глубоком пережитом исполнении солиста Александра Суханова, то хотя с некоторыми моментами инструментовки не вполне согласился бы (малый барабан, вообще много ударных, под конец теряешь вкус их звучности), но всё равно это, конечно, монументально; мечта Свиридова так или иначе сбылась — вот что главное, и спасибо за это Илье Кононову, соткавшему партитуру. Опять услышав эту вещь, я поразился до слёз тому, какая это неслыханная музыка. Это планета какая-то! При крайней лаконичности сколько там чисто музыкального содержания!

В зале имени П.И. Чайковского в исполнении оркестра «Новая Россия» под управлением Юрия Башмета прозвучала в ознаменование 35-летия этого замечательного коллектива «Симфония для струнных» Свиридова. Это раннее его сочинение, написано оно было ещё во время учёбы в Ленин-

градской консерватории, в 1940 году, под руководством учителя — Дмитрия Шостаковича. «Было бы несколько преждевременно заявлять, что Свиридов нашёл свой музыкальный язык. Однако оригинальность и свежесть его мелодий, его гармоний и полифонической культуры вне сомнения», — лучше, чем сказал о музыке симфонии учитель её автора, не скажешь.

Восстановление партитуры стало возможным благодаря уникальной работе петербургского пианиста и композитора Ивана Александрова, буквально из осколков мастерски собравшего четырёхчастное целое: «71 лист первоначально представлял собой ворох разрозненных эскизов фрагментов симфонии с указанием инструментовки», — рассказывает он.

Наконец, в зале «Зарядье» состоялась ещё одна мировая премьера — прозвучала оратория «Семь песен о России» для смешанного хора на слова Александра Блока в исполнении хора имени А.В. Свешникова (главный дирижёр — Екатерина Антоненко) и Московского симфонического оркестра под управлением Ивана Рудина, солисты — Полина Шамаева и Даниил Акимов. Оркестровку выполнил композитор Алексей Сюмак по авторским замыслам.

От оценки исполнительской трактовки (чтение — народный артист России Сергей Шакуров) прозвучавшей в этом же концерте легендарной «Метели» воздержусь, позволю себе только поделиться крайним восторгом от текста Пушкина и, разумеется, от всенародно любимой музыки. Таким же восторгом отзывалась на концерт и публика.

Свиридов, невзирая ни на что, несёт «как сноп овсяный солнце на руках». Был и будет нужен людям.

Алексей Вульф

На концерте в зале «Зарядье»

Обманули дурачка на четыре кулачка...

Комедия Шекспира в доме Островского

«Весьма остроумная и преле-весёлая комедия о виндзорских жёнушках» — под таким затейливым названием состоялась премьера комедии Шекспира «Виндзорские насмешницы» в Малом театре, на сцене, что на Большой Ордынке. Как известно, действие пьесы разворачивается в Виндзоре во второй половине XVI века, настолько далёкого от нас, что вряд ли поколения родившихся в 80-х годах прошлого века, а тем более в начале XXI увлекаются событиями далёкого прошлого.

Переводы комедий Шекспира выдающимися мастерами, по праву считающимися и сегодня классиками этого искусства, так или иначе оставались в рамках наиболее соответствующего великому англичанину языка, нередко используя и в нашем родном несколько устаревшие обороты. Малый театр пошёл по иному пути, уже во второй раз (первый случился в замечательной постановке художественного руководителя Алексея Дубровского водевиля «Лев Гурыч Синичкин», в котором текст был ненавязчиво и ненамного обновлён мастером подобных инсценировок Сергеем Плотовым) обратившись к Плотову как к талантливому интерпретатору «почтовых лошадей перевода» по определению А.С. Пушкина. Плотову удалось не просто «облегчить» тяжеловатый язык, но сделать его внятным и за счёт некоторых сокращений монологов и диалогов персонажей, создав собственную сценическую версию. А режиссёр-постановщик Александр Вельмакин в содружестве с художником Максимом Обрезковым, композитором Александром Муравьёвым, художником по свету Евгением Виноградовым, хореографом Андреем

Виндзорские насмешницы: миссис Пейдж, Анна, миссис Форд

Глуценко-Молчановым, педагогом по вокалу Марией Глуценко-Молчановой создали спектакль настолько весёлый, захватывающий, во многом не просто шаловливый, а хулиганский, что по окончании его, сопровождавшегося смехом, аплодисментами и яркой реакцией зрителей, родилось и название этой рецензии — память о детской считалке-дразнилке, популярной у детей середины прошлого века.

Блистательный ансамбль артистов прославленной труппы работает в такой органичной «связке», так ловко и изобретательно существует в непростых сценических условиях сочинённого Максимом Обрезковым лабиринта, представляющего собой одновременно и лес, и парк, и извилистость ухищрений, к которым постоянно вынуждены прибегать персонажи, и поиски выходов из самых различных, пусть и примитивных по сути своей ситуаций, что зритель испытывает наслаждение от лёгкости и непридуманной современности происходящего.

Казалось бы, ну что может быть такого заразительно смешного в попытках стареющего сэра Фальстафа, привыкшего к жизненным наслаждениям, полагаясь во всём на свои несокрушимое обаяние и умение одурачить всех, покорить двух немолодых женщин? Но Александр Клюквин мастерски рисует детски доверчивый, наивный образ человека, который остался в тех далёких временах, когда был молодым красавцем и покорял без труда любую женщину. Он настолько уверен в себе, уже несколько опустившемся, утратившем прежний лоск красавца, что навсегда остался для самого себя прежним покорителем любых преград. Особенно немолодых, самых богатых в Виндзоре жёнушек недалёких мужей, как миссис Форд и миссис Пейдж. Он выше того, чтобы заметить, насколько они разные, а прекрасные актрисы Людмила Титова и Светлана Аманова жестами, репликами, даже блеском в глазах подчёркивают постоянно разницу двух подруг: кокетливой, но весьма практичной и склонной

к игре миссис Пейдж и романтической, не осознающей авантюры миссис Форд, словно нехотя, но уступающей во всём своей более изобретательной подруге. Столь же решительна в своём отстаивании любви и дочь миссис Пейдж, Анна, в великолепном исполнении Варвары Шаталовой — этакая вполне современная девушка, которая настоит на своём любой ценой и станет женой любимого Фентона (Никита Шайдаров).

Было бы справедливо назвать каждого из артистов, включая и монтировщиков, которые время от времени перемещают части лабиринта, облачившись в костюмы и береты шекспировских времён. Они выполняют свою работу настолько артистично и почти незаметно, что вызывают живую реакцию публики, заполняющей зал. Но персонажей у Шекспира обычно так много, что список их с именами артистов занял бы едва ли не всё место небольшого отклика на спектакль.

Александр Вельмакин достаточно чётко сформулировал своё отношение к комедии: «Виндзорские жёнушки» — это ода радости, где нет ни одного отрицательного героя. Все персонажи добродушные, игривые, где-то нелепые. Если герои и пакостят, они делают это с удовольствием, по-доброму. Сэр Фальстаф ведёт себя, как ребёнок, но не вкладывает в свои действия ничего негативного, он хочет поиграть, пошалить. Он будто возвращается в детство, когда не было ответственности и всё было проще. Именно подобный взгляд и помогает воспринять шекспировскую комедию таким образом, тем более что в любой из комедий этого великого англичанина, давно ставшего для нас родным и близким, найдётся достаточно много подобного, вызывающего смех и сегодня...

Дебютом режиссёра на старейших подмостках России стала «Бесприданница» А.Н. Островского, знаковый спектакль знакового автора именно этого театра. Он был, несомненно, удачен, замечен критикой и публикой. Вторым спектаклем Александра Вельмакина на этих подмостках стала комедия Шекспира, что засвидетельствовало: режиссёр не приверженец одного жанра, его влечёт разнообразие приёмов, форм, языка. Посмотрев его спектакли в Русском театре Республики Мордовия в Саранске, которым Вельмакин руководит, я смогла убедиться в том, что этот молодой режиссёр владеет тем уровнем мастерства, тем вкусом и умением «слышать музыку времени», качествами, которых достаёт не всем молодым представителям этой профессии, желающим непременно проявить своё «я». Александр Вельмакин не просто прислушивается к автору, но ищет и находит в нём ту ненавязчивую нить, что прочно связывает с современностью, что заставляет зрителей любого возраста чутко улавливать её ноты.

Конечно, для того, чтобы всё сложилось, необходим ансамбль артистов, блистательно владеющих принципами русского психологического театра и мастерски их использующих в любом материале. Тогда всё получается, как в «Бесприданнице», так и в «Весьма остроумной и преле-весёлой комедии...»

Да простят мне название рецензии серьёзные читатели! Ведь так и получилось в результате: ничуть не оскорблённый, обаятельный, игривый стареющий искатель денег отправился в следующее путешествие, а богатые леди ждали свои «четыре кулачка» в ожидании следующего наивного искателя счастья: одна — победительно, другая — чуть разочарованно, но это уже не так важно...

Наталья Старосельская

Дикая воля

Марина Цветаева. Пожалуй, нет в нашей культуре более трагического имени, которое бы так же магнетически притягивало внимание к своей судьбе, вызывало прилив ощущения духовного присутствия и разжигало желание разгадать его душу. «Словодвижение» — больше, чем просто спектакль, в котором переплетаются автобиографический очерк Марины Цветаевой «Мой Пушкин» и танец. В тот день премьеры и день режиссёрского дебюта воспитанника Молодой студии Льва Додина в стенах театра прозвучало громкое признание в любви двум явлениям вселенского масштаба.

Вместо декораций — всепоглощающий, колдовской свет цветаевской прозы и поэзии. На чёрной, распахнутой до предела сцене, в глубине которой расположен стройный ряд софитов, словно среди руин от полусказочных золотых видений собирается актёрский женский хор. За спинами восьми молодых актрис, на самой верхней лестничной ступени, затаился один наблюдатель (Виктор Яковенко) — в джинсах и цилиндре, периодически взирающий на них с холодным любопытством. Один соглядатай и один Пушкин, изначальную статичность и обронзовелость которого суждено «сбить» им, актрисам, поочерёдно сливающимся с поэтическим обликом Цветаевой. Это они вдохнут в него жизнь, зачитывая с неистовым наслаждением

цветаевские откровения, крадётся, извиваясь и переходя с жёсткой словесной «чеканки» на змеиное шипение и хищное рычание. Это для одной в лице нескольких актрис поочерёдно он станет личным Командором, Первым Поэтом и Первой Встречей: с чёрным и белым, материалом, числом, масштабом, мыслью и т. д., и тем самым займёт особое место в её жизни. И именно он спустя немного времени закружится в вихре цыганских мотивов после того, как Цветаева признаётся, что познакомилась с ним через историю любви Алеко и Земфиры.

Непрерывно удивительно, как на сцене по-особенному заостряются вечный «темперамент Иова», безудержная склонность к пределу и трагическое вибраторо Цветаевой, зачатое ещё в юном возрасте.

Её — не только в творчестве, но и в действительности — равноценно с малых лет волновало три ипостаси личности: душа, дух и плоть. Она никогда не давала человеку права выбора: всё или ничего. Потому Ярослав Васильев многомерно — даже не через цветаевское слово, а через слог и паузу («Как на каждый слог — / Что на тайный взгляд / Оборачиваюсь»), движение, сочетание тотальной театральности Барра с эмоционально-насыщенными таировскими формами — даёт актрисам проживать те моменты судорожных прозрений и состояний души ребёнка при вторжении в неё поэтической стихии и смотреть пристальным взглядом за границу того, что может чувствовать и видеть типичная человеческая душа. Цветаевская впечатлительность

«Ум с сердцем не в ладу»

«Сфера» доросла до бессмертного творения Грибоедова

В московском театре «Сфера» комедия «Горе от ума» идёт в режиме открытой репетиции. У публики есть возможность понаблюдать за тем, как рождается спектакль, а заодно поразмышлять над тем, от ума ли горе, постигшее г-на Чацкого.

Так получилось, что за свои полвека с лишним «Сфера» ни разу к великой комедии не обращалась. И вот час пробил — «дозрели, наконец», как признаётся худрук Александр Коршунов. В традициях возглавляемого им театра — к любой эпохе подключаться минимумом внешних атрибутов. В сценографии и костюмах Ольги Коршуновой — только легчайшие намёки, изящная стилизация, подчёркивающая вневременность сюжета. Ту же задачу выполняют музыка Михаила Глинки и поэзия Иосифа Бродского — контрапункт, внятный, но отнюдь не дидактический.

«Горе от ума. Открытая репетиция» — формат постановки неслучайно вынесен в заглавие. Репетиция — всегда поиск. В данном случае — ответа на главную загадку, заданную Грибоедовым своим современникам и оставленную в наследство потомкам, — что же это за штука такая, ум, и что с ним делать, коли уж ты являешься его обладателем? Придуманные им персонажи только и делают, что об уме и глупости рассуждают. Фамусов сожалеет о Чацком, который с его-то умом не вышел в деловые, Софья сомневается в том, что «эдакий ли ум семейство оскластит», а Лиза огорчена, что барышня никак не хочет прислушаться к её не такому уж и «глупому суждению» относительно Молчалина. Александр Андреевич сокрушается, мол, «начал свет глупеть». Наталья Дмитриевна превозносит ум супруга. Скалозуб уверяет, что учёностью его «не обморочишь». Репетилов гордится тем, что дурак, и абсолютно уверен в том, что «умный человек не может быть не плутом»!

История, придуманная двести лет назад, заиграла в «Сфере» новыми красками. Исконный контекст давно утрачен. То, что некогда воспринималось как зубодробительная сатира, сегодня видится забавным шаржем на повседневность. Бал у Фамусовых — обычная тусовка, где царят элегантные кокетки в масках заботливых супругов, властные матери титулованных семейств, мечта-

Софья (Екатерина Богданова), Фамусов (Дмитрий Ячевский), Чацкий (Никита Спиридонов)

ющие повыгоднее пристроить дочерей, вышедшие в тираж светские львицы и законодательницы мод. Весь этот балый «ансамбль» подобран режиссёром по психотипам с ювелирной точностью — Нелли Шмелёва (Наталья Дмитриевна), Елена Елова (Княгиня), Галина Калашникова (Графиня бабушка), Валерия Гладилина (Графиня внучка), Татьяна Филатова (Хлестова).

В этом цветнике так странно смотрятся два боевых офицера, не сумевших приспособиться к мирному времени. Платон Михайлович (Павел Степанов) превратился в отставного барабанщика собственной жены. Для полковника Скалозуба (Александр Пацевич) служба из служения Отечеству выродилась в охоту за чинами, и весьма успешную, что делает его завидным женихом в глазах Фамусова. Батюшка не прочь скинуть с плеч «комиссию» отцовства. Дмитрий Ячевский явно симпатизирует своему герою: тот честно свои обязанности выполнил, дочь вырастил, можно и о себе подумать. Он-то ведь ещё какой хват: то к Прасковье Фёдоровне на форе-

ли, то на крестины к вдове-докторше, которая, по его «расчёту», вот-вот должна родить. Кстати, у безмолвно-красноречивого Петрушки (Денис Шац) сложился пре-

красный дуэт с барином. И ещё один нюанс: относительно мест, «откуда моды к нам, и авторы, и музы», не так уж Фамусов и ошибался...

Молчалин у Ильи Ковалёва — подающий надежды клерк при боссе, который не любит сам заниматься делами. Но и здесь трактовка образа выходит за привычные рамки — ради карьеры можно поухаживать за дочкой шефа. Нынешний «офисный планктон» выработал стойкий навык выплывать из любого водоворота. Не зря же в финале безмолвный Алексей Степанович после столь очевидного фиаско с Софьей сострадательно утешает разгневанное начальство — не только моську нужно гладить вовремя.

Озорница Лиза (Алёна Киселёва) в отличие от барышни видит её избранника насквозь: «В любви не будет этой проку ни во веки веков!» Вот она, похоже, и в самом деле «влюблена» в Чацкого, который всегда относился к ней не

так, как прочие «баре». На их счёт она не заблуждается.

С Софьей между тем всё не так просто. Сам Грибоедов называл её девушкой неглупой. Она наивна и доверчива, как многие девочки, выросшие без матери. Обмануть семнадцатилетнюю барышню — много ума не нужно. Ей вообще с поклонниками не везёт: пылкий Чацкий за три года ни строчки не написал. Екатерина Богданова очень чётко показывает, что её героине досадно даже вспоминать о том, что она когда-то была к нему равнодушна, — помните, как настойчиво Софья всё сводит к «детской дружбе». Интуиция её не подводит: «Ах! если любит кто кого, / Зачем ума искать и ездить так далёко?» И чем дольше Чацкий твердит о своих чувствах, тем сильнее её раздражение. Он в ней «искал награду всех трудов»? Отлично! А он удосужился поинтересоваться, хочет ли она быть ему «наградой»? Может, Александр Андреевич и «декабрист до декабря», но Софья точно не Мария Волконская.

Так от ума ли его горе? Грибоедов дал подсказку, мимо которой обычно проходят постановщики, увлечённые обличительным пафосом. А режиссёр и исполнитель этой многозначной роли Никита Спиридонов воспользовались ею, чтобы отомкнуть сердце Александра Андреевича, не скрывающего, что он «без памяти влюблён». Чужие края не оправдали его надежд, ставка на ум, которого он там искал, не сыграла. Осталось только чувство, три года молчавшее пред грохотом честолюбивых стремлений. Спиридонов играет крайнюю степень отчаяния: прозрение Чацкого и в самом деле сродни безумию, ведь Софья была его последней надеждой на счастье. Кроме неё он никого, в сущности, не видит. Не понимает, с кем говорит, и потому мечет громы и молнии язвительного остроумия в каждого, кто подвернётся. Беда Чацкому не от ума, а от нежного, чересчур пылкого сердца.

Спектакль Александра Коршунова — открытый диалог. Со зрителем. С днём сегодняшним и давно минувшим. Наш собеседник признаёт, что и у людей, и у времён есть логика — своя у каждого. А что до загадки Грибоедова, вряд ли найдётся на неё ответ, устроивший бы всех и каждого.

Виктория Пешкова

в спектакле не приравнивается к слепой экзальтации, а играет сложными гранями: преклонение перед гением Пушкина звучит по-сестрински сочувствующим, местами — по-федерински собственническим, но везде — с чувством братства. Вот она, ничем не скованная пульсация духа! Когда стих стихает, слов нет — и ближе, и глубже, и жарче — достигает своего пика уже невыносимая нега, которую так искусно длят режиссёр и актёры.

Основа спектакля — контраст. Контраст мрачной сцены МДТ и красочных платёв актрис, тени которых танцуют на стене во второй части спектакля «Танцую танго». Контраст чтения прозы и стихотворений в первой части с абсолютным молчанием во второй. Контраст твёрдой маскулинности и мечущейся духовности. Контраст утончённого дуэта «Кармен — Эскамильо» с парой «девочки-пай и жигана». Дух Марины Ивановны невозможно ощутить без телесной пластики и танца «фурий

«Танцую танго»

и граций», поэтому в сюите дуэтов молодых актёров, поставленных хореографом Юрием Васильковым, сливается, проходит от начала до конца — от распада до воссоединения — вся история любви. Во втором акте в полной мере разыгрывается до чёткой завершенности цветаевский сюжет. Порывы любовной энергии и сильные руки партнёров то поднимают девушек вверх, то возвращают на землю — руки экстрасенсов, испытывающих свою власть над плотью; пальцы, то властно поднимающие подбородок гордой возлюбленной, чтобы посмотреть в её глаза, то невзначай снимающие бретель на её платье. Ощущение электрического предгрозового удущья, которое так сильно физически ощутимо у Цветаевой в поэзии и прозе, создает ряд музыкальных композиций, сопровождающих танец. Свет (художник по свету Василий Ковалёв) — кровавый, иссиня-изумрудный, фиолетовый — выхватывает в неожидан-

ных ракурсах женские лица, то одержимые желанием, то растерянные, застигнутые врасплох и оставленные наедине со своим горем, то игривые, обрамлённые кошачьей полуулыбкой.

В сорок семь лет Марина Ивановна признавалась: всё, что ей было суждено познать, она узнала в семь лет, а в последующие годы осознала. Приходящий в видениях её любимый чёрт, разбивающий каждую её любовь, страсть к «Чёрному Петеру», сна как ритуал и мирозидательная сила воображения — этим была окружена жизнь поэта. И в двухчастном спектакле темой становятся не взаимоотношения мужчины и женщины и даже не попытка воссоздания вневременного диалога двух гениев, а сама душа Цветаевой, к которой всегда лишь можно осторожно приблизиться, но постигнуть до конца — никогда.

Дарья Медведева

Академия как символ надежды

Для творчества здесь нет преград

Российской государственной специализированной академии искусств 19 ноября исполнилось 35 лет. Здесь готовят специалистов творческих специальностей на трёх факультетах: музыкальном (включая звукорежиссуру), театральном и факультете изобразительных искусств. Что же отличает РГСАИ от сотен таких же отечественных вузов искусств? Треть студентов академии – одарённые молодые люди с ограниченными физическими возможностями, которые своими успехами доказывают, что для настоящего таланта нет границ. О том, насколько востребовано сегодня инклюзивное высшее образование в сфере искусств и как работать с талантливыми студентами, которым живётся куда сложнее, чем другим, мы говорим с ректором РГСАИ, доктором педагогических наук, профессором Еленой Пахомовой.

— Академия не только даёт высшее образование, но и вносит большой вклад в построение в стране инклюзивного общества. И все мы знаем, что это очень непросто. Расскажите, как всё начиналось?

— Идея инклюзивного высшего образования в искусстве была и остаётся нашей миссией. Наша история берёт своё начало в 1990 году с создания Всесоюзного центра творческой реабилитации инвалидов. Это была инициатива, которая дала людям с ограниченными возможностями шанс на творчество. Большой вклад в создание центра, а затем института (ГСИИ) внесли известные деятели отечественной культуры и искусства — народные артисты СССР Н.Н. Губенко, В.А. Этуш, народная артистка СССР, композитор А.Н. Пахмутова, поэт Н.Н. Добронравов, кинорежиссёр Р.И. Ибрагимбеков, театральные педагоги — супруги А.В. Мекке и О.С. Романовская.

И вот уже 35 лет мы доказываем, что талант не имеет границ, а инвалидность — не приговор для творческой карьеры. В 2014-м мы получили статус академии, что стало признанием нашего профессионального уровня.

— Елена Алексеевна, как удаётся совмещать высокие творческие стандарты со специализированным подходом?

— Творчество по определению не терпит барьеров. Мы создали безбарьерную среду не только физическую (таб-

лички дублируются на языке Брайля, есть лифт для маломобильных студентов, работает отдел переводчиков РЖЯ и т. д.), но и творческую.

У нас отличные музыкальные инструменты, а в Большом зале РГСАИ установлен орган, изготовленный на заказ в Нидерландах. У студентов есть доступ к профессиональной студии звукозаписи, видеозаписи Jalinga, гончарной и офортной мастерским. Наша библиотека постоянно пополняется изданиями на языке Брайля, и более того — у нас ведётся большая работа по переводу нотных материалов на рельефно-точечный шрифт. Таких изданий в России совсем немного, поэтому это действительно важный вклад в развитие инклюзивного искусства.

Но самое главное наше богатство — люди. У нас замечательный коллектив, профессионалы с богатым опытом, заслуженные артисты России, народные и заслуженные художники России, академики Российской академии художеств, члены творческих союзов, авторы собственных методик, доктора и кандидаты наук, люди, чьи имена действительно имеют вес в сфере отечественного и даже зарубежного искусства.

Отмечу, что наши педагоги практически не делают скидку на то, что у ребят есть особенности здоровья. Отношение, как к обычным студентам, и требования не ниже. Поэтому у нас достойное качество образова-

ния, которое отмечают не только в России, но и за рубежом. Кстати, РГСАИ часто выбирают для себя иностранные студенты, причём большинство из них здорово и имеет возможность достаточно широкого выбора. Сегодня в РГСАИ получают высшее образование более трёхсот студентов из 60 регионов РФ и 4 стран (Беларусь, Казахстан, Вьетнам, КНР).

В наших стенах рождаются и работают уникальные коллективы. Визитной карточкой стал инклюзивный оперный театр, где с огромным успехом идёт «Иоланта» Чайковского, наши инклюзивные концертный и камерный оркестры активно дают концерты, становясь площадкой для оттачивания мастерства. Учебный театр как слышащих, так и глухих актёров собирает полные аудитории. Подчеркну, что вход на все наши постановки бесплатный.

Если говорить о выпускниках, то театр неслышащих актёров «НЕДОСЛОВ» — гордость не только нашего вуза, но и всей страны. Наши воспитанники составляют костяк труппы Театра мимики и жеста, работают в Московской филармонии, создали кукольный театр «Котофей». В 2024 году наша выпускница Юлия Вакула победила в Международном конкурсе вокалистов и концертмейстеров Хиблы Герзмава, а невидящая пианистка, ассистент-стажёр Арина Переладова получила в том же конкурсе спецприз. В 2025 году доцент РГСАИ Олег Худяков стал победителем II Международного конкурса пианистов, композиторов и дирижёров имени С.В. Рахманинова, студент музыкального факультета Артём Ключевский занял 2-е место в финале Национального чемпионата «Абилимпикс». Они — живые доказательства того, что наши преподаватели, студенты и выпускники, как и задумывалось, востребованы на рынке культуры и креативных индустрий.

— Елена Алексеевна, а что за пределами учебных аудиторий? Как строится обычная студенческая жизнь?

— Вы правы, творческая личность формируется не только в классе, у инструмента или за мольбертом. У нас активно развивается студенческое самоуправление. В марте 2023 года был

создан студенческий актив, который объединил самых деятельных ребят со всех факультетов. Они координируют волонтерские проекты, разрабатывают дизайн афиш и баннеров, организуют крупные мероприятия, работают на днях открытых дверей, создают и реализуют спецпроекты. Эта энергия, это желание участвовать и менять жизнь вокруг бесценны. Мы растим не просто художников, актёров и музыкантов, мы растим активных граждан своей страны.

У нас действует социальный отдел, который активно помогает трудоустроить студентов, оказывает им помощь в решении жизненных задач, проводит экскурсии и мероприятия внутри академии. Мы принимаем участие в столичных и всероссийских акциях, особое внимание — патриотическому воспитанию. К Дню Победы наши студенты всегда делают ролики «Бессмертный полк» с фотографиями дедов и прадедов, также мы плотно сотрудничаем с фондом «Защитники Отечества» и проводим концерты для участников СВО.

На базе академии действуют Ресурсный учебно-методический центр, Центр непрерывного образования, Проектный офис инклюзивных творческих лабораторий. У нас успешно работает Центр прототипирования, где с помощью VR-технологий мы выводим инклюзивное образование на новый уровень. Ежегодно проводим международные научно-практические конференции, более десяти лет выпускаем научный журнал «Художественное образование и наука», который входит в список ВАК. Активно сотрудничаем с Российской академией художеств, с вузами искусства, с ведущими творческими коллективами страны.

Ещё одна важная цель РГСАИ — не просто дать образование, но и создать научно-методическую базу, чтобы наш уникальный опыт распространялся по всей России. По инициативе президента России Владимира Владимировича Путина, который в 2017 году посетил наш вуз, мы при поддержке Минкультуры реализуем проект «Инклюзивный Дом искусств». В его рамках каждый год наши преподаватели выезжают в города России, делятся авторскими методиками, мы проводим всероссийские круглые столы по инклюзивному образованию. Кроме того, РГСАИ курирует работу инклюзивных творческих лабораторий по всей стране, сегодня их уже более 130. Мы хотим, чтобы каждый одарённый человек вне зависимости от своих физических особенностей мог найти свой путь в искусстве. И мы видим, что общими усилиями у нас это получается.

У нас есть мечта запустить Инклюзивный центр творческих компетенций в селе Пешки Солнечногорского района, где будут учебные и репетиционные классы, концертный зал, спортивный блок, корпуса для проживания, места для отдыха и прогулок. В этом направлении мы активно работаем с Агентством стратегических инициатив.

Российская государственная специализированная академия искусств — не просто учебное заведение, это — символ надежды и возможностей. Каждое занятие здесь напоминает: действовать, создавать, учиться и вдохновляться — это право каждого человека, несмотря ни на что.

Беседу вела
Марина Финагина

Неслышащие студенты театрального факультета исполняют гимн академии на русском жестовом языке

Переводит ноты на язык Брайля невидящий аспирант Денис Агабабян

РЖД

ПОМНИМ, ГОРДИМСЯ!

1945–2025

«Дорога Победы» к блокадному Ленинграду

длиной **33**^{км}
проложена всего за **17** дней

25-28 поездов
проходило по мосту за сутки

9MAY.RZD.RU

СТРОИТЕЛЬСТВО ВЫСОКОВОДНОГО
ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО МОСТА ДЛИНОЙ 852 м
ЧЕРЕЗ р. НЕВУ, г. ШЛИССЕЛЬБУРГ, 1943 г.

ФОТО: РЖД

УВЫ, ОН НЕ ВЗЛЕТЕЛ

А кино по-прежнему младший брат литературы

Знаменитый советский писатель и кино-режиссёр В.М. Шукшин утверждал, что «нельзя сделать фильм во всех отношениях равный произведению литературы, которое остаётся жить во времени, в душах людей». Равным действительно нельзя, но фильм должен быть достойным книги, не упрощать её суть, а лишь переводить её на другой художественный язык.

Кадр из фильма «Авиатор». Александр Горбатов в роли Платонова

20 ноября в российском кинопрокате состоялась премьера фильма «Авиатор» по одноимённому роману Евгения Водолазкина. К сожалению, оказалось, что художественный язык массового кинематографа сейчас очень далёк от вечных литературных идеалов...

Пошлость, мелодраматизм, деньги — какая-то универсальная формула всего, что выходит сей-

час на большие экраны. Видимо, в современности язык кино — язык упрощения смыслов и опошления сути. Эта проблема не обошла и «Авиатора». Фильм о «покаянии» (как говорил в интервью сам Е. Водолазкин) получился попыткой сделать мелодраму из научной фантастики. Наверное, главная проблема этого фильма — постоянное ощущение незавершённости: ни одна мысль не оформлена до конца.

Смысловая часть фильма держится на нескольких высказываниях, которые можно процитировать парой строк: «Бог сохраняет всё через нас», «Всегда найдётся тот, чей обзор достаточно широк. Например, авиатор», «Авиаторы должны быть культурными людьми». Но дальше цитат эти мысли не развиваются.

Безусловно, к операторской работе Константина Панасюка нет претензий: множество деталей, красивых ракурсов, природы, чувствуется специально подобранная цветовая гамма под прошлое и настоящее. Но одних визуальных образов недостаточно для передачи вечных идей.

К сожалению, из очень оригинального романа, написанного в традициях русской культуры, получился обыденный фильм «а-ля мелодрама на телеканале «Россия 1». Несмотря на красивую картинку и отличный актёрский состав, фильму совершенно не хватило глубины. Авторам современных блокбастеров давно пора понять: перевод смыслов с литературного языка на кинематографический — это не подыгрывание вкусам массовой аудитории, а стремление визуализировать тонкие мотивы произведения.

Полина Янова

Где лучше искать Немо?

Столичные дельфины против невыходящих медуз

Океанариумы — популярные места притяжения как жителей Москвы и Петербурга, так и туристов, приехавших в одну из столиц. Особенно значимым посещение океанариума становится, конечно, для детской аудитории. А давайте в связи с этим попробуем сравнить: какой же океанариум лучше — московский («Москвариум») или петербургский («Океанариум»)?

Планирование посещения начинается с покупки билета. Петербургский океанариум предлагает следующий порядок цен: взрослый билет — 850 руб.; детский от 5 до 6 лет — 350,00 руб. Дети от 7 лет, школьники, студенты — 650 руб. Билеты в «Москвариум» обойдутся ощутимо дороже: взрослый — 1400–1600 руб.; детский билет (3–12 лет) — 900–1000 руб.

Добраться до петербургского «Океанариума» проще, чем до «Москвариума». Океанариум Северной столицы находится в шести минутах ходьбы от метро «Звенигородская». Московский же расположен достаточно далеко от центра города, на территории ВДНХ, куда ходят специальные бесплатные маршрутные такси

Кстати, в «Москвариуме» в 2025 году было открыто специальное футуристическое пространство с медузами

от метро «ВДНХ» до «Москвариума» (и в этом плюс!).

Главный пункт для сопоставления океанариумов — состав экспозиций. В петербургском — 60 аквариумов, более 2000 обитателей, 7 тематических экспозиций (даже есть отдельная, посвящённая медузам). «Москвариум» же не только не уступает петербургскому собрату, но может похвастаться куда большим масштабом и разнообразием. Резервуары московского океанариума признаны самыми большими среди океанариумов Европы, отдалённых от мор-

ского побережья. В «Москвариуме» 80 аквариумов и более 12 тыс. морских и пресноводных обитателей. И если цифры впечатляют, то ещё больше удивляют животные: именно здесь можно увидеть в огромных аквариумах касатку и играющую с мячом стаю дельфинов. И оформление экспозиции (световая подсветка, общее кураторское решение), и масштаб, и биоразнообразие бесспорно делают московский океанариум победителем в этой гонке за посетителями.

Алёна Федюкина

«Щелкунчик» переносится в XX век

Сцена из балета «Щелкунчик»

В декабре в Петербурге посещение «Щелкунчика» — это, как выражается герой одного популярного рязновского фильма, «уже обычай, традиция, я бы сказал, ритуал».

Для многих, выросших в этом городе, особенно дорога постановка Мариинского театра: классическая, сказочная, до мелочей верная сюжету. Она и для меня неизменно оставалась номером один, пока я не дала шанс Михайловскому театру, к которому в тот же вечер и с очевидным перевесом перешла пальма первенства.

Справедливости ради, мне не до конца понятно, почему из истории оказался вычеркнут момент с туфелькой, которую Маша кидает в Мышиного короля, спасая Щелкунчика, и почему, например, в спектакле нет танца очаровательных в своей старомодности «гросфатер» и «гросмутер». Но такого рода минусы с лихвой покрываются общим, однозначно положительным впечатлением от постановки.

Помимо блестяще исполненной музыки и танцевальных номеров, хочется сказать о костюмах и декорациях: в Михайловском театре

действие из гофмановского восемнадцатого века переносится в Россию начала двадцатого. Наряды взрослых и юных гостей соответствуют моде последних дней империи: девочки, танцуя, играют в ладушки; мальчики тренируются не на деревянных игрушечных лошадках, а бегают с маленькими винтовками Мосина; за большими окнами в стиле модерн видны купола с крестами. Мышей тоже не обделили культурными отсылками: они кутаются в серые немецкие лётные куртки. Марципановый замок, страна сладостей и все её герои изображены несколько более абстрактно, но очень характерно, и, видимо, в качестве параллели к национальным танцам-напиткам русский «Трепак» танцуют четверо моряков.

На мой взгляд, главное, что определяет успех постановки, — это целостность впечатления и гармоничная общая картина, где ничто не выбивается и не режет глаз. Михайловскому театру удалось этого добиться, и теперь их «Щелкунчик» — моя главная рекомендация всем и каждому на это светлое Рождество.

Анна Андреева

К ИСтокам Волго-Дона

В ноябре в Волгограде (точнее, в Старой Сарепте, ныне Красноармейский район Волгограда) проходил КИС — Культурно-исторический семинар по истории и современности российских немцев.

Пять дней — шутка ли — «экспериментального формата»: этот КИС, десятый по счёту, принёс участникам новые радости и вызовы. Впервые было решено разделить участников на физиков и лириков, простите, на теоретиков и практиков (академический и проектный семинары), дабы защитить нежные уши участников второго от жарких споров о сущности понятия «российский немец» в рамках первого. А спорщиков первого — от полёта этнокультурной фантазии и длинных обоснований актуальности и расчётов траектории этих полётов в рамках второго.

На второй семинар (проектный) автору удалось заглянуть одним глазком (практически спрятавшись за шторой, чтобы случайно не начихать на практиков своими скучными рассуждениями о длинных словах) и — о сколько нам этнокультурных мероприятий чудных готовит грядущая пятилетка! Если вы, дорогой читатель, дочитали до этого места и так и не озаботились тем, кто такие российские немцы и чем они интересны, будьте любезны задаться этими вопросами прямо сейчас. Подсказка: узнать их в лицо трудно, но можно спросить интернетовскую золотую рыбку о «клубах российских немцев» — там вы их и найдёте!

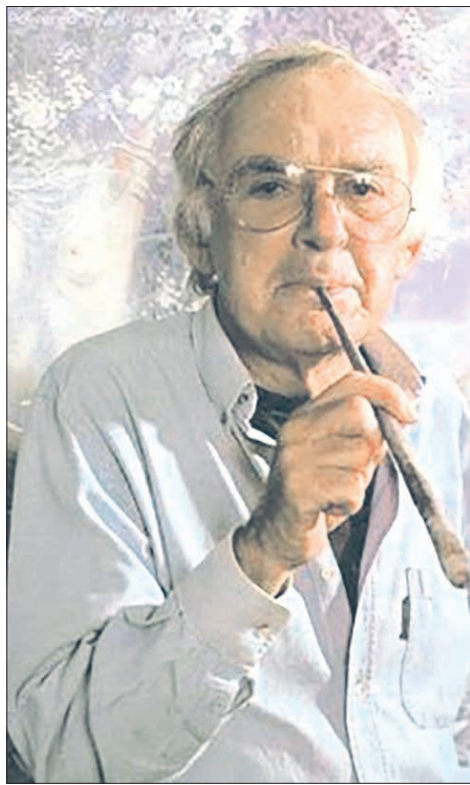
Екатерина Волошенкова

ШТРИХКОД

Портрет Белграда

Художественное перо Момо Капора было равноценно писательскому

Если проза Момо Капора – это голос Белграда, то его рисунки – портрет города, набросанный с той же любовной иронией на углу газетной полосы. Капор-писатель и Капор-художник – это не два разных мастера, а один цельный творческий взгляд.

Выпускник Белградской академии изобразительных искусств, он до последних дней оставался верен карандашу и перу. Его лаконичные, почти скетчевые рисунки – это не просто иллюстрации к текстам, а их прямое продолжение, их вторая жизнь. В них – та же летучая, мгновенная точность: одним росчерком он умел передать и характер человека в пиджаке, задумчиво сидящего за столиком кафаны, и особый наклон ветки за её окном, и сам дух города, составленный из миллионов таких вот мгновений.

Его художественное перо было равноценно писательскому: и в слове, и в линии жила одна и та же философия. Он не детализировал, не прорисовывал – он схватывал суть, оставляя читателю-зрителю пространство для собственной догадки и сопереживания. Рисунки Капора дышат – в них слышны тот же скрип трамвая, тот же тихий разговор за соседним столиком, что и в его рассказах.

Будучи художником, он и писал как художник: его проза визуальна, кинематографична. Каждая фраза – это точный мазок, складывающийся в цельную, осязаемую картину. И когда он на несколько лет отправился в должности советника по культуре в посольство СФРЮ в Перу, он смотрел на экзотику Южной Америки взглядом живописца, впитывая цвета и формы, но оставаясь верным палитре родного города.

В этом единстве слова и изображения – ключ к магии Капора. Он не описывал Белград, он его срисовывал. И теперь, читая его, мы не просто слышим старую белградскую кофейню – мы видим её, как будто сидим за столиком рядом с ним, и он набрасывает её портрет на салфетке, чтобы он остался с нами навсегда.

Ирина Устинова

Иллюстрация 4: «Ладонь»

По снимкам Белграда с воздуха можно, как по ладони, прочесть его прошлое, настоящее, будущее.

На ладони Белграда есть и мозоли, и натёртости, вот тут – след от дружеского рукопожатия; не раз стискивалась она и в кулак, но и нежность чувственного касания ей не чужда...

Её пальцы – дороги, что ведут по миру, – старые, разбитые, со следами колёс крестьянских повозок, шин автомобилей – напоминают небо, исчерченное длинными белыми колеями...

Линия характера – контур изношенной крепости в Калемегдане.

Линия жизни – длинная и испещрённая шрамами от войн.

А вот и линия любви – это берега Ратного острова, Ады Циганлии, Малой Ады...

Линия абсолютного счастья течёт водами его рек.

Иллюстрация 5: «Сердце»

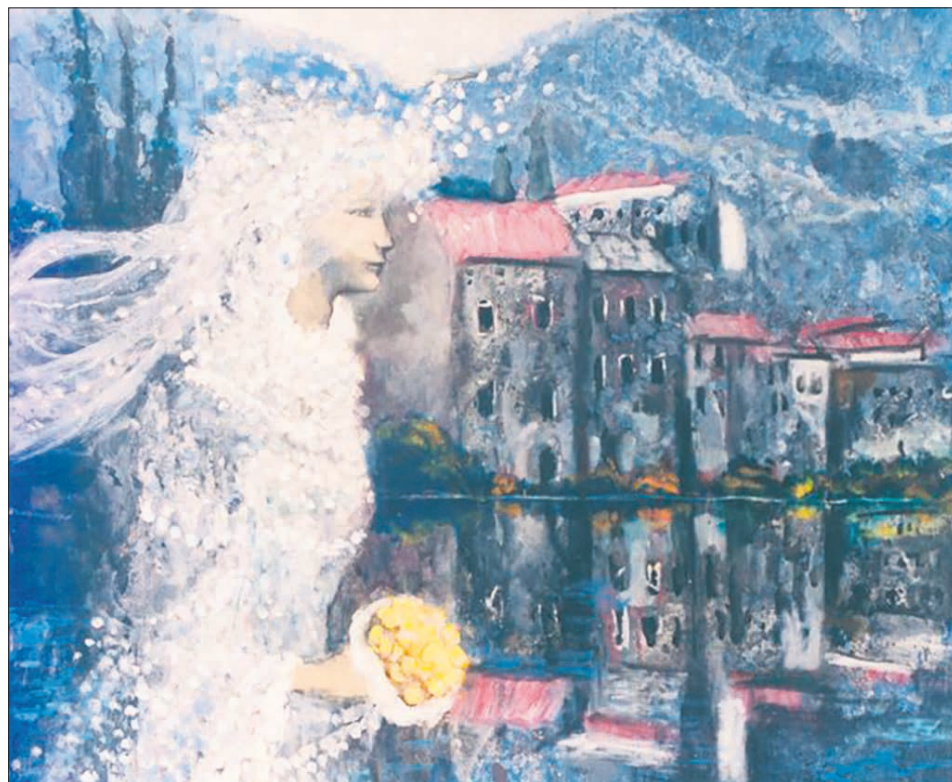
А где у Белграда сердце? Везде и нигде.

Оно прячется в нарочитой небрежности чистильщика обуви: «Дай, сколько дашь!», в философской умиротворённости стариков, которые Бог весть сколько войн пережили; в утреннем газетном анекдоте, который собой озарит самый хмурый утренний троллейбус; в дружеском добродушии официанта,

Момо Капор. Поэт и муза

которому несложно подсесть к гостю и выпить с ним по пиву; в уличном столпотворении, в котором, честно говоря, редко когда почувствуешь себя чужим, и неважно, откуда ты приехал; в поцарапанных стенах, которые давно бы пора побелить, но зато поэтому на них сохранились фрески уличной жизни, любви, ссор, поражений, побед, шуток, футбольных результатов, имён – всё это поверх изредка проступающих оповещений: «ПРОВЕРЕНО – МИН НЕТ! ВСЕ НА ВЫБОРЫ! УМРЁМ, НО ТРИЕСТ НЕ СДАДИМ!» И поверх всего этого – приколоченная табличка давно несуществующей страховой компании САВА, которая не то что других, даже саму себя застраховать оказалась не в состоянии и затерялась среди других таких же табличек с выцветшими названиями.

Момо Капор. Невеста из Требиня, 2002 г.

Дух Белграда притаился и в буйстве цветных рынков, но больше – в плавной походке своих жительниц! Девушки на улицах – для меня это подобно балету! И не надо им ни пуант, ни балетных пачек! С фарфоровой бледностью, повзрослевшие на глазах городские девчонки, выросшие на асфальте, воспитанные под жаждающими взглядами прохожих, независимые, дерзкие и в то же время учтивые, с врождённой элгантностью находчивой модистки и хитроумно скрытой бедностью, они – подлинный шедевр, который только может предложить Белград на суд приезжего. Впрочем, лишь до тех пор, пока не расстворятся, будто по мановению волшебной палочки, оставив улицы безнадежно пустыми.

И наконец, дух Белграда – в ощущении, что вы – дома, где можно в любой момент взять займы мелочи, любви, получить крышу над головой и немного того самого, так иногда необходимого, особенно почему-то перед рассветом, дружеского тепла, понимания, соучастия...

Этот дух рождает смелые устремления, из него вылетают новые порывы и идеалы и в нём же растворяются старые, он переплетает реки и повелевает железнодорожными путями, завивая их в ржавый узел своих же рельсов, чтобы освободить себе бескрайний вид на реки и небо. Он смеётся над архитектурой, и законы градостроения ему не указ.

Нет, с воздуха этот город никогда не привлечёт к себе внимания даже самого снисходительного коллекционера, как бы его ни снимали!

Честно говоря, он просто-напросто нефотогеничен! Но зато он с вами делает кое-что совсем другое: на раз-два разбудит в вас, даже если вы в нём провели всего несколько дней, такую пронзительную, почти что физическую боль тоски, на какую способна разве что фотография первой любви.

И план его улиц становится будто топографической картой нашего сердца. Этот город может свести с ума, но никогда не откроет тайну этой пленительной, замороженной любви, суть которой

никто так и не узнает. И останемся мы навсегда его добровольными пленниками, которые из Бог знает скольких городов (и городов истинно шедевальных!) выбрали именно Белград, чтобы прожить в нём ту свою единственную, данную нам жизнь.

Иллюстрация 6: «Жители Белграда»

Жителей Белграда отличает от европейцев тот факт, что им ни прадед не оставил в наследство дом, чтобы в нём жить, ни даже дед не оставил библиотеку, чтобы её читать. Дома Бог знает сколько раз сносились, библиотеки или сгорели, или их распродали, а у кого-то и дедушки-то не было, говорят, будто бабка его родила! Редко случалось, когда кому-то удавалось что-то оставить в наследство, кроме неизменного презрения к богатству и уверенности в том, что оно всегда приходящее, а вечное – только те самые гостеприимство и сердечность, с которыми белградцы веками укрывали у себя беженцев, находили приют для путников, по-родственному делясь последней крошкой. ■

Прозу М. Капора перевела Ирина Устинова

Момо Капор. Белград на шляпе, 2006 г.

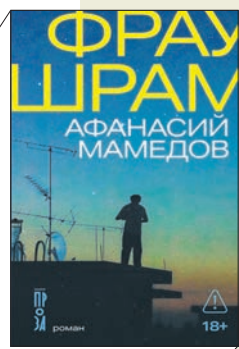
18 ЛИТЕРАТУРА

«ЛГ»-РЕЙТИНГ

Афанасий Мамедов.
Фрау Шрам.

– М.: Альпина нон-фикшн, 2026. – 358 с. – 2000 экз.

Действие книги разворачивается в 90-е годы. Студент Литинститута Илья едет в родной Баку повидаться с матерью и разобраться в себе. У Ильи случается роман, ставший точкой невозврата в его жизни.

Денис Драгунский.
Жизнь Дениса Кораблёва.
Филфак и вокруг: автобиографический роман с пояснениями.

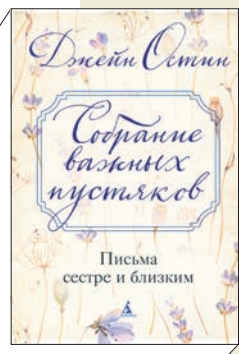
– М.: АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2025. – 512 с. – 4000 экз.

Продолжение «Подлинной жизни Дениса Кораблёва». В книге показан уникальный мир факультета классической филологии МГУ 1960–1970 годов. Это искренний рассказ автора о себе.

Джейн Остин.
Собрание важных пустяков.
Письма сестре и близким.

– СПб., Азбука; Азбука-Аттикус, 2025. – 352 с. – 3000 экз.

Переписка автора романа «Гордость и предубеждение» с родными и близкими. Мисс Остин присущи наблюдательность и несравненный юмор. Книга впервые выпущена на русском языке.

ПРИГЛАСИТЕЛЬНЫЙ БИЛЕТ

non/fiction№27

Международная
книжная ярмарка4–7
декабряГостиный двор
(Москва, Ильинка, 4)

www.moscowbookfair.ru

6+ EXPO-PARK

Международная ярмарка интеллектуальной литературы non/fiction№27 пройдёт с 4 по 7 декабря 2025 года в комплексе «Гостиный Двор» (Москва, ул. Ильинка, д. 4) при поддержке Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации.

Почти 400 участников — крупных и малых издательств, книготорговых предприятий, иллюстраторов и культурных институций — предложат посетителям ярмарки лучшие новинки и переиздания отечественной и зарубежной литературы самой разной направленности: художественной, научной и научно-популярной, публицистической, исторической, мемуарной, биографической, деловой, справочной, детской, гастрономической и др.

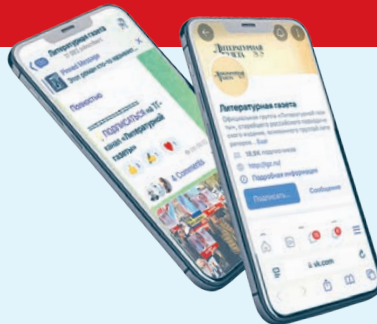
Тринадцать дискуссионных площадок, более 300 мероприятий разнообразных форматов — так выглядит программа non/fiction№27, которая будет проходить в режиме нон-стоп в течение всех четырёх дней работы ярмарки. С посетителями встретятся прозаики, поэты, драматурги, издатели, публицисты, иллюстраторы, переводчики, литературные критики, учёные и популяризаторы науки, педагоги, кинематографисты и кинокритики, путешественники, деятели культуры, общественные деятели... Ознакомиться с программой можно на сайте: moscowbookfair.ru

«ЛГ» также традиционно принимает участие в ярмарке. Приглашаем читателей посетить наш стенд — Р-3.

ЧИТАЙТЕ «ЛГ» В СОЦСЕТЯХ!

t.me/literaturnayagazeta

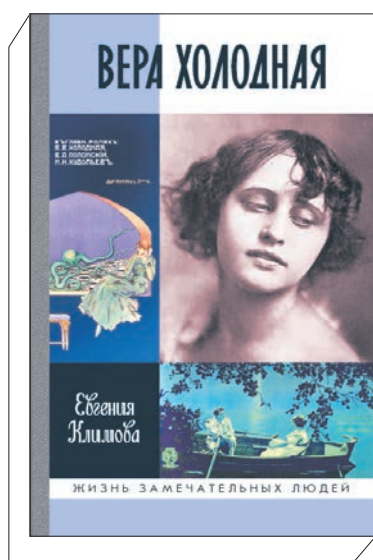

vk.com/litgazeta

БИБЛИОСФЕРА

Раба любви

Борьба правды и лжи в биографии звезды немого кино

Евгения Климова.
Вера Холодная.
Осколки мифов.

– М.: Молодая гвардия, 2025. – 303 с. – 1500 экз.

В писательской среде есть полушуточное утверждение, что биография — один из самых неправдоподобных жанров литературы. Объяснение простое и логичное:

множество исторически возникших фактов, мифов и стереотипов всегда накладывается на личное видение и понимание автора.

Название в данном случае подобрано идеально. Евгения Климовой действительно пришлось на страницах своей монографии периодически разносить вдребезги сложившиеся за многие десятилетия мифы, кривоколки и стереотипы о жизни и смерти главной звезды русского немого кино Веры Васильевны Холодной.

Уникальность авторских метода и подхода к жизнеописанию актрисы заключается в самом простом и логичном — периодическом подведении итогов борьбы правды с ложью (намеренной или непроизвольной) посредством кратких конспективных эпилогов почти после каждой главы. Вы почувствуете истинное уважение к себе как к читателю.

Главная причина прочитать эту книгу состоит в том, что, как и у любого талантливого произведения, спектр освещённых в нём тем гораздо шире того, что мы видим в заглавии.

Это рассказ и про человека, и про эпоху в равной степени.

Любим всегда интересно читать про яркие и трагически короткие жизни знаменитых людей, оставивших в душах современников и последующих поколений неизгладимый след, к которым, безусловно, относится и Вера Холодная. Но история её жизни — это также история нашей с вами страны в один из самых трагических её периодов. Первая мировая война, Октябрьская революция и последовавшая за ней Гражданская война, чуть ли не ежедневно меняющаяся власть в Одессе того времени — всё это так или иначе оставило глубокий след на жизни Веры Холодной и её семьи.

Перелом в человеческом сознании, перестановка жизни самого большого в мире государства на новые рельсы, одновременно с этим рождение и первые шаги русского кино, естественно возникающая и всё нарастающая конкуренция между кинопроизводственными компаниями, а параллельно вовсю бурлит эстрадно-кабачная жизнь при возрастающей

популярности Александра Вертинского — вот чему автор с глубиной и вдумчивостью посвящает целые отдельные главы, отходя от основной темы. Вернее, не отходя, а влетая обширные исторические вставки в общую канву повествования.

При этом с чем принципиально нет никакой возможности согласиться, так это с неоднократно повторённым утверждением, что у Холодной как у актрисы не было сколь бы то значимых актёрских талантов. Вся художественная ценность Холодной, по версии Климовой, состояла в сформировавшемся вследствие тяжёлого детства и юности грустном взгляде, фирменной чёлке (кстати, тоже имеющей свою весьма приземлённую историю) и в стандартных для кинематографа того времени «позах». Подразумевается, что на это и шёл не сильно искушённый зритель того времени, видя всю ту простую и абсолютную искренность актрисы. Вполне возможно. Но скажу честно: актёрская игра (именно игра) лично на меня производит большое впечатление и сегодня, более ста лет спу-

стя. Может, это потому, что сама Холодная с какого-то момента начала периодически ловить себя на мысли, что она уже существует не в реальности, а лишь на немо и бесцветном экране?..

В заключение скажу о самых, наверно, естественно возникших мифах касаясь биографии Веры Холодной — многочисленных версиях о причине её ранней смерти всего в 25 лет. Понятно, что в глазах огромного количества восхищённых зрителей уход из жизни такого полубожества, как Холодная, от банальной «испанки», которая в то время косила простой народ с ужасающей скоростью, не представляется правдоподобным и выглядел скорее как горькая насмешка судьбы. Тайственное отравление той, которая много раз умирала на экране и даже запись реальных похорон которой стала её последним триумфом, настоящим киноклассиком, — вот что люди охотнее бы приняли на веру. Такова уж наша с вами природа — тех, кто по другую сторону экрана.

Дмитрий Лушин

СЛОВО О ЯЗЫКЕ И РЕЧИ

Этюд о школьной программе

На уроках русского мы в первую очередь должны научить наших детей выражать мысли разными способами в зависимости от ситуации

Александр Рудяков,

доктор филологических наук, профессор,
член Совета при Президенте Российской Федерации
по реализации государственной политики в сфере поддержки
русского языка и языков народов Российской Федерации

Задавая вопрос «Что это такое?», мы предполагаем только один правильный вариант ответа: «Для чего это предназначено?» Сама суть феномена определения требует указания функции. В этом смысл и функция определения. Высказываний много, и они могут быть правильными, но только одно из них — о сути.

Задавая вопрос «Что такое язык?», мы должны отвечать на вопрос «Для чего язык человеку?» Если угодно, то его можно конкретизировать и говорить сразу не о языке вообще, а о языке конкретном: «Для чего русский язык россиянину?»

Ответы (если они правдивы) на эти краеугольные теоретические вопросы предельно практичны: они (среди прочего) должны помочь нам понять, для чего нужен школьный предмет «Русский язык» и каким он должен быть по своему содержанию? Иначе говоря, тому ли, что действительно нужно нашим детям, мы их учим? Или мы просто не знаем, чему именно мы должны учить...

Итак, что же такое язык, и как его преподавать нашим детям? Начну с того, что цель бытия системы образования в человеческом обществе — это социализация. Это продолжение подготовки для жизни в социуме, начатой в семье. Человек социален по самой своей сути.

Язык — неотъемлемый атрибут самой человечности и самой социальности. Нет Человека без Языка. И нет языка без человека: язык животных — красивая метафора, не более.

И если у Человека вообще есть Язык, то у конкретного земного человека это всегда конкретный язык. Поэтому овладение языком — это обретение человечности, социальности. В самом феномене социализации есть, конечно, общечеловеческая составляющая, но основная её часть — в рамках государства, страны, общества. Социализация человека без языка невозможна. Судьба всех маугли всегда драматична. Овладение языком — необходимое условие социализации. И здесь важна степень этого овладения. Дитя, знающее несколько слов для обозначения ближайшего окружения, минимально социализировано.

Социализация в российском обществе без русского языка невозможна.

Я веду к тому, что язык важен для человека сам по

себе, как таковой, как то, без чего самого человека не возникает и не существует. Язык — и для нас прежде всего русский язык — есть цель, а не средство для чего-то ещё.

Язык нужно знать не для литературы, не для истории, не для воспитания, не для развития логики или ассоциативного мышления, язык нужен человеку для того, чтобы стать человеком, способным решать свои задачи и достигать своих целей в мире интенсивного и неотвратимого социального взаимодействия. В мире, в котором нет ни малейшего смысла и ни малейшей возможности достигать своих целей, используя одни и те же слова в одних и тех же текстах.

Это и есть главное требование к овладению русским языком — мы должны быть способны обеспечить варьирование способов выражения наших мыслей в зависимости от ситуации взаимодействия, которую мы частенько по инерции зовём ситуацией коммуникации. В своих книгах я много пишу о том, что истинное значение, истинное устройство языка мы сможем понять, только осознав, что язык возникает и существует как орудие воздействия. Что диалог — это фехтование текстами.

И учить русский и учить русскому нужно не для обретения грамотности, как это частенько пишут и говорят. Наоборот: это грамотность должна обеспечить успешность использования языка в большинстве ситуаций. И так остервенело разбирать язык на части и частички, как этого требуют современные программы, не стоит, так же как не стоит разбирать дрели или перфораторы, чтобы ими успешно проделывать отверстия в разнообразных ситуациях «коммуникации» дрелей и перфораторов с поверхностями. Да, конечно, нужно прочитать инструкцию, чтобы не путать, где рукоять, а где бур, но не более того...

Мне кажется, что мы не совсем понимаем, что именно следует преподавать на уроках русского. Мы наполнили школьную программу достаточно странными штуковинами, не имеющими никакой смысловой и практической ценности. Много лет читая лекции по теории языка, я с недоумением гляжу на то, что именуются в учебниках «средства фонетики» или «средства синтаксиса». Да ещё и не простые средства, а изобразительные.

Даже беглое знакомство с тем, что предлагает сегодня

школьная программа по русскому языку, заставило меня вспомнить участок тротуара перед зданием дома губернатора, в котором располагается наш институт. На этом участке можно было изучать историю асфальтирования города: в ямах и прогалинах были видны многие слои этого дорожного покрытия, положенные в разные эпохи... Я, к сожалению, положить на этом участке новый асфальт не мог: земля города. Спасибо визиту президента: к его приезду наша тогдашняя мэр вняла моим мольбам и сделала всё, как надо, скрыв от глаз наследие ушедших времён... Политическая воля творит чудеса...

Такое впечатление, что все прошлые «романы» русистики оставляли свой след в школьной программе по русскому языку. Оставляли и... уходили

”
*Истинное значение,
истинное устройство языка
мы сможем понять, только осознав,
что он возникает и существует
как орудие воздействия.*
“

в прошлое. А следы остались. И сегодня наша программа производит впечатление конгломерата разнородных сведений, которые не объединены пониманием сути изучаемого предмета...

Может быть, ещё одна аналогия сделает мою мысль более ясной. Представьте себе, что программу по «автомобилеведению» создают не те, кто «ведает» автомобиль как целое, а «ходовики», «тормозисты», «колесисты», «двигателисты» и прочие «фрагментисты»...

Или представим себе, что школьную программу об устройстве автомобиля пишет человек, считающий вершиной транспортной усилий человечества телеги и кареты. Инерция (назовём это так) — страшная сила.

Понимание сущности языка вообще и языка русского заставляет нас коренным образом пересмотреть то, как и что мы должны преподавать в школе на уроках русского языка.

Не стоит столько времени и сил отводить на расчленение языковых единиц.

Самое главное, что должны вынести из школы наши дети, — это умение варьировать способы выражения сво-

их мыслей в зависимости от ситуации социального взаимодействия. Ситуаций множество, они разные, и каждая требует тщательного выбора языковых средств для создания правильно работающего текста.

Подобный выбор подстерегает нас на каждом шагу, и нелепых ситуаций, о которых писал Корней Чуковский («Дорогая, твой плащ тебя не лимитирует»), в реальной жизни много больше. Ведь мы непрерывно создаём инструменты для воздействия на наших собеседников, мы непрерывно творим тексты для того, чтобы здесь и сейчас влиять на сознание и поведение наших партнёров по социальному взаимодействию...

Русский язык в школе по определению не может быть рядовым предметом: ведь

величайшее деяние — он прерывал действие безусловного рефлекса, следованием которому и ограничивается взаимодействие животного со средой. Опасность — беги, боль — отдерни руку и так далее... Первый язык — это всего лишь два сигнала. И никакой грамматики и разбора по частям речи. Всего два сигнала (не слова, до эпохи создания этого сложнейшего феномена — орудия номинации — нужны ещё века, если не тысячелетия). Для того чтобы этот первый сигнал не стал пустой абстракцией, скажу, что его аналогом является команда «Фу», которая прерывает действие безусловных рефлексов наших домашних собак и является первым шагом к их социализации — включению в человеческое общество.

Мы должны осознать свою ответственность за то, чтобы правильное определение русского языка и осознание его великой роли в деле социализации нашли адекватное отражение в школьной программе.

До тех пор, пока мы будем считать, что язык — это система знаков, и будем заставлять детей эти знаки разбирать на части, мы будем удивляться тому, почему дети относятся к этому странно. Как здесь не вспомнить мой «Этюд о таблетках», опубликованный в этой колонке несколько месяцев назад: мне всё равно, какого диаметра таблетка и какого она цвета, главное, что в ней есть то лекарство, которое спасёт меня от болезни...

Мне всё равно, на основании какой словообразовательной модели создано то слово, которое мне нужно здесь и сейчас в этой именно ситуации социального взаимодействия. И хвалёные сочинения нужно писать так, словно ты свою мысль пытаешься сказать разным людям в разных ситуациях, а не только для того, чтобы воздействовать на учителя для получения оценки. И упражнения должны быть прежде всего на варьирование средств выражения мысли. И слова нужно придумывать самим. И так далее, и тому подобное.

Нет и не может быть одной данной на все случаи нашей непостоянной социальной жизни уместности, правильности, грамотности нашей речи.

Я за новые программы, соответствующие великой роли нашего великого языка в просвещении нового поколения!

Уверен, что и ЕГЭ по русскому языку наши дети начнут сдавать намного лучше. ■

социализация — это ещё и цивилизационный выбор. Это принятие ценностей и идеалов данного российского социума, использующего русский язык. Язык великий. Язык могучей страны. Язык, владение которым, отношение к которому показывает меру патриотизма человека.

При всём уважении к другим школьным предметам и к коллегам, их преподающим, с точки зрения социальной ценности они играют меньшую роль в социализации школьника. Ты не можешь не учить русский язык, если ты должен стать частью нашего социума, чтобы стать российским человеком.

Повторю: нет и не может быть успешной и полной социализации без языка. Человек и общество возникают в тот момент, когда возникает язык. Это, по сути дела, три стороны одного явления: человек как социальное (отличающееся от биологического животного) существо возникает с возникновением первого — нет, не слова — первого сигнала, способного, по мнению Б.Ф. Поршнева, концепция которого, к сожалению, далеко не так популярна, как она того заслуживает, на

Курск – самый читающий!

Определён «Литературный флагман России – 2025»

В Союзе писателей России прошла церемония награждения победителей конкурса «Самый читающий регион», состоявшегося уже в 11-й раз.

В этом году в конкурсе вновь приняли участие все 89 субъектов РФ, и работа была проделана огромная: организаторы подготовили к торжественной церемонии объёмную брошю-

ру – «100 проектов про чтение», в которой представлены все интереснейшие инициативы, направленные на популяризацию чтения и литературы, рассмотренные в нынешнем сезоне.

Среди победителей – проекты Кировской области («На родине Альберта Лиханова»), Москвы («Книги в городе») и Мурманской области («На Севере – читать!»). Представи-

тели регионов получили дипломы из рук директора Департамента государственной поддержки периодической печати и книжной индустрии Минцифры Владимира Григорьева.

Гран-при отмечен проект Курской области «#КурскГраниКнигоФестиваль», ориентированный на молодёжь в возрасте от 14 до 35 лет. Отмечается, что это «первый литера-

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

Сергей Степашин, президент Российского книжного союза:

– Я рад, что наш конкурс состоялся уже в 11-й раз. Он стал не только традиционным, но и очень востребованным в стране. Сейчас в нём принимают участие все регионы России. Я хочу поздравить нашу любимую Курскую область и выразить надежду на скорейшее восстановление разрушенных территорий. Мне приятно вручить эту премию лично Александру Хинштейну, который, став губернатором, остаётся прекрасным журналистом и писателем.

Александр Хинштейн, губернатор Курской области:

– Несмотря на все трудности, сила духа жителей региона не только не снижается, но и растёт. В этом им помогают книги, чтение и духовность, которые нужны как никогда.

турно-патриотический фестиваль на Курской земле... который вовлекает целевую аудиторию в познание значимых событий Великой Отечественной войны посредством лучших произведений литературы, музыки, театральных постановок, кинофильмов, составляющих золотой фонд отечественной культуры и запечатлевших героизм и мужество защитников Отечества». В 2025 году фестиваль прошёл во второй раз, но организаторы вынуждены были перенести его в музей-

усадьбу А.А. Фета, поскольку фестиваль «дом» – КДЦ имени Д. Гранина – был разрушен в ходе боевых действий на территории области... Награду губернатору Курской области Александру Хинштейну вручил президент Российского книжного союза Сергей Степашин.

Призом «Выбор Клуба Первых» была отмечена Чеченская Республика за проект «Культурный код Ножай-Юрта», а почётного статуса «Территория книги и чтения» удостоена Архангельская область.

Валерия Галкина

ДАТА

Тайна Игоря Золотусского

В Москве отметили юбилей писателя

В Тургеневской гостиной Библиотеки-читальни имени И.С. Тургенева состоялся юбилейный творческий вечер, приуроченный к 95-летию писателя, литературного критика, режиссёра-документалиста, члена Союза писателей Москвы и Русского ПЕН-центра Игоря Золотусского.

«Для меня это очень важный и дорогой человек. Важность фигуры Золотусского в том, что всё, о чём он пишет, продумано. Фильм, который мы сняли об Игоре Петровиче, называется «Россия в судьбе», ведь судьба нашей страны отражается в его истории: арест отца, детский дом, Великая Отечественная война... Игорь Петрович рассказывал мне, что, путешествуя по стране, он встречал много злых людей, но встречались и хорошие, готовые помочь, через которых он и полюбил страну. Игорь Петрович очень глубоко, через сердце всё анализирует», – рассказал в начале ведущий вечера, президент Русского ПЕН-центра Владимир Семёнов.

Евгений Попов, Борис Евсеев, Владимир Семёнов и Сергей Шаргунов на вечере к 95-летию Игоря Золотусского

Выступил писатель, главный редактор «Юности» Сергей Шаргунов: «Это человек не просто молодого, а юного дерзания. Игорь Петрович однажды сказал про критику первого впечатления. Я понимаю это как доверие своему сердцу, это открытость смыслу и таинственной музыке слова, это учёность человека, который прошёл сложную жизнь, это чутьё – и это всё Игорь Петрович. Золотусский сам по себе, он бывает неудобен кому-то, но

он со своим мнением. Он сызмальства вкусил горечь, именно поэтому он так решителен в отстаивании того, что для него свято. Тайна Золотусского в его опыте. Его фильмы просвещают людей, он старается поднять уровень своего читателя и зрителя. Он не боится говорить о сложных вещах, не боится размышлять, и в этом проявляется уважение к аудитории. Игорь Петрович по-настоящему знает и любит русскую литературу. Именно поэтому

он обращается к Ю.П. Казакову, К.Д. Воробьёву, В.Г. Распутину. Он находит в них тайну русского слова, которую продолжает разгадывать».

По рекомендации врачей Игорь Петрович был вынужден остаться дома, однако подготовил видеопослание и поблагодарил всех гостей встречи: «Я вижу здесь людей, у которых впереди долгий путь, и я желаю, чтобы этот путь осветился добротой их сердца». Писатель и вице-президент Русского ПЕН-центра Борис Евсеев продолжил: «Не только человек выбирает путь, но и путь человека. Золотусский, на мой взгляд, не критик, а аналитик литературы. У него есть книга «От Грибоедова до Солженицына», в которой он разделил Россию и интеллигенцию. Будучи интеллигентом, он откликался на общественные требования, что совершенно не мешало ему. Ведь публицистика иногда убивает настоящую литературу, но не в его случае. В этой книге молодой текст. Молодость заключается в отсутствии литературных клише, штампов, в кни-

ге только сердечные мысли, высказанные ясными, доходчивыми и порой горькими словами. Путь Золотусского – путь России. В конце хочу сказать, что чем больше жизнь, тем яснее мысль, чем больше жизнь, тем сильнее проза». Поделились своими воспоминаниями о встречах с Игорем Золотусским Евгений Попов, Борис Евсеев и другие. Доктор исторических наук критик Лола Звонарёва рассказала: «Чтобы достучаться сейчас до молодых людей, нужно придумывать приключенческий вариант истории русской литературы. Это должны быть живые эпизоды, которые взволнуют молодые сердца. Об этом и говорил Игорь Петрович».

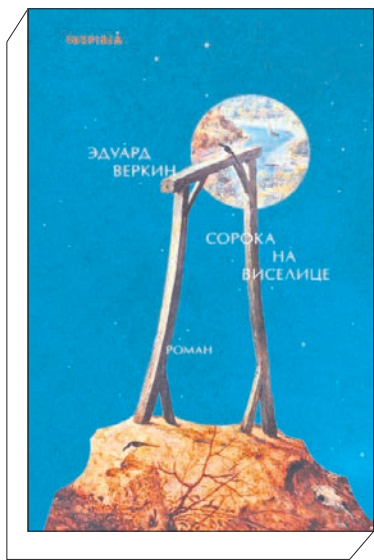
Завершился вечер показом фильма «Игорь Золотусский. Россия в судьбе», снятым в рамках проекта «Россия в судьбе: сохранение и передача культурной российской идентичности из поколения в поколение» при поддержке Президентского фонда культурных инициатив.

Юлия Борисова

БИБЛИОСФЕРА

Ожидание Годо
в космосе

Каким бы был мир без конфликтов?

Эдуард Веркин.
Сорока на виселице.– М.: Эксмо, Inspiria, 2025. –
512 с. – 7000 экз.

В наше время, полное парадоксов, вооружённых конфликтов, неуверенности в завтрашнем дне, всё чаще начинаешь задумываться о мире. Вот что было бы, не будь ни войн, ни распрей, ни угнетения, вызванного противоречивыми ежеминутными новостями? Возник бы мир, основанный на принципах справедливости, разделяемых его жителями. И каким бы оказался такой мир?

Неимоверно скучным.

Собственно, на такие мысли наводит новый роман Эдуарда Веркина «Сорока на виселице» про зрителя заповедника из недалёкого мирного будущего, которого отправляют по жребью в некое Большое Жюри. Начала его работы герой терпеливо ждёт наравне с остальными делегатами – библиотечаршей и чудакотами учёными, напоминающими героев «Теории большого взрыва», и, конечно же, не дожждётся. По сути, это «В ожидании Годо» Беккета в космосе.

«Сорока на виселице» вошла в короткий список литературной премии «Большая книга» и, казалось бы, стала очевид-

ным фаворитом – большой, написанный под влиянием братьев Стругацких и Станислава Лема роман, который даже стал героем интернет-мема, нарисованного нейросетью, где русский богатырь несёт флаг с надписью «За Веру и Веркина!» Под Верой определённо имеется в виду Вера Богданова, чей роман «Семь способов засолки душ» также вошёл в короткий список премии (о ней я писал в «ЛГ» № 28, 2025). Такая ставка вполне обоснована: в современной российской литературе уже не так просто найти автора, который старается писать о серьёзных, глобальных проблемах – вроде той, что было бы, наступив в нашем мире утопия.

Веркин в «Сороке на виселице» действительно поднимает такой вопрос. Однако, судя по смысловому содержанию романа, делает всё, чтобы уйти от ответа – отчего роман, из которого могла бы получиться ёмкая, увлекательная повесть (собственно, Веркин на таких повестях изначально и сделал себе имя), превращается в унылую многостраничную галактическую бродилку по вымышленной планете, наполненную различными внутренними микросюжетами и литературными аллюзиями (от борхесовских рецензий на несуществующие книги до «Триумфальной арки» Ремарка) и которая, будто нейросеть, по ходу действия создаёт всё больше и больше историй и таких аллюзий, никак не развивая и без того куцей сюжет. Уходов в сторону настолько много, что даже теряется уверенность, ради чего Веркин написал свой роман – чтобы ответить на волнующий его вопрос или поиграть в литературные игры. Автор доходит до того, что оставляет отсылку даже на свою коллегу по шорт-листу «Большой книги» Анну Баснер, написавшую крепко сбитый, хоть и неидеальный роман «Парадокс Тесея»: «Я вдруг подумал, что нико-

гда раньше не видел руин. На Земле сохранилось некоторое количество руин, но это все древнеримские, древнегреческие, мезоамериканские, исторические, одним словом, новых нет, и неоткуда им взяться, а старые... Сложно поверить, что настоящие. Все руины неоднократно реконструировали. Тесея ли этот корабль?».

Несмотря на сюжетную избыточность, Веркин даёт очень точный и аргументированный ответ на вопрос, каким бы был мир без конфликтов. «В искусстве нашего века вновь появилась скука, – рассуждала Мария. – Я имею в виду скуку как некий феномен, переживание, состояние. Скука в музыке, живописи, литературе двух предыдущих столетий отсутствовала практически полностью, более того, считалась неприличной. Землянину не полагалось скучать, землянину полагалось стремиться. И мы стремились, в науке, в искусстве, в космосе. Однако потом что-то произошло...»

Возможно, скука, о которой пишет Веркин, вызвана приходом цифровой эпохи и связанной с ней фрагментацией и атомизацией общества, информационной избыточностью. Поиск информации и рабочие процессы ускоряются, становятся более предсказуемыми, а потому скучными. Отсюда и возникает апатия, усиливаемая общей неуверенностью человечества в завтрашнем дне. И эта апатия особенно сильно чувствуется на фоне романа, который написан намеренно утопичным и который своим спокойствием, бесконфликтностью и отстранённостью наглядно показывает, что утопия невозможна, потому что она неимоверно скучна. Развитие двигает конфликты. Потому гораздо интереснее читать антиутопии – таков грустный парадокс человеческого счастья.

Александр Рязанцев

ЧЕТВЁРТОЕ ДЫХАНИЕ

Дмитрий Воденников, поэт

Кислая правда

«Съешь лимон». Так говорят человеку, который сильно радуется, хотя уверяет, что событие его расстроило, а кому-то по какой-то причине его радость, плохо скрываемая, неприятна.

Ещё моя прекрасная мачеха в своё время рассказывала, что, когда они были подростками, в далёком году, в советском ещё городе Нальчике ходили на парковые выступления артистов и певцов, садились в первый ряд и ели лимон.

У артистов сводило скулы – песня, которая «строить и жить помогает», начинала немножко прихрамывать.

Ещё многие использовали лимон для чая, а ещё он всегда лежал на блюдечке, нарезанный, рядом с твоей кроватью на табуретке или пододвинутом стуле, когда ты мучился со своей детской простудой или ангиной.

...Тут недавно прочитал: в забытом уже (сколько воды в наших письмах утекло, сколько листьев над головой прошумело) 1995 году произошла недолгая серия ограблений. Грабители в общей сложности ограбили два банка в окрестностях Питтсбурга и вынесли оттуда несколько тысяч долларов. Но серия ограблений неслучайно была недолгой: полицейские сперва даже не поверили своей удаче, думали какой-то странный трюк с масками. Но факт остаётся фактом: грабители, которых опознали как МакАртура Уилера и Клифтона Эрла Джонсона, оба раза не скрывали своих лиц, даже более того – оба раза, довольные, улыбались в камеру.

За что и поплатились.

*Приди – открой балкон. Как небо тихо;
Недвижим тёплый воздух, ночь лимоном
И лавром пахнет, яркая луна
Блестит на синеве густой и тёмной,
И сторожа кричат протяжно: «Ясно!..»*

К ним и пришли, задержали. И это было шоком для грабителей: они были уверены, что их не найдут. Потом уже были потрясены и полицейские. Когда узнали, по какой причине не должны были приходить.

Клифтон Джонсон, человек, видимо, живший по законам небесной логики, где-то прочёл, что в Средневековье лимонный сок использовался в качестве невидимых чернил.

«Следовательно, – зашептал Джонсон своему приятелю Уилеру, – если мы натрёмся лимоном, то ни одна камера нас не определит, зафиксирует только наши фигуры и очертания лица, а само лицо – нет».

Самое забавное, что они даже провели дома эксперимент. Уилер натёр лицо лимонным соком (бедная кожа), потом взял «Полароид» и сделал селфи.

Тут история темнит и рябит: не очень понятно, что произошло. Может, плёнка была испорчена, а может, что-то не то было с ракурсом. Но в любом случае почему-то лица на фотографии не было. Может быть, обычный «засвет»?

В любом случае философский камень тускло мерцал в темноте ума. И приятели отправились грабить свой первый банк.

*А далеко, на севере – в Париже –
Быть может, небо тучами покрыто,
Холодный дождь идёт, и ветер дует.
А нам какое дело? слушай, Карлос,
Я требую, чтоб улыбнулся ты...*

Улыбнулся, впрочем, не только Дон Карлос из «Маленьких трагедий» Пушкина, но и профессор социальной психологии Дэвид Даннинг, который потом написал: «Если Уилер настолько глуп, что решил ограбить банк, то, вероятно, он также слишком глуп, чтобы осознать глупость своего желания ограбить банк, то есть его глупость не давала ему понять собственную глупость».

Фраза туманна, как обещанное влияние лимонного сока на лице, но нам сейчас интересно не это.

Нам интересна собственная глупость, а ещё более – глупость окружающих людей.

Люди как будто не могут понять, что сами во многих случаях загоняют себя в безнадёжность. В отношениях, в делах, в Интернете.

Они делают и делают хитрые глупости, но лимонный сок их сомнениям ничего не скрывает.

Мы видим с этой стороны экрана, как они самодовольно глупы. Мы даже можем предсказать их близкую или отстоящую на несколько месяцев судьбу. Мы даже иногда их предупреждаем.

А потом видим, как они жмут на своё лицо лимонный сок. ■

ПРИГЛАСИТЕЛЬНЫЙ БИЛЕТ

10 декабря в 17.00 в Библиотеке искусств имени А.П. Боголюбова (отдел «Детская библиотека», Новослободская ул., д. 49/2) пройдёт презентация альманаха «Иносказания».

В него вошли произведения классиков мировой литературы и современных писателей, прежде не переводившиеся на русский язык. Среди авторов – Джеймс Мэтью Барри, Фрэнсис Скотт Фицджеральд, Массимо Бонтемпелли, Поль Гаден, Джорджо Манганелли, Лесли Поулз Хартли и другие.

Все переводы выполнены недавними выпускниками и нынешними студентами Литературного института имени А.М. Горького. Помимо зарубежной литературы в альманахе представлены тексты, переведённые с национальных языков: удмуртского, якутского, татарского.

В презентации примут участие мастера кафедры художественного перевода Литинститута Анна Ямпольская, Вера Пантелеева, переводчица с якутского, работник культуры Республики Саха (Якутия) Аита Шапошникова, переводчица с татарского, поэт, автор книг для детей Алия Каримова.

Вход по читательским билетам. ■

Книга для искателей книг

Обнаружить «внесистемное» — основная задача критика

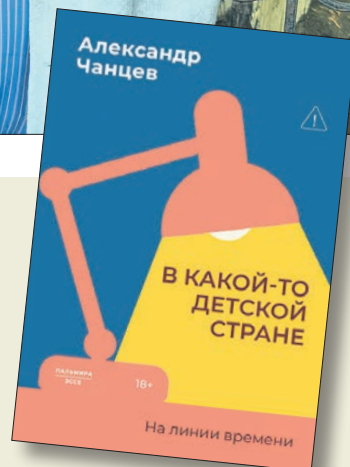
Неутомимый Александр Чанцев (на фото), плодовитый литературовед, критик и эссеист, приглашает в путешествие по своей новой книге «В какой-то детской стране. На линии времени». Этот сборник — настоящее погружение в литературный дискурс как не самых очевидных законов мировой словесности новейшего времени, так и вполне мейнстримных. Давайте разбираться.

— Саша, твоя новая книга описывается как «причудливый калейдоскоп жанров». Что мотивирует выбирать конкретную форму для исследования той или иной литературной темы? И как эта жанровая гибкость влияет на глубину и восприятие твоего анализа?

— Определяет всё прежде всего свобода. Беря книгу на прочтение, я не знаю, буду ли писать о ней. Хотя — из-за вопроса времени — книги и проходят мой тщательный предварительный отбор. Потом, как с человеком в начале дружбы или любви, происходит или нет вспышка чувства. Интерес, симпатии, узнавания чего-то в книге или желания разобраться. Возможно, и отворачивания (хотя отрицательных рецензий я написал крайне мало, нужен какой-то уж исключительный случай, а просто писать о плохой книге — значит подсвечивать её тем чёрным пиаром, что ещё ярче). В ходе дальнейшего общения-чтения приходит и решение — писать короткую рецензию для газеты, свободное эссе для сайта или толсто-журнальную аналитику.

— Очевидно, что ты стремишься балансировать между модным и внеформатным. Что именно ты вкладываешь в эти понятия в контексте современной литературы? И почему так важно исследовать именно эти пограничные зоны?

— Модное интересно только тогда, когда оно говорит о каких-то значимых трендах — социальных, научных, философских. Из-за этого я прочту нового Пелевина, но вот писать о нём... Последнее, скажем, я еле дочитал, до того этот сериал Transhumanism Inc. уже смахивает на пережёванную жвачку. А внеформатное — от истории нашего (сербского, итальянского, любого) авангарда до каких-то новейших стилистических практик, — ты прав, гораздо интереснее. Потому что это формирует тенденции будущего. Ведь наша привычная литература подчас крайне скучна. А человек изрядно запутался в мире. Читатель же инновационное, внесистемное, лиминальное даже и пытаться писать о нём труднее, но чрезвычайно занима-

Александр Чанцев. В какой-то детской стране. На линии времени.

— М., СПб.: Руграм / Пальмира, 2026. — 558 с. — (Серия «Пальмира — эссе»).

тельно. Правда, такие книги сложнее обнаружить. Но поиск их как раз и является задачей критика.

— Твой труд охватывает работы последних пяти лет. Какие ключевые сдвиги, тенденции или, возможно, не сильно очевидные трансформации ты заметил в российском и мировом литературном процессе в этот период? Какие авторы стали наиболее значимыми открытиями?

— Проследить тенденции на всём поле современной литературы невозможно, и не верьте тем критикам, кто будет о них с серьёзным видом рассказывать. Во-первых, зашкаливающий информационный объём. Можно ли за утро и даже день прочесть все новостные ресурсы? Во-вторых, даже условные критики-универсалы постепенно склоняются к тому, чтобы не идти по неохватным верхам, а копать и ухаживать за парочкой любимых грядок, исследовать те темы, что им оказались ближе всего. Но картина у меня в голове неожиданно хорошая: вдруг оказались молодая критика и книжная журналистика — к примеру, Кирилл Ямщиков, Алексей Черников, Даниил Швед. А вот в иных жанрах всё не так хорошо. В поэзии у нас откровенное перепроизводство. Тот случай, когда читаешь очередной подаренный сборник, и он может быть даже хорош, на уровне, но беда в том, что на таком же примерно уровне стоят на той же полке ещё несколько десятков сборников. А на выходе просто не останется тех строк, что запомнятся надолго, всё смажется, уйдёт в фон. Наверное, это глупый идеализм, и Бодлер с Бенном не могут появляться каждый год, но мне всё равно кажется, что эти бесконечные книги под Бориса Рыжего или Аркадия Драгомощенко — это уже про-

сто невозможно... Про молодую прозу я тоже ворчу, за редчайшим исключением (например, Наталья Явлюхина и Андрей Гелианов) люди пишут так, будто они исписались до первой своей книги, будто ничего яркого в литературе не было или же они просто его не читали, а пришли скопировать предыдущие общепризнанные образцы. Оно и психологически понятно — молодым проще вписаться в какой-то канон, работать под стандарты того или иного журнала / издательства / течения, но читать всё это довольно уныло. Возможно, это объясняется уже более глобальной тенденцией, которая мне видится давно и в общемировом масштабе: фикшен сдаёт свои позиции нон-фикшену, скоро не будет (да и слава Богу) «романа воспитания» очередного юноши, но вызреет, углубится, разовьётся жанр личного дневника. Так, в конце концов, писали Эрнст Юнгер и Брюс Чатвин, которых читать сейчас гораздо интереснее, чем новейший бестселлер от очередного юного премированного дарования. И нон-фикшен сейчас действительно на подъёме: только

в этом году вышли такие разные исследования / сборники эссеистики у Романа Сенчина, Вячеслава Курицына, Бориса Кутенкова, Игоря Гулина.

— Какие именно приёмы или подходы позволяют современным авторам сохранять интеллектуальную глубину, не отталкивая при этом читателя, а напротив — притягивая его?

— А разве интеллектуальная глубина может оттолкнуть читателя?

— Это смотря какой читатель. Есть такие, которых может: любители дамского романа или примитивного young adult.

— ...по-моему, это как раз то, из-за чего берёшь книгу. Мне очень нравится, как работают сейчас наши издатели. Изданий по истории знания, по его новейшим, пограничным краям очень много. Так, «Жёлтый двор» издаёт множество крайне важных японских, китайских и корейских авторов. А в той восточной линии, за которую сейчас взялось издательство Ad Marginem, можно прочесть эссе об Иране, путеводитель по Японии от Ролана Барта, сравнительное исследование китайской и европейской живописи, книгу-прогулку по Ташкенту и т. п. Кстати, изданный там же гонконгский философ Юк Хуэй — моё открытие года, если он не пойдёт по пути конвенциональной мысли и письма, то имеет все шансы стать следующим большим философом, сочетающим западный и восточный подходы.

— Как ты сам определяешь свою роль в современном литературном пространстве: ты скорее проводник, толкователь, провокатор или, возможно, художник, создающий собственное метапроизведение на материале чужих текстов?

— Я представляю те книги, о которых мне интересно было бы поддержать беседу, но хотелось бы, чтобы разговоры вывели в итоге на что-то иное.

— В одной из аннотаций на книгу присутствует дисклеймер о наличии информации, касающейся наркотических и психотропных веществ. Как ты подходишь к исследованию или осмыслению подобных, более или менее табуированных тем в литературе?

— Вещества для меня не важны — это факт. У нынешнего индивида и так полно внешнего и внутреннего гнёта, неволи, зачем ещё одно ярмо? А вот древнее знание в виде алхимии, различных религиозных и мистических практик может сказать современному человеку гораздо больше, чем принято думать. В конце концов, современные научные, медицинские, технологи-

ческие находки устаревают и опровергаются новейшими уже буквально через несколько сезонов, а вот практики выдержали испытания несколькими тысячелетиями. Об этих темах, которые я называю условно альтернативно-религиозными, я регулярно пишу в моей рубрике non-fiction Pro в журнале «Дружба народов», и это то, что мне писать сейчас интереснее всего. Взять, чтобы не перегружать нашу беседу именами и темами, одних католиков из моих подборок. Мечтательный фантазёр Пьер Тейяр де Шарден, радикальный реакционер колумбиец Николас Гомес Давила, современный богослов Ханс Урс фон Балтазар, святая и мистик Адриенн фон Шпайр — все они предлагали современному загулявшему и заблудившемуся человеку какую-то новую мысль и жизненную стратегию.

— Да, твоя работа явно выходит за рамки чисто литературоведческого анализа, затрагивая философию, мистику, культурные феномены. Как ты видишь взаимосвязь современной литературы с более широким полем гуманитарных знаний, с нашим общим культурным ландшафтом?

— Смотри, ведь йога и аюрведа оказались вдруг нужны современным людям. Философия всё же выше всего по накалу мысли, как, скажем, и музыка — самый приближенный к Богу вид искусств. А в целом же современная мысль, как мне кажется, может существовать скорее на границе дисциплин, преодолевая границы знания.

— На кого, по-твоему, рассчитана твоя книга? И кто её идеальный читатель?

— Сам бы хотел больше знать моих читателей. Та же рубрика non-fiction Pro, пока не был обрушен «Журнальный зал», стабильно занимала в его рейтингах первые места по количеству прочтений за месяц. И это несмотря на довольно нестандартных персонажей рубрики и их весьма непростые книги. Но кто был этот читатель, статистика не сообщала. Одна ныне запрещённая социальная сеть в своих статистических отчётах более конкретна. Она говорит, что мой читатель — моего возраста и даже старше. А вот пишет мне в последнее время чаще молодёжь, находя в тех же социальных сетях. Молодые люди благодарят меня за какие-то прежние книги — прежде всего за книгу о Лимонове и Мисиме. Главное, что они приходят на презентации книг. Это радует. Если коротко и ёмко — эта книга для тех, кто хочет найти новые книги.

Беседу вёл
Роман Богословский

Полный текст — на сайте «ЛГ»

БИБЛИОСФЕРА

Долгое дыхание

Заметки о собрании стихотворений

Александр Зорин.
Вверх по водопаду.

– Берлин: Lulu, 2025. – 640 с.

Первые стихи этого большого тома помечены датами: шестьдесят второй, шестьдесят третий, шестьдесят четвёртый годы и напоминают зарисовки с натуры. Вот отправившийся в море матросом на рыболовецком траулере автор заливает в бочки воду (стихотворение так и называется – «Заливаю бочки водой»); вот «загоняют» ночной улов в бочки; вот вытягивают из моря наполненный рыбой трал («Лебёдка ржавая скрипит, прокручивая трос на стыках...») И Зорин, и я, и многие другие задумывавшиеся о творчестве молодые люди в ту пору бы-

ли уверены, что для познания жизни непременно надо уйти в море, поступить в геологическую партию, уехать подальше от дома, желательно – на Курильские острова или на Камчатку... Ничего худого в этом стремлении не было. Больше того, увиденное в дальних краях подчас отзывалось ярким образом, отточенной строкой, нетривиальной мыслью и уж, во всяком случае, для духовного становления личности было куда полезнее, чем умение с молодых ногтей делать деньги. Одно из самых своих пронзительных стихотворений Зорин не написал бы, если бы однажды ночью у костра не стал свидетелем стычки, когда «...в кружки спирт бежал без промедленья». Но не ради описания пьяной и слепой человеческой ярости написано стихотворение. Оно о другом – о скорби Создателя о своём творении, утратившем человеческий облик. «Ну а когда зачинщики бузы / осатанело за ножи схватились, / я видел, как над нами две слезы / по небу отступившему скатились». Это и есть то драгоценное зерно истины, которое поэтический труд добывает из многообразных жизненных обстоятельств.

Думаю, Зорин начал своё «Собрание стихотворений» (так он определил том своего избранного) со стихов, написанных целую жизнь – шестьдесят лет назад(!), вполне сознательно: чтобы у любящего поэзию читателя сложилось ясное представление

о долгом творческом пути поэта, о том, как изменилась, стала и сильнее, и глубже его поэзия, и как в центре его поэтического пространства в конце концов оказался человек во всём многообразии его внутреннего мира.

Что ведёт Зорина – из года в год, от стиха до стиха, от книги до книги? Поэтический дар? Несомненно, ибо подлинный дар всегда в поиске мысли и слова. Сознание гражданина, ответственного за судьбы Отечества? Да – и мы находим этому прямые подтверждения в его поэзии. Но есть и главный, мне кажется, повод – чувство правды: «...будь верен ей до запятой, / как истине – мученик кроткий». Однажды определив для себя это credo, Зорин неукоснительно следует ему. И о чём бы он ни писал – о любви (без откровенной чувственности, бережно и нежно, словно удерживая бабочку в осторожных

пальцах), о творчестве, которое он сравнивает с метанием копья («Бросок и тень копья в трепещущем стихе»), о нашей жизни, каждое или почти каждое его стихотворение отмечено чистым и чуждым малейшей фальши звуком и тем драгоценным сплавом мысли и чувства, который отличает истинную поэзию.

Надо отметить не оставляющую его тревогу за человека, за мир, за свою страну. Тем ли путём движется человечество? в ладу ли с собой живёт человек? какое начало одержит верх в русской судьбе – жестокое, мрачное, азиатское, уже унёсшее миллионы жизней, или светлое, основанное на культуре и уважении к человеческому достоинству? Горький звучит на эти вопросы ответ: «Может ли что-то из блудного месива / путное вырасти – в мокрой дыре? / Снова зовёшь ты: Христа или кесаря? / Где: в колыбели, на смертном одре?»

„
Надо отметить не оставляющую его тревогу за человека, за мир, за свою страну. Тем ли путём движется человечество?
“

Поэзия Зорина христоцентрична, поэтому у него нет сомнений, каким путём должно идти человечество. Тем мучительнее для него сознавать, что мир в своём большинстве отказывается от Христа, отвергает указанный Им путь и выбирает дорогу без Бога, дорогу, ведущую в катастрофический тупик. «Народ без слова Божьего – пучина, / выталкивающая на поверхность сонмы бестий». Последняя инстанция истины для него – Христос. На пути к нему Зорину повстречался поистине великий человек и священнослужитель отец Александр Мень, встреча с которым стала началом его обращения. «Улыбка отца Александра / – на землю прорвавшийся свет...» И трагическая гибель отца Александра отозвалась воплем скорби, боли и так и неразрешённого недоумения: «Это ж надо такого мужа убить!»

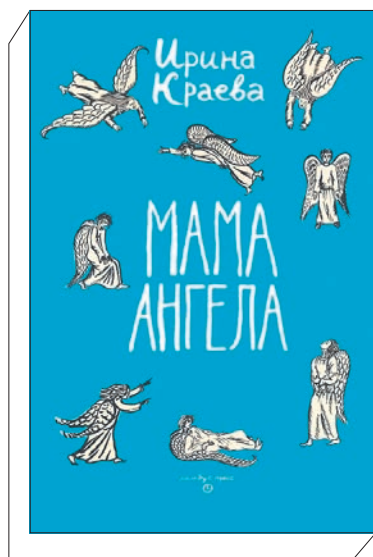
Завершает «Собрание» стихотворение о «бесстрашном» соловье, поющем свою песню «над разбухшей загородной свалкой». Как бы ни было безрадостно и безотраднo время, сколько бы несчастий ни переживал человек, как бы ни отчаивался он и как бы ни клял судьбу – «чок-чок – сверкает звёздный лучик... / На бранный ужас невзирая, / а может быть, и вопреки».

Таковы и судьба поэта, его призвание, которым следует Александр Зорин.

Александр Нежный

Позвоните маме. И бабушке

Опыт родительства возносится высоко

Ирина Краева.
Мама ангела и другие наивные истории.

– СПб.: Лимбус Пресс, 2025. – 208 с. – 1000 экз.

Рассказы и повести Ирины Краевой называют наивными. На самом деле это глубокие философские тексты, таящие в себе квинтэссенцию человеческой драмы, в центре которой стоит женщина, прежде всего мама и бабушка.

Открывает сборник «Мама ангела» – повесть о большой и дружной российско-греческой семье, в одной из ветвей которой бабушка становится мамой четверым детям своего собственного сына. Как же так? Читатель быстро понимает, что этот вопрос совсем не важен, а важно вот что: «На вершине огромной скалы у меня закружилась душа. Обычно говорят: закружилась голова. Но у меня закружилась душа».

Душа читателя кружится вместе с душой рассказчика – впечатлительного юного художника по прозвищу Кисточкин, который вместе с братьями и сестрой навещает своих родственников в Греции. Он пере-

живает за судьбу заболевшей бабушки, размышляет о своём папе-ангеле, готовит удивительную похлёбку Урана и совершает настоящее паломничество.

Да-да, вопросы веры, путь человека к вере, через семью ли, через испытания ли, – одна из красных ниточек, проходящих через все тексты автора. Дети, которые ночью идут к Кресту на Холме, чтобы попросить ангела о помощи бабушке; исповедальное письмо, полученное оперуполномоченным Кипарейкиным от преступника, – эти и другие эпизоды заставляют читателя остановиться, походить несколько дней, поварить новые мысли, вспомнить себя маленьким, своих родителей, своих родственников. А иногда в тексте звучат и совсем неразрешимые вопросы, да ещё и из детских уст, и тогда становится страшно от нашего большого, странного мира...

«Почему же, когда такая красота на Земле, случаются страш-

ные беды и горести? Откуда они берутся? Почему? Как вообще что-то плохое могут совершать люди – даже те, которые видели прекрасное? Как это возможно?»

Рассказ «Баба-яга пишет» представляет собой душераздирающую переписку бабушки и внука из семьи, в которой смешаны самые разные культуры. Мама – русская, папа – индус; бабушка живёт в Москве, а внук – в США, в штате Колорадо. Внук пишет на ломаном русском (и смешно, и грустно), а бабушка ему отвечает до самой своей смерти. Горечь разлуки, столкновение менталитетов – не преграда для любви!

Следующий текст снова удивляет читателя. Автор переключает тумблер мультикультурности и рассказывает о глубочайшей связке матери и сына в чисто русском сеттинге. «Во мне матери больше, чем самого себя», – говорит главный герой повести, блаженный художник Елисей, который пишет только

женские образы тётушек, матушек и напоминает о материнском естестве каждой женщины, взглянувшей на его картины...

В глубоких, непростых текстах Ирины Краевой живые добрососедствуют с мёртвыми, а смерть не есть приговор. Автор возносит опыт родительства высоко, намного выше бытового, городского сознания. В этом опыте много служения, молитв, самых разных домов, а главное, много любви – родительской любви и любви к родителям, которая принимает самые разные формы, затухает и разгорается, шепчет и поет, дёргает и душит.

«Мама ангела» не оставит вас равнодушными, главное – не оставит вас прежними. Этот сборник разбудит сердце читателя и заставит сорваться с места и позвонить своим мамам и бабушкам, а лучше приехать, если есть ещё, куда ехать.

Мари Москва

Корневые вопросы

Рассказы Артёма Попова — новое слово в деревенской прозе

Артём Попов.
Есть такая Деревенька...: рассказы.

— М.: Вече, 2025. — 288 с. — (Проза Русского Севера).

Как всё-таки странно, так инстинктивно движется река жизни! Читала книгу рассказов Артёма Попова «Есть такая Деревенька...», и не покидало ощущение, что я знаю её героев, видела эти северные места. И вдруг вспомнила. «Размытый путь и вдоль кривые тополя». Ненастным сентябрьским днём иду по маленькой архангельской деревушке в здешнюю крохотную школу — в первом классе пять мальчиков. Дождь, стынь, резиновые сапоги, пронзительно-золотые берёзы и — тяжесть на сердце. Героиня моего очерка — молодая учительница Мария Алексеевна, выпускница Каргопольского педучилища. Сирота. Летом в страшном пожаре в собственном доме заживо сгорели её мать и младший брат...

Прошло двадцать пять лет. Что изменилось с той поры в северных деревнях? Стало ли больше радостей, меньше трагедий? Сборник рассказов «Есть такая Деревенька...» лишён даже малейшей умозрительности — автор пишет о том, что лично знал, видел, пережил. Потому что местный, из Северодвинска. Народные беды и чаяния никогда не обойдут

стороной честного журналиста. Артём Попов, ещё будучи студентом филфака, сотрудничал с газетой «Северный рабочий». Вот и в рассказе «Когда играет оркестр аистов» героиня, «обычная с виду женщина», заманила молодого корреспондента в дальнюю деревню, соблазнив экзотикой — аистами. Обман вскоре раскрылся — аисты были, а люди — увы!.. «Я задумала памятник поставить участникам войны и тем, кто деревню потом поднимал. Деньги на обелиск можно получить по гранту, а для этого нужна хоть одна маленькая заметка про наше Аистово. Такое вот дурацкое условие этого конкурса. Понимаете? Никто не даст денег на памятник в нежилой деревне. А откуда у меня деньги? Воспитателем в детском саду работаю, за всю жизнь не накоплю».

Рассказ — будто продолжение стихотворения Николая Мельникова «Поставьте памятник деревне...» в новейшее время. Время, когда можно получить грант, создать «информационный повод». А вот пейзажи северных деревень остались прежними — погосты с поваленными крестами, заброшенные дома, разрушенные храмы, заросшие поля. Да, появились смартфоны, соцсети, дачники и... Вот и все достижения так называемой стабильности. Русская деревня, родина большинства нынешних горожан, уходит в небытие. Нет работы, нет перспектив. План развития страны, как отчётливо обозначилось в последние десятилетия, — собрать людей в города, в бездушные железобетонные агломерации. Так, мол, лучше для экономики. Вообще-то слово «экономика» греческого происхождения и переводится как «правила ведения домашнего хозяйства». Но если нет своего дома, нет хозяйства, то по чьим правилам мы тогда живём? На кого, на чьи виллы, дворцы, офшоры работаем? И если у народа нет ни дома, ни хозяйства, то сам-то народ — «бомж»? Так получается?

Книга Артёма Попова ставит перед читателем именно

эти корневые вопросы. Ставит некрикливыми, минималистичными художественными средствами. Автор избегает «кудрявых метафор», забористых сюжетов, «парчового» словаря. Стиль Артёма Попова можно было бы назвать «суровым» по аналогии с направлением в советской реалистической живописи рубежа 1950–1960-х годов, да вот только герои не те! Нет в их жизни «монументальности», «энергии времени грандиозных строек», «трудового подвига», потому что нет рабочих мест, и, как замечает в рассказе «Год таволги» дачница Наталья, «в деревнях с 90-х годов, как не стало совхозов, пили почти все мужики».

Стиль рассказов сдержанный, письмо простое и лаконичное. В книге нет ни малейшего заигрывания с читателем. Нет ни сладких сказок о грядущем «возрождении села», ни натянутых, утешительных финалов, дабы «влиять» в читателя оптимизм. Как, впрочем, нет и другой крайности: упоения стихией распада и нагнетания «чернухи». И эта авторская позиция — ответственность и весомость слова — вызывает уважение. И заставляет вспомнить ныне живущих мастеров слова, их выдающиеся произведения, посвящённые деревне. Александр Щербаков из старинного села Таскино Красноярского края, его повествование «Свет всю ночь». Анатолий Байбородин из села Сосново-Озерское, что в Забайкалье, повесть «Последний сын». Владимир Пронский из рязанского Пронска, роман «Провинция слёз». Николай Ольков из села Бердюжье Тюменской области, повесть «Мать сыра земля». Нина Стручкова из села Погореловка Тамбовской области, лиро-эпическое повествование «Хроники Погореловки». Без этих сочинений духовная история нашей страны неполная.

Книга Артёма Попова «Есть такая Деревенька...» — новое слово в деревенской прозе. Дело не в стилистике и не в тематике рассказов. Книга написана в новейшее время человеком

с равнодушным сердцем. Автор «сгустил» в сорока историях сборника знание материала. И потому удивительно легко читалась эта, в общем-то, нелёгкая книга. «Как тяжело мне пишется! Жизнь потому что тяжёлая у бабушки была, у всего её поколения», — признаётся автор в рассказе «Терпеливица».

Артём Попов не пытается казаться больше или значительнее, чем он есть, никому не подражает, ни с кем не соперничает. Он просто честно делает свою работу. И оживают герои, вдохновлённые воображением автора. Вот бабушка Саня из рассказов «Родные маячки», «Чаю-чаю накачаю...», «Прилетит вдруг волшебник...» Она смогла одна поднять четырёх дочек: «Муж её умер, когда младшая не умела ходить, а старшие учились в школе».

Непосильный груз взвалил на себя бывший районный чиновник Николай Порядин — вернулся в родную деревню Загарье и решил расчистить дедовское поле, заросшее березняком и осинником («Блажной»). Но вышла из этой затеи не пастораль, а трагедия; жизнь прожить — не поле перейти... Так и не решился на перемену судьбы, переезд и близкие отношения с обеспеченной горожанкой молодой тракторист Никита («А может, к чёрту любовь?»). Что ждёт его дома, в родной деревне? Неужели бедный быт затянет в «синеву»? Даже в райцентре Берёзово «приличных мужиков ещё щенками разобрали, одна синева осталась», — рассказывает заезжему чиновнику администратор местной гостиницы словоохотливая Аркашиха («Дуэт на ундервуде»).

Смысловый центр книги — рассказ «Бунт» о восстании жителей Горбатова против устройства свалки в окрестностях их села. «Человеческий мусор» во власти принял решение — возить сюда отходы из Москвы. И всего-то в Горбатове числилось сто человек (а раньше был большой совхоз, тысячи полторы народу!), так что чиновники «с жирны-

ми зарплатами» предполагали «наклонить» население в нужную сторону без проблем. Но не вышло. «Хотите бунт? Получите! Мы живём в России, а это на границе закона и здравого смысла». Показательно, что возглавила протест молодая женщина Алевтина, в прошлом учительница, а после, когда закрыли школу, корреспондент местной «районки». За участие в протесте Алю уволили с работы, жестоко избили охранники-«чоповцы». Спасли горбатовцев от «самого лучшего, самого современного мусоросортировочного комплекса» высшие, «родовые силы», гении места, мистические хранители Филина поля, где предполагалось устроить свалку.

«Есть такая Деревенька...» — книга-протест против убийства деревни, книга-действие, книга-дело. Её автор, Артём Попов, а также литераторы Наталья Мелёхина, Анастасия Астафьева, Максим Васюнов вместе выступили с манифестом «Новая волна деревенской прозы». Суть их обращения, если кратко, — помочь деревне жить! И было бы здорово, если бы в России в каждой области, крае, республике появились — вслед за писателями — журналисты и активисты, кооператоры и общественники, артисты и политики — известные, авторитетные и равнодушные к бедам села люди.

Деревня — корень жизни России. Как знать, может быть, именно «новая волна деревенской прозы» повернёт русло государственной реки и поставит власть лицом к деревне? Сможет спасти народ, спасти Россию?.. А иначе —

*Есть истина опытов древних,
Она неизбежна в повторях:
Народ, не сбережённый деревни,
И сам растворится*

*в просторах.
(Валентин Сорокин)*

Бороться или нет за будущее — каждый решает для себя сам. А вот спастись мы можем только вместе.

Лидия Сычёва

КЛАСС ПРЕМИУМ

Первая из ста семнадцати

В Доме творчества Переделкино объявили итоги премии им. Валентина Катаева за лучший рассказ. В 2025 году эту награду, учреждённую литературным журналом «Юность», вручали в пятый раз. Лауреатом стала Яна Вагнер с произведением «30-70».

В длинный список премии вошло 117 работ. В коротком списке осталось девять претендентов на литературную награду. Среди авторов вышедших в финал произведений кроме Яны Вагнер оказались Надя Алексеева, Сер-

гей Кубрин, Дарья Андреева, Анастасия Астафьева, Вера Богданова, Евгений Кремчуков, Елена Посвятовская, Илья Прозоров. Главный приз премии составил 300 тысяч рублей. В составе Большого жюри премии работали

прозаик, главный редактор журнала «Юность» Сергей Шаргунов, писатели Майя Кучерская и Алёна Каримова, литературный критик Наталья Ломыкина и лауреат премии им. Валентина Катаева прошлого года Анна Маркина. ■

АНОНС

28 декабря в 18.00 в Доме А.Ф. Лосева (Арбат, 33) состоится вечер к 120-летию со дня рождения русского писателя, одного из ключевых представителей ОБЭРИУ Даниила Хармса (1905 – 1942).

В программе — показ фильма «Но не поняли сказанных им слов», посвящённого Д. Хармсу (Центрнаучфильм, 1989 г., архивная копия из собрания Олега Ефимова, исполнителя одной из главных ролей в фильме); премьерная читка фрагментов пьесы-байопика «ХАРМС» драматурга Ольги Займенцевой. Вход свободный.

До 18 января в Библиотеке иностранной литературы проходит выставка «Лучшие новогодние книжки: от Гринча до Деда Мороза».

«В Детском зале собрана большая коллекция книг о Новом годе и Рождестве! Мы приглашаем читателей на книжную выставку, на которой представлены наши любимые произведения на русском и на иностранных языках. Все экземпляры из экспозиции выдаются на дом», — сообщается на сайте библиотеки.

Подробности — на сайте «Иностранки». ■

ПОЭЗИЯ

Горизонт колючим лесом вспорот

Алла Пospelова

Родилась в Свердловске. Поэт, культуролог, бизнес-тренер. Один из основателей российского поэтического товарищества «Сибирский тракт». Главный редактор издательства «СТИХИ». Произведения публиковались в журналах «Урал», «Волга», «Звезда», в «ЛГ» и других изданиях.

Пожалуйста, пусть без меня дорога —
трясутся по ухабам без меня.
Пусть мавики, броня и медицина!
Пожалуйста, пусть вдовий номер
из телефона ненароком сгинут!
Я не могу,
не буду,
не хочу.

Над всеми нами небеса с прорехами...
.....
Что там обычно говорят?
— Поехали.

Из Дагестанской тетради

Какие здесь красивые ребята —
с изломом брови,
строгих глаз суровость
и мягкие улыбки силачей.

Я просто плачу, плачу, плачу,
и нет во мне задора и азарта,
да и патриотизма тоже нет.

Стоят горянки, тонкие, как свечки.
Стоят горянки, прочные, как память.
Я каждую из них взяла б на руки
и укачала,

как они качали
смешливых непослушных сыновей.

Текут мои непрошенные слёзы,
и брызгам ярких радуг преломляют
таблички и портреты на стене.

Какие здесь красивые ребята,
какими они выросли большими.

Но мамы их рожали не героев
и не героев в первый класс вели
за ручку.

Их дети пахли молоком и ветром,
боялись тёмных монстров под кроватью,
коленки расшибали и влюблялись.

Кто разрешил, чтобы они погибли?

Рек горных говорливые потоки,
зной солнца, что течёт
по горным склонам,
горечь ветров, настоянных на травах.
Мужчину закаляют с колыбели
и учат женщин вместо слёз о мёртвых
их имена твердить в своих молитвах,
слагая из песчинок повторений
ступени, что ведут героев в рай.
Какие здесь красивые ребята!

Пасха 22-го года

— Христос воскрес из мертвых,
смертью смерть поправ...
— На каком языке они молятся?
В касках свечи и куличи.
Помолчи!!!
Помолчи!
Помолчи...
Со всей глупостью бабьей не вой.

В этом окопе кот,
в этом прикормлен кит,
в каждом окопе свой
поп кадилом кадит:

— Христос воскрес из мертвых...
— Не воскреснут Пётр и Петро,
не воскреснут Василь и Вася...
Безразлично твоё согласие.
Помолчи!!!

Помолчи!
Помолчи...
Не кори равнодушие небес,
прекрати свой захлёт истерический
про процесс исторический —
не твоих масштабов процесс...

«У холопов чубы трещат»,
тут крутого замеса мальчики —
каждый знает: «ни шагу назад»...

И пасхальная ночь легла
на разорванные тела.

Волонтёрское

— Не «может быть», а «точно»! —
Верь — и всё!
— Во что мне верить,
если мир расколот?

В дырищу смотрит солнца колесо,
и горизонт колючим лесом вспорот.
Я не смотрю — я не хочу смотреть.
Мой мир сужается до комнаты
и брюха
мурчащей кошки.
Клетка или клеть,
но только чтобы ничего
до слуха
не доносилось.
Тихо!
Чик-чирик,
я в домике,
меня не стоит трогать.
Пожалуйста, не надо позывных!

А их бессмертье ждёт

Арсений Ли

Родился в Ленинграде в 1977 году. Поэт, дизайнер, специалист по брендингу, преподаватель. Один из основателей российского поэтического товарищества «Сибирский тракт». Арт-директор издательства СТИХИ. Член Союза писателей России. Почётный член Клуба писателей Кавказа. Член Русского ПЕН-центра, член Союза писателей ДНР. Стихи публиковались в журналах «Арион», «Звезда», «Урал», «Волга», «Литературный Иерусалим», «Плавучий мост», «Нижний Новгород», «Сура», в «ЛГ», неперидических российских и региональных изданиях.

У этого ли скажешь рубежа:
Постой, остановись, мгновенье.

И вот ещё остался полувзмах,
И полувздых, и птичий лёгкий шорох,
И солнце яркое в расплавленных очах,
Пока воспламенялся порох.

Д. Орлову

*Как вам не стыдно о представленных
к «Георгию» вычитывать из столбцов
газет?!*
ВВМ

Беспомощный штатский,
зачем ты тут нужен такой?
Красивы прилёты
и выходы там, за рекой.
Шуршат квадрокрылы,
посланники Бога войны.
Ты слово «Победа»
давно замусолил, увы.

В столицах героев
встречает уютный бедлам.

Порадуйся, воин,
любуйся на дам... но не вам.
А умник московский,
склонясь над вечерним пивком,
посетует: «Что-то
сегодня мы плохо идём»...
Но тут же заметит
красавица, выдохнув дым
и локон поправив:
«Зато *эпохально* сидим».

И пьёт за победу
скучающий русский бомонд...
Давай, собирайся, кому-то же нужно
на фронт.

Махачкалинскому спецназу

На вещмешках бородачи
(герои как один)
лежат и смотрят, как на них
мы, штатские, глядим.

Спецборт подтянут... аппарат
откинется вот-вот,
и с места их сорвёт войны
большой водоворот.

Нас увезёт в земную жизнь
гражданский самолёт —
где будет долгой-долгой смерть...
А их бессмертье ждёт.

Увы, в душе ничто не открывается —
смерть точно есть, и это навсегда.

О чём же, милый друг,
теперь печалиться?
Забудут все, забудут всех, и я
забуду, и тебе забудусь я,
простынет след, уйдёт кумир земной.
Я в языке как в янтаре останусь, и
айда со мной.

Наше Большое Прошлое

Белый-белый свет предвечный,
чёрный-чёрный дым.
Ничего не жалко, страшно
быть не молодым...

Осень века, музы юный
страстный шепоток —
вот тебе рука и сердце,
баррикады, килогерцы,
пламенный цветок...

Тусклый-тусклый, жёлто-серый
предрассветный свет...
Осень жизни, юность века,
перемена мест.

Ничего не осталось от милого Бога,
От любви и радости — ничего.
Я гляжу в лицо моего народа.
Лучшего народа не сыщешь, но
Удивительно, как здесь умеют плакать,
Убивать друг друга умеют как!
За рекой уныло кричит собака,
Будто бы вопрошая: «Как?
Как?!»

Прозрение

Следи, как свет уходит, как
Уходят тени, —
уходят контуры зверей,
людей, растений...

Пусть мир твой ясный, дуралей,
укрылся дымкой.
Давай теперь на суть вещей
гляди с улыбкой.

Свет или тьма — поди пойми, —
моргнёшь длиннее.
Гомер глядел и нам велел,
Ему виднее.

От утреннего холода дрожа,
Разуй своё хромое зрение.

Люблю тебя, метельная страна

Владимир Полушин

Поэт, прозаик и драматург, исследователь родословного древа А.С. Пушкина, жизни и творчества Н.С. Гумилёва, творческого наследия поэтов Серебряного века, истории Тирасполя, биографии и деятельности генерала А.И. Лебедея. Автор многих поэтических сборников и книг в популярной серии «Жизнь замечательных людей».

Храм Рождества Христова

Александр Мурашову

По воле доброго проекта
В противовес потокам зла
В конце безбожного проспекта
Церквушка светлая взошла.

Взошла, как будто к свету вектор
Рукой незримой провела,

Как будто всемогущий Некто
Отдал святые купола.

И церковь солнце принимает,
И солнце вечное играет,
Звонит в её колокола.

В лучах небесного светила
Не место церковь освятила,
А город к Богу подняла.

Мураново

Дом двух поэтов — солнце золотит,
День по аллеям чутко эхо водит,
Всё радуется барственной свободе,
Покой в усадьбе сладостно разлит.

Здесь Тютчева чуть слышно
стих звучит,
И Баратынский с чертежами бродит,
Век Двадцать первый
здесь совсем не в моде,
Век Девятнадцатый давно молчит!

Аукается звонко тишина,
Как будто здесь хозяйка лишь она,
А купол неба — словно купол Бога.

Меж небом и землёй — одна страна,
Где царствует ушедших старина
И в Вечность начинается дорога.

Размышления по дороге в Сергиев Посад

Дочерям Ирине и Ладе

Здесь ели, устремившиеся ввысь,
Раскинули размашисто объятья,

И беды о свободу обожглись,
И силу потеряли все проклятья.

Усыпанная мягким снегом глушь,
Укутанная, словно одеялом,
Стоит под Богом избяная Русь
Концом Вселенной и её началом.

И мне не надо никаких Багам,
Всех островов томительного солнца,
И пусть мороз хватает по утрам
И льдом узоры пишет на оконцах.

Люблю тебя, метельная страна,
Согретая делами наших предков.
И храмов уцелевших старина —
Как вздох свободы
из разбитой клетки.

Пускай растут сугробы до небес,
Мы всё переживём, перезимуем!
Вот проглянул за полустанком лес, —
Вечнозелёный
и зимой ликует.

Вот так и мы в снегах не пропадём,
В дорогах бесконечных пребывая.
И как бы трудно ни было потом,
Мы все живём в стране земного Рая.

Скрип тормозов и ветреный перрон,
Паломники выходят, в прошлом каюсь,
И мы уходим к Богу на поклон,
Из мёртвых духом снова возрождаясь.

Церковь в Лопасне

Владимиру Милькову

В деревне на холме стоит забытая,
Креста лишённая, как головы,
Воспетая, отпетая, забытая
В плену разбушевавшейся травы.

Захваченная нечистью крикливою,
Припоминая колокольный звон,
Глядит в наш век
страдалицей тоскливою
Бельмастыми осколками окон.

Не помнящий, конечно,
и не знающий
Ни ангелов её и ни икон,
Стою пред нею
с сердцем замирающим,
Как будто я переступил закон...

Коровино

Ещё здесь жив
Руси посконной дух,
И вышки здесь свои
Стрельцы забыли.
И тихо-тихо
В памяти старух
Бредут дорогой муромские были.

За полем,
Как и сотни лет назад,
В закатный час
Тоскуют коростели,
И журавли под вечер говорят
Уже о тех,
Чьи души отболели.

А за селом,
Где бор глухой шумит,
Коня стреножил Муромец устало
И на Восток таинственный глядит,
Откуда жизнь
Берёт своё начало.

Поздравляем Владимира Полушина с 75-летием! Крепкого здоровья и новых пронзительных строк!

Квадрат магический решён

Вячеслав Ирин

Поэт, публицист, прозаик, музыкант. Член Союза журналистов России. Родился в 1969 году в городе Чапаевске Куйбышевской области. Окончил Литературный институт имени Горького (поэзия). Печатался в периодике, произведения публиковались в нескольких поэтических сборниках России и Республики Коми: «Белый бор», «Активированный день», «Под полуночным солнцем», «Высокие широты» и других. В журналистике с 1991 года. Служил в газетах «Заполярье», «Воркута: час пик», «Воркута деловая», «Московский комсомолец в Воркуте», «Хит-Инфо», «Воркута Плюс», «Собеседник Армавира», «Импульс». Работал тележурналистом в армавирских отделениях ТНТ и «Рен-ТВ», корреспондентом на воркутинском телевидении и в компании «ТВ-Гало». Живёт в Воркуте.

Под изломом застывших планет
Я живу как бы наоборот.
И, конечно же, вечности нет,
Как и нет Никитских ворот,

И тебя. Это всё ерунда,
Это блажь, это сущность моя.
И твоё прошлогднее «Да»
Возвращаю нетронутым я.

Забирай. Всё ушло из меня
Навсегда. Век оплачен судьбой.
Лишь каких-то два прожитых дня
То ли с вечностью, то ли с тобой

Иногда промелькнут за окном.
Я на миг вострепнусь!.. Пустяки.
Я сегодня уверен в одном:
В прошлом жить мне уже не с руки.

Спи! Тебе так сладко спится
В час предновогодних дней!
Ночь насажена на спицы
Перламутровых огней.

Снов сакральных вереница,
Яви светополоса...
Спи! И пусть тебе приснится
Ветер, рвущий паруса,

Бег морской волны к рассвету,
Радость заполярных зим.
Спи! И добрые приметы
Станут почерком твоим.

Месяц в фазе полнолуния.
Мгла зыбка. Мороз суров.
А к тебе весна-шалунья
Сказкой северных ветров

По снегам и тропам мчится,
Обновляя свет и тень.
И вот-вот уже случится
Наш с тобой желанный день.

Спи! Тебе так сладко спится
Вне печалей и невзгод.
Принесут на крыльях птицы
Новый день и Новый год.

И тогда под небом ранним,
Ожерельем звёзд звеня,
Скажешь ты одним дыханьем;
«Я пришла. Встречай меня!»

В некий миг возвращённых надежд,
Обусловленных зыбкой тревогой,
Будет ночь по-восточному строгой,
Будет день по-осеннему свеж.

От сомнений, что путают след,
До небрежно заученной веры
Я ищу обречённо примеры
Возвращения прожитых лет.

И почти что навечно исчез
Строгий образ единого Бога.
Но во всём отражается строго
Воля настужь раскрытых небес.

Наблюдая за кратной звездой,
Что горит в волосах Андромеды,

Я спешу через Тору и Веды
Разминуться с грядущей бедой.

Квадрат магический решён.
Просчитан путь до новой тени.
Спокоен. Светел. Пью крышон.
Легенды вымерших растений

Полузабыты, но свежи;
Неискушённо их убранство.
И вытесняют этажи
Развоплощённое пространство.

Движенье дней завершено.
И как последний символ веры —
С весны немывтое окно
И мир за ним бездарно серый.

На блеклом отрезке пространства
У наспех сколоченной двери
Играю в своё постоянство,
В само постоянство не веря.

Добавив печаль вековую
К несмелым наброскам уюта,
В уставшие губы целую
Неверную женщину чью-то.

И в густо раскрашенной ночи,
Напившись вина пробужденья,
Она непременно захочет
Увидеть моё отраженье.

И я — отразившись, — в смятенье
От мысли, что стал независим,
Вернусь к бесконечному чтенью
Твоих ненаписанных писем.

ДАТА

Рыцарь поэзии

Михаил Фильштейн в отличной форме

Ему без пяти лет век. Его великолепные тексты охватили собой без преувеличения целую эпоху. Поражаешься и радуешься, что он в отменной поэтической форме, ликуешь, что его пощадил классический удел русских поэтов – безвременный уход, но при этом и есть чувство горечи: жалко, что такой крупный поэт был несколько в тени. Однако хвалу пропеть не поздно никогда.

Настоящий сборник представляет собой избранное. И поэтому легко увидеть разные этапы творчества Фильштейна, проследить линию его поэтических раздумий. Его поэтическая генеалогия, несомненно, от Тютчева. Он силен в философских обобщениях, когда слово говорит само за себя и ему не требуется никакой дополнительной эмоциональной подпитки. Отсюда можно назвать первое стихотворение сборника программным. В нём есть строки, которые следует запомнить:

*Всё просто в мире: вход и выход.
Всё просто в жизни: вдох и выдох.
Но горяча в ряду основ
Страда исповедальных слов.*

Здесь содержится квинтэссенция его творчества.

Да, Фильштейн не назовёшь забытым, выходили книги, но, видимо, суть его натуры настолько не приемлет выпячивания себя (что свойственно многим и неплохим поэтам, а плохим уж почти всегда), что он шёл своим путём спокойно, с достоинством и свою партию выиграл. Его строки, говорю это без всякой доли преувеличения, для сокровенной кладовой отечественной поэзии.

Он безупречен технически, подчёркнуто чётко с рифмами и ритмом, и это не сковывает, а даёт высочайшую степень свободы.

*Тишина в закатной дымке.
Мамин голос в тишине.
Залетевший шмель на крынке.
Полотенце на стене.*

*За окном немые тени.
Белый месяц. Чёрный лес.
Над деревьями виденье –
то ли ангел, то ли бес.*

Здесь мы видим пример того, как с помощью именительных конструкций можно создать удивительное ощущение движения. Бальмонт бы позавидовал. Фильштейну не нужно никаких особых экспансивных приёмов, он знает возможность русского языка и пользуется ими сполна. Его лексикон широк, но он не употребляет слишком вычурные и пре-

тенциозные слова. Он облагораживает простые слова, придаёт им исключительную возвышенность.

Все ощущения жизни Фильштейн передаёт с невероятной тонкостью и мастерством.

*Я повешу на месяц рубашку сушить –
До чего же намокла в дороге.
Суждено мне под вечными звёздами жить.
Пусть поможет он – юный, двурогий.*

Здесь из бытовой ситуации вырастает плотная метафорическая картина. Из обычной промокшей рубашки мы можем через гиперболу «на месяц» ощутить всю тяжесть дороги, которая, возможно, и не дорога вовсе, а жизненный путь. А жизнь под вечными звёздами – это уже жизнь души. Мгновенный переход от предметности «рубашка» к надмирности предельно расширяет объём текста, даёт читателю дышать полной грудью.

Тема пути важна для автора. Он часто воспринимает его не как стремление к какой-то цели, а как нечто постоянное, необходимое для личности.

*И вновь ступаю по земле,
По звёздным колким росам.
Стучит, стучит в белёсой мгле
Мой почерневший посох.*

И всегда этот путь отмечен сказочными оттенками, такими образами, как посох, звёзды, белёсая мгла. Всё это говорит о стремлении поэта к надмирному от земного. И всё остальное – лишь часть этого пути.

Неслучайно библейские мотивы то и дело мелькают в стихотворениях Фильштейна. А есть и целый цикл. Тема эта требует предельного сосредоточения, деликатности. Всё это автор этой книги нам демонстрирует.

*И быть моей голове на блюде.
Немеют слова – ни мольбы, ни укора.
И тускло мерцает меч обоюдный.
И бредят столетия жатвою скорой.*

Интересно наблюдать, как ритм становится более нервным, как будто кто-то твердит эти строки про себя, предельно эмоционально, как заклинания.

Фильштейн творчески перерабатывает традиции русской лирики XIX века, снимая с них излишнюю для современности романсовость. Тексты его, предельно аскетичные внешне, направлены вглубь, располагают к раздумью, к переосмыслению себя, к переходу к гармонии с окружающим миром, к ощущению справедливости Божьего замысла, к пониманию своего места в мире.

*Проливными дождями заслоня страданья и боли,
Глохнет в чертополохе вконец одичавшее поле.
На поникшей траве вороньё – оголтелая стая,
Старый ворон скорбит, вековечную книгу листая.*

Особого внимания заслуживают переводы, завершающие это замечательную книгу. Фильштейн верен русской переводческой традиции: не только точность перевода важна, но и адаптация под русское поэтическое восприятие. Румынская поэзия не так хорошо известна нашим читателям. Думаю, некоторые имена и стихотворения для многих станут открытием.

Михаил Фильштейн – настоящий рыцарь нашей поэзии, благородный и умный. Эта замечательная книга, которая совершенно случайно названа «Странник», тому доказательство.

Максим Замшев

Поздравляем Михаила Яковлевича Фильштейна с 95-летием! Крепкого здоровья и новых проникновенных строк!

**Михаил Фильштейн.
Странник. Избранное.**

– М.: У Никитских ворот, 2025. – 272 с. – (101 поэт XXI века).

БИБЛИОСФЕРА

Ледяное зеркало

Главный дар «Седны» — не готовые ответы, а вопросы

**Татьяна Джаханви.
Седна.**

– СПб.:
Издательство
«Четыре», 2025. –
248 с.

Татьяна Джаханви в «Седне» совершает чудо алхимии: претворяет личный опыт арктической экспедиции в универсальную историю исцеления и обретения силы. Это не просто дорожные заметки, а глубокое погружение в собственную душу,

где бескрайние снега Шпицбергена становятся самым честным психоаналитиком. Героиня бежит на Север не за экзотикой, а от фантомных болей ожога и душевной пустоты – и Арктика встречает её не утешением, а безжалостной правдой. Замёрзшие пальцы ног в первые дни, страх управления снегоходом, падения и столкновения с собственными манипуляциями в отношениях с попутчиком Алексеем – всё это этапы суровой инициации. Книга убеждает: настоящее исцеление рождается не в бегстве от боли, а в её проживании лицом к лицу с вечным льдом, который учит не «находить», а заново собирать себя из осколков, как мозаику, под полярным рассветом.

Магия книги – в её невероятной осязаемости. Автор заставляет чувствовать Арктику кожей: онемение ног в тяжёлых ботинках, жар рукояти снегохода, ледяной ветер, режущий щёки, гипнотическая «песнь льда» – эти описания рожают мурашки. Скандинавские мифы – не декорация, а живая кровь повествования. История Брюнхильды, рассказанная гидом Ярославой у огня во время бурана, или отсылки к Эдде придают личному пути героини эпический размах и глубину. Откровенность автора граничит с исповедью: анализ бегства в поисках «идеального мужчины», признание в собственных «играх» («я видала его манипуляции, потому что сама так играла») беспощадны и освобождают. Это не самокопание, а хирургическая точность вскрытия защитных механизмов души.

Особую силу книге придаёт изображение хрупкости человеческих связей на краю земли. Безмолвное общение при помощи взглядов на снегоходе, обиды, взаимная поддержка между участниками группы – особенно напряжённое танго с Алексеем – создают микрокосм отношений под прессом холода и усталости. Сцена, где героиня осознаёт его как своё «зеркало» во время курения посреди снежной пустыни, – шедевр психологической наблюдательности. «Седна» срывает глянец с «приключенческого» жанра: управление снегоходом – это адский труд, хаски на ферме – не милые «собачки», а сильные существа с охотничьим инстинктом (чего только стоит описание погони вожака Оливера за оленем!), а красота Арктики неотделима от её убийственной суровости.

Главный дар «Седны» – не готовые ответы, а вопросы, вбитые в сознание, как клинья в лёд: «К какой боли ты готов ради предназначения?», «Сможешь ли принять, что ни один человек не заполнит внутреннюю пустоту?», «Что значит слышать сердце, а не эго?» Книга – тот самый «рунический став»¹, упомянутый в аннотации: она работает лишь при полной открытости читателя. «Седна» – больше чем роман. Это опыт ледяной купели для души, гимн Арктике, которая не покоряет, а перерождает, оставляя в памяти неизгладимый след – подобно следам снегохода на бескрайнем снежном полотне.

Денис Ковалёв

¹ Рунический став – это комбинация древних символов (рун), объединённых в единую систему для решения конкретной задачи.

«Без страха и сомненья...»

Исполняется 200 лет со дня рождения Алексея Плещеева

В истории нашей литературы есть одно любопытное явление – назовём его: «автор одного стихотворения». «Одно стихотворение» – это, разумеется, условная номинация. В каких-то случаях мы можем вспомнить два-три поэтических опыта попавшего в эту номинацию писателя, а в каких-то – лишь одну-две строчки. В любом случае возникает парадоксальное несоответствие «тяжести» оставшегося в литературе имени и «отсутствия» актуального наследия, которое вроде бы должно сопровождать это имя. Таков Алексей Плещеев.

С детских лет мы помним плещеевское: «Травка зеленеет, / Солнышко блестит...» и «Осень наступила, / Высохли цветы...» Плещеев много и удачно писал для детей, но самое памятное его стихотворение все-таки «взрослое»: «Вперёд! Без страха и сомненья / На подвиг доблестный, друзья! / Зарю святого искупленья / Уж в небесах завидел я!..» В нём восемь строф, однако в безусловной народной памяти сохранились лишь первые две строчки. Когда-то это стихотворение называли «русской Марсельезой». Несколько поколений молодых людей с этими словами выступали на неравный бой с... вот тут и призадуматься: а с чем, собственно? Наверное, с косностью, реакцией, произволом, несвободей и пр., и пр. С вечной неправильностью русской жизни. Тут всё очень пафосно, «громко» и туманно: «глагол истины», «жрецы лжи», «любви ученье», «безумные палачи», «кровавая борьба», «путеводная звезда»... Но ведь звучит! И сейчас звучит. Читая, как бы приосаниваешься, взор светлеет, вера в хорошее крепнет.

Один существенный момент. Плещеев сочинил это стихотворение на заре своей литературной деятельности, в 1846 году, двадцатилетним юношей. «Декабристы разбудили Герцена», – когда-то написал В. Ленин. Но не только Герцена они разбудили, а целое поколение русских романтиков – и Плещеева в том числе. Его они разбудили почти буквально – поэт родился в 1825 году, за три недели до декабристского восстания.

1840-е, до катастрофы 1849 года, – это время его вступления в литературу, самый счастливый, наверное, период его судьбы. Плещеев принадлежал к знаменитому дворянскому роду, к его костромской ветви, но собственное его семейство было бедным, он рано потерял отца, их жизнь с матерью определяла почти нужда. Никакого систематического образования Плещеев не получил, обе «образовательные» попытки – Петербургская школа гвардейских подпрапорщиков, куда матушка определила сына на казённый кошт, и Петербургский университет – оказались по разным причинам провальными. Нет худа без добра – знакомство с ректором университета П. Плетнёвым имело одно счастливое следствие: в 1844 году состоялся поэтический дебют восемнадцатилетнего Плещеева в «Современнике», который Плетнёв редактировал после гибели Пушкина. За всем этим стояло нечто важное – с юных лет Плещеев захотел стать профессиональным литератором, жить исключительно литературным трудом. То есть совпасть с собственной судьбой.

Николай Ярошенко. Портрет А.Н. Плещеева, 1888 г.
Из собрания Харьковского художественного музея

Не забудем, что в русской поэзии 1840-е годы ознаменовались некоторым «промежутком» – после ухода из жизни Пушкина и Лермонтова отечественная поэзия как бы остановилась. Огарёв считался равновеликим Пушкину и Лермонтову, Тютчева почти не знали, Фет и вовсе был неизвестен, Некрасов тоже, всходила лишь поэтическая звезда Тургенева, ставшего в будущем знаменитым романистом. В этой «пустоте» ломкий голос Плещеева услышали, а его мечтательный романтизм и «освободительный» пафос оказались созвучны тайным упованиям тогдашних образованных молодых людей, что и определило «маленькую» славу юного поэта, тогда же, впрочем, написавшего и несколько талантливых прозаических вещей в стилистике так называемой натуральной школы.

Жил он в это время бурной жизнью, нашедши себе единомышленников в семействе Майковых, в «коммуне» братьев Бекетовых (один из которых станет дедом А. Блока), в собраниях у М. Петрашевского. Вёл дружбу со многими: с братьями Майковыми, с их домашним учителем И. Гончаровым, с Д. Григоровичем, с А. Григорьевым, с Ф. Достоевским... Достоевский посвятил ему свои «Белые ночи» (посвящение было снято при переиздании в 1865 году) и тем самым прозрачно намекнул, кто был прототипом петербургского Мечтателя. Именно Плещеев, будучи в Москве и раздобыв там знаменитое письмо Белинского к Гоголю, переслал его Достоевскому, а тот уж зачитал это письмо у Петрашевского.

Всё кончилось весной 1849 года «делом» петрашевцев. В инсценировке казни на Семёновском плацу Плещееву уготовили одну из главных ролей – он был во второй тройке, рядом с Достоевским и поэтом Сергеем Дуровым.

Далее последовала восьмилетняя обморочная пауза – лишённый дворянства поэт служил солдатом в Уральске, Оренбурге, Ак-Мечети. Во взятии последней показал себя храбрецом, в числе первых ворвавшись в крепость через пролом в стене. В 1856 году он

”
Именно Плещеев,
будучи в Москве
и раздобыв там
знаменитое письмо
Белинского к Гоголю,
переслал его
Достоевскому...”
“

наконец получил офицерский чин, ему вернули дворянство и разрешили жить в Москве. С тех пор Плещеев до самой смерти был «знаменитым поэтом», своеобразной «иконой», не без ореола мученика, что, правда, достатка ему не добавило. Ютился с семьёй по крохотным квартиркам, то и дело закладывая вещи, чтобы свести концы с концами. И оставаясь «неблагонадёжным», под надзором полиции. В 1863 году его привлекали к дознанию по «делу Чернышевского», сфабриковав «бунташное» письмо к нему последнего. К счастью, Плещееву удалось оправдаться. Когда в 1872 году Некрасов позвал поэта в Петербург, в «Отечественные записки», тому стоило немалых сил избавиться наконец-то от надзора.

Что же до поэзии Плещеева, то она, оставаясь в традиционных формальных рамках, несколько погрузнела, наполнившись сетованиями на крушение юношеских идеалов, в ней теперь слышалась «грустная жалоба побеждённого бойца» (по определению Н. Добролюбова): «Природа-мать! К тебе иду / С своей глубокою тоскою; / К тебе усталой головою / На лоно с плачем припаду...» Или: «О, больно, больно мне... Скорбит душа моя, / Казнит меня палач неумолимый – совесть. / И в книге прошлого с стыдом читаю я / Погибшей без следа, бесплодной жизни повесть...» Но и призывы к служению обществу сохранились, правда, звучали они тише, прикровеннее, не без эзопова языка

и прозрачных опасных аллегорий: «О, не забудь, что ты должник / Того, кто сир, и наг, и беден, / Кто под ярмом нужды поник, / Чей скорбный лик так худ и бледен...» А ведь были не только оригинальная поэзия, но и проза, переводы, пьесы, книга о Диккенсе. Плещеев вообще символ бескорыстного литературного «труженичества».

Таков он и на сохранившихся портретах: серьёзен, неулыбчив и вместе с тем уютен, светел какой-то внутренней добротой. Таким его воспринимали современники, таким изображали мемуаристы. Устойчивые эпитеты: «тёплый», «искренний», «мягкий», «детский», «милый», «печальный». В молодёжных аудиториях поэта встречали неизменными овациями, первым делом требуя прочитать его юношеское «Вперёд!» В частной жизни он оставался настоящим русским писателем: любителем неспешных прогулок и многочасовых застольных разговоров. Литератором по преимуществу и по призванию. Двенадцать лет, до самого закрытия в 1884 году, он отдал журналу «Отечественные записки». Позже редактировал «Северный вестник», когда тот ещё не стал прибежищем молодых русских модернистов, а был направляем «народником» Н. Михайловским.

Плещеев много возился с молодыми: буквально за руку втащил в литературу «простолыдина» Ивана Сурикова («Степь да степь кругом...»), «Что стоишь, качаясь, тонкая рябина...»), неустанно помогал С. Надсону, считая его голос самым важным в тогдашней поэзии, влюблённо печатал Чехова. Именно в «Северном вестнике» была опубликована чеховская «Степь» – первый опыт писателя в большой форме. Чехов, предлагая повесть, боялся провала – Плещеев же всячески ободрял его, не забывая рекламировать «Степь» на всех петербургских углах. «Мой милый поэт», – обращался Чехов к Плещееву в письмах. Опекал он и будущих модернистов: Мережковского, Гиппиус. «Ты лучший друг для нас, для русской молодёжи, / Для тех, кого ты звал «Вперёд, вперёд!»...» – такими словами откликнулся Мережковский на смерть поэта в 1893 году.

Плещеев иногда устало вздыхал в кругу собеседников: «Хоть перед смертью уехать бы за границу, увидеть солнце и море, подышать вольным воздухом...» Судьба блеснула «улыбкою прощальной» на «закат» поэта. В 1890 году он получил после смерти дальнего родственника огромное наследство и с тех пор жил по преимуществу в Европе. Но и там, наслаждаясь «ликующей природой» где-нибудь в Ницце, он оставался собой. «В плеске волн и в шуме листьев, / В песне ветра в час ночной / Слышу плач я о невзгоде / Стороны моей родной!..» – писал Плещеев в одном из последних своих стихотворений. Умер он в 1893 году в Париже.

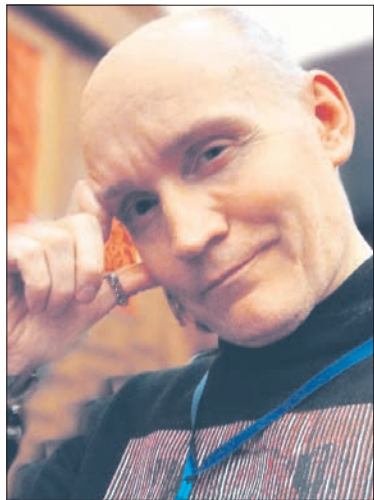
Интересно: литературная история Плещеева обрела кольцевую композицию – уходил он из жизни, как и начинал, в поэтическом «промежутке». Тогдашняя русская поэзия замерла в ожидании новых бунтарей, которые вскоре не замедлили появиться. И которые (Мережковский, Бальмонт, Блок) неизменно поминали своего предшественника добрым словом.

Александр Панфилов,
кандидат филологических наук

ПРОЗА

Чёрный мокрый нос на Луне

Рассказ

Александр Чашин

Родился в Магадане в 1976 г. Кандидат юридических наук, почётный адвокат Магаданской области, президент Адвокатской палаты Магаданской области. Прозаик, драматург, поэт. Член Союза писателей России. По произведениям А.Н. Чашина в Магаданском областном музыкальном и драматическом театре поставлены два спектакля: «Днепр течёт в Россию» (2023 г.) и «Чай с бергамотом» (2024 г.). Публикуется в журнале «Русское эхо», альманахе «На Севере Дальнем», в газете «Заря Севера». В 2023 г. провёл авторские творческие вечера в Генеральном консульстве РФ на о. Пхукет (Таиланд) и в Посольстве РФ в Республике Куба (Гавана).

Если сильно скосить глаза, то становится видна двоящаяся, расплывающаяся, но всё же доволь-

но отчётливая неопределённо сероватого оттенка дорожка, покрытая коротким жёстким ворсом. Фокусируя взгляд то ближе, то дальше, можно бродить по этой дорожке, касаясь её только зрением. Дойдя до конца, всегда натыкаешься на гладкий кожаный выступ, влажный и способный пошевеливаться вслед за разнообразными запахами, улавливаемыми им. Чёрное и влажное — это нос. Если не смотреть обоими глазами прямо на него, то видно всё остальное: будка, трава, миска, забор, небо, на небе ещё что-то есть, но на него смотреть больно, потом текут слёзы. Оно, которое на небе, тёплое, ему приятно подставлять бока и спину. На что бы ни смотрел, а чёрный кожаный мокрый нос всегда в своём обычном размытом состоянии маячит внизу посередине и всё нюхает, нюхает...

Его обладатель ночами, если не спалось, развлекался тем, что направлял свой чёрный мокрый нос на Луну. Было забавно, когда влажная блямба ложилась прямо в середину жёлтого круга, светящегося высоко в темноте. Он улыбался и пританцовывал около своей будки. И ему совсем никогда не хотелось ни выть, ни скулить.

Когда-то очень давно, так давно, будто бы это было в его прошлой, а не в этой собачьей жизни, он встретил её, девочку в синей джинсовой курточке с рыжей причёской.

Она потрепала его по холке и назвала Тотошкой. Ему очень нравилось, когда она, придя домой, называла его этим именем. Это счастливое время длилось долго. Так долго, что он совсем забыл, что раньше у него не было этого имени. Он радовался ей, вилял хвостом, дурачась бегал вокруг, прижимался к тёплой руке, пока она смотрела телевизор. И он смотрел вместе с ней. Иногда ему надо было пойти поохотиться в лесу, но она всегда ждала его и, встречая, трепала по холке. И каждый раз говорила, что вернулся её Тотошка.

Она тоже уходила, иногда надолго. Без неё было грустно, но ни выть, ни скулить по-прежнему не хотелось, потому что он ждал и всегда знал, что она вернётся к нему. Он надеялся и долгими одинокими ночами смотрел, как чёрный мокрый нос забавно ложится в центр жёлтого лунного круга. Однажды нос перестал быть мокрым. Нос высох, а его обладатель не мог ни встать, ни смотреть. Он только лежал и спал, трясясь в непрекращающемся ознобе. Но она его спасла, нос снова стал мокрым и по ночам продолжал упираться прямо в Луну.

Тотошка думал, что так будет всегда. Всегда будет он, всегда будет она, которая треплет его по холке и зовёт по имени. Даже не так. Он вообще об этом не думал. Он просто наслаждался, потому что это было его собачье счастье. Он никогда не пред-

ставлял, что оно может взять и закончиться. А оно взяло и закончилось.

Началось с того, что она перестала называть его Тотошкой. Конечно, он и сам был виноват: рыкнув, оскалил на неё зубы. Это было наказание. Он всё ждал, когда это наказание закончится, а оно не заканчивалось и не заканчивалось. И не закончилось. Много месяцев и даже лет он всё ласкался к ней, всё ждал, когда от неё прозвучит его имя. Он видел, что она понимает его просьбу, но в ответ её лицо каждый раз каменело и она говорила только: «Ты сам виноват». Так он и продолжал жить, виновато надеясь на то, что прежнее вернётся. Но прежнее не вернулось, вместо него пришло новое. И это новое ему не понравилось.

Однажды она ушла далеко-далеко. А он пошёл за ней. Идти пришлось долго-долго. Он очень ждал встречи, ждал, что, пусть, даже не назвав его по имени, рыжеволосая девочка потреплет его по холке, даст улечься в ногах и включит вечерний телевизор. Но она только покормила его, вымыла лапы в тёплой воде, а потом отодвинула, сказав, что этим летом жарко и без его блохастой шкуры. И он ждал, лёжа поодаль. Потом он пошёл обратно, в их дом и стал ждать её там. И хотя у него не было рук, он подготовил их общий дом к её приходу. Вынес в пасти всякий хлам, вылизал

языком оконные стёкла, мордой смахнул пыль со стола. Для подобранного дворового пса он был довольно смыслённым. Вернувшись, она молчала день и второй. А к исходу второго дня надела на него поводок и повела гулять. Там, посреди вечерней прогулки, когда он начал думать, что снова всё будет как прежде, она сказала, что хочет отдохнуть от виляний его хвоста.

Он посмотрел на неё своими карими верными собачьими глазами, вылез из ошейника и побрёл жить в какую-то затхлую конуру. Он понял, что больше никто и никогда не назовёт его Тотошкой. Она не назовёт, потому что больше не любит его. Никто другой не назовёт, потому что никто ведь и не знает, какое у него имя. А сам он не сможет сказать. Псы не могут назвать своего имени. Так уж у них повелось, у псов.

Сейчас ему хочется выть и скулить. Так хочется, будто стало необходимо наверстать все те годы, в которые он не скулил и не выл. И теперь каждый день он скулит в своей одинокой конуре, а каждую ночь он тоскливо воет, уткнув свой мокрый чёрный нос прямо в Луну. Луна тоже знает, что он зовётся Тотошкой. Но Луна не назовёт его этим именем. Она будет холодно смотреть вниз, на воющего беспородного пса и внимательно слушать его душераздирающий вой. Так уж у неё повелось, у Луны. ■

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

Ледокол Симонов

Открылась выставка «...И я вернусь», посвящённая писателю

Она подготовлена Государственным музеем истории российской литературы имени В.И. Даля к 110-летию со дня рождения Константина Симонова и располагается в Музейном центре «Зубовский, 15».

В экспозиции впервые в таком объёме представлены рукописи, документы, печатные издания и произведения изобразительного искусства, переданные музею самим Симоновым и его близкими.

Лариса Алексеева, куратор выставки и руководитель отдела «Музей истории литературы XX века», отметила: «Видно, как у Симонова сочетались дисциплина и творческая составляющая. Это заметно по его архиву и по рабочей столу. Нам важно показать, как письма, рукописи и экспозиционные объекты складывались в его представление о памяти и долге».

Выставка строится хронологически — от детства и юности к послевоенной общественно-литературной деятельности. Первый блок демонстрирует рязанский и московский периоды жизни Симонова. Здесь располагаются

школьные тетради, ранние автографы и фотографические свидетельства. Раздел, посвящённый военным годам, включает фронтовые очерки и стихи, дневниковые записи, использованные впоследствии в книге «Разные дни войны», а также материалы о корреспондентской работе на Халхин-Голе и на фронтах Великой Отечественной войны.

В центре блока воссоздан мемориальный кабинет Симонова. Стол по авторскому эскизу, лампа и детали интерьера находятся в зоне, где можно увидеть рабочую среду писателя. Рядом с кабинетом экспонируются папки и корешки архивных томов. По словам Ларисы Алексеевой, архив прозаика насчитывал 56 томов.

Второй зал раскрывает деятельность Симонова в культурной жизни послевоенных десятилетий. Здесь отражена его работа в центральных литературных изданиях, в том числе на руководящих должностях в «Литературной газете» и журнале «Новый мир». Отдельные витрины посвящены проектам Центрального дома литераторов и поддержке Театра на Таганке.

В экспозиции показаны документы и фотографии, связанные с реконструкцией выставки «20 лет работы Маяковского» 1973 года. По словам куратора, Симонов «вёл борьбу за сохранение и возвращение подлинного образа великого поэта». Витрины содержат письма, отзывы и афиши, показывающие этапы формирования и дальнейшей судьбы выставочного проекта.

Отдельный раздел отведён инициативам по сбору воспоминаний фронтовиков. Здесь размещены записи, подготовленные для фильма «Шёл солдат...» и телесериала «Солдатские мемуары». Тут же расположены коробки с воспоминаниями — в архив их было передано несколько сотен.

Представлены документы о зарубежных поездках Симонова, переписка с иностранными авторами и личные вещи, среди которых два галстука и трубка. Также присутствуют свидетельства о подготовке переводных изданий Хемингуэя и других зарубежных писателей.

В заключительной части экспозиции — строки стихотворения «Капитану В.В. Михайличенко». Как пояснила

Полковник Константин Симонов

Лариса Алексеева, фрагмент позволяет посетителям получить представление об огромном жизненном опыте писателя. «У него было чувство долга, чувство ответственности, желание быть на своём месте. Поэтому ледокол из этого стихотворения — это и есть Симонов», — отметила куратор.

Экспозиция открыта для посещения до 26 апреля 2026 года. Информация о расписании экскурсий и билетах — на официальном сайте музея.

Никита Давыдов

30 СТАНЦИОННЫЙ СМОТРИТЕЛЬ

ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРЕМЕНИ

Самая северная

110 лет назад началось строительство Мурманской железной дороги

Идея проложить магистраль, которая бы надёжно связала с Центральной Россией побережье Баренцева моря, возникла задолго до основания города Мурманска. Инициатором её стал в середине XIX века известный антрополог и этнограф, всеми уважаемый член Русского географического общества Иван Семёнович Поляков. Он писал: «...Олонецкая губерния по самому своему физико-географическому характеру давала своим обитателям мало возможностей самостоятельно и быстро развиваться; то, что при более густом населении служило бы источником богатства, составляет теперь препятствие для развития; обширные расстояния, обилие вод и болот, густые леса, холмы и горы, скрывающие в себе известные минеральные богатства, всё это теперь больше разъединяет людей и изолирует их, отстраняя возможность лёгких сообщений между ними».

Железная дорога около молодого города, 1920 год.
Фото из собрания Мурманского областного краеведческого музея

После этого проекты строительства северных трасс до Баренцева моря начали появляться один за другим. В 1894 году правительственная комиссия даже сочла, что такая транспортная артерия стратегически важна для хозяйственного и военного развития страны. Вот только крупных портов в том краю тогда ещё не было. Поэтому после обсуждения саму идею такой магистрали признали нецелесообразной и преждевременной.

Первая мировая война стала серьёзным, даже роковым испытанием для российской экономики. Индустрия со скрипом выдерживала беспрецедентные испытания, в том числе и потому, что в первые месяцы противостояния немцам удалось оккупировать промышленно развитые районы

Российской империи — прежде всего Польшу с её развитой сетью железных дорог и множеством военных предприятий. Они стали работать на противника. Потребовались новые маршруты, желательные связанные с британскими союзниками по Антанте. Так и началось развитие мурманского побережья. Там возводились порты, к которым требовалось тянуть стальные трассы.

На исходе первого полугодия войны Совет министров основательно рассматривал представление об ассигновании 20,6 млн руб. на проведение работ по строительству участка железнодорожной линии Петрозаводск — Сорокская бухта. Нетрудно было предположить, что в процессе строительства сумма возрастёт. Но это не могло поколебать реше-

мость правительства строить столь необходимую для государства трассу. Тем более что дорогу изначально (как уже было сказано выше) планировалось вести до мурманского побережья Баренцева моря.

Изыскания удалось произвести оперативно, в ускоренном режиме, как и подобает в годы больших испытаний. Инженеры, правда, сетовали: если бы нас не торопили, скольких ошибок удалось бы избежать... Но в военных обстоятельствах срок решения производственной задачи был не менее важен, чем качество.

Начальником работ назначили видного инженера путей сообщения Владимира Васильевича Горячковского — человека знающего и энергичного. Никогда прежде в России стальные магистрали не строились так быстро, несмотря на непростые климатические условия: от полярной ночи до промёрзшей почвы и болот на десятки вёрст вокруг. Остро не хватало рабочих рук. Привлекали не только жителей Финляндии и Туркестана, но и китайцев, канадцев и даже англичан. Трудились на строительстве магистрали и военнопленные, в основном подданные Австро-Венгрии. Самое удивительное, что, несмотря на непривычные для многих работников холода, да ещё и в условиях прифронтовой неразберихи, когда начались перебои с продовольствием и не хватало надёжных войск, на строительных объектах Мурманской дороги практически не случалось крупных эксцессов, жертв и разрушений.

В конце 1917 года, когда было принято критиковать все про-

ФАКТ

Среди тех, кто трудился на Мурманской дороге, — сын крестьянина из Томской губернии Николай Фомич Пуховский. На трассе он работал землекопом, строил пути, ветки и восстанавливал их после разрушений. В 1920 году связал свою жизнь с армией. В годы Великой Отечественной полковник Пуховский командовал стрелковой дивизией, через Зееловские высоты прорвался к Берлину.

екты царского времени, публицисты вспоминали о строительстве магистрали с едкостью: «Везде разбрелись Мурманские агенты-апостолы, проникают во все забытые уголки и доводят до сведения их обитателей о великих замыслах людей мира сего о том, что там, где-то далеко-далеко от России, за Архангельским городом, за Белым морем, на каком-то Мурманском берегу, Царь-батюшка железную дорогу построить затеял. Построить и по ней пушки из Англии возить, чтобы было чем врагов наших ерманцев угощать».

1044 километра возвели по-военному споро — всего за 20 месяцев. 15 ноября 1916 года дорогу сдали во временную эксплуатацию. Не всё, конечно, удалось довести до образцового порядка. Острословы отмечали: «Как лето сменяется осенью, осень — зимой, точно так же у нас на Мурмане постройка сменялась достройкой, достройка — эксплуатацией». И всё-таки по новой трассе пошли поезда с важнейшими грузами. Хотя датский писа-

тель, нобелевский лауреат Мартин Андерсен-Нексё, путешествовавший по самой северной железной дороге в 1923 году, писал потом о многочисленных человеческих скелетах, которые он видел в болотистом краю, возле трассы. Вряд ли они ему привиделись. Впрочем, конечно, у гнева, как и у страха, глаза велики...

Кстати, Мурманская железная дорога на целый год старше самого Мурманска. Дощатый вокзал с печным отоплением возвели в будущем северном городе в том же 1916-м. Старожилы впоследствии долго вспоминали то старенькое деревянное здание — столько всего с ним было связано! Увы, осенью 1922-го оно сгорело — как раз печки и неаккуратное обращение с ними и стали тому причиной. Новый вокзал (тоже деревянный) построили спешно, за три месяца. Его фасад украшало изображение серпа и молота, а прибытие поезда превращалось в настоящее событие — ведь составы приходили сюда в то время только два раза в неделю. Фундаментальный же парадный корпус железнодорожного вокзала в Мурманске открыли только в 1954-м.

Около 10 лет назад, в год 100-летия начала сквозного железнодорожного движения Петрозаводск — Мурманск, возле вокзала установили мемориальный грузовой паровоз Л. Он красуется на постаменте, напоминая об истории магистрали, которая помогла стране выстоять в военных испытаниях. Роль этой дороги была во многом уникальной. Дважды — во время Гражданской и Великой Отечественной — её пути становились линией фронта. Гитлеровцы подвергали эту трассу беспощадным бомбардировкам, ведь она, как и в Первую мировую, связывала нашу армию с союзниками. В сентябре 1941-го врагу даже удалось перерезать магистраль на участках Свирь — Петрозаводск — Медвежья Гора — Масельская, и в связи с этим потребовалось экстренно достраивать замороженную в то время ветку Сорокская — Обозерская протяжённостью 357 км (она являлась одним из самых коротких выходов из Мурманска и Кольского полуострова в районы Центра России, Урала, Сибири и Поволжья). После этого по дороге пошло снабжение по ленд-лизу военной техникой и продовольствием. Самая северная трасса самой морозной страны выстояла, снова исправно служила фронту и тылу. В 1959 году она стала Мурманским отделением Октябрьской железной дороги.

Арсений Замостьянов,
заместитель
главного редактора
журнала «Историк»

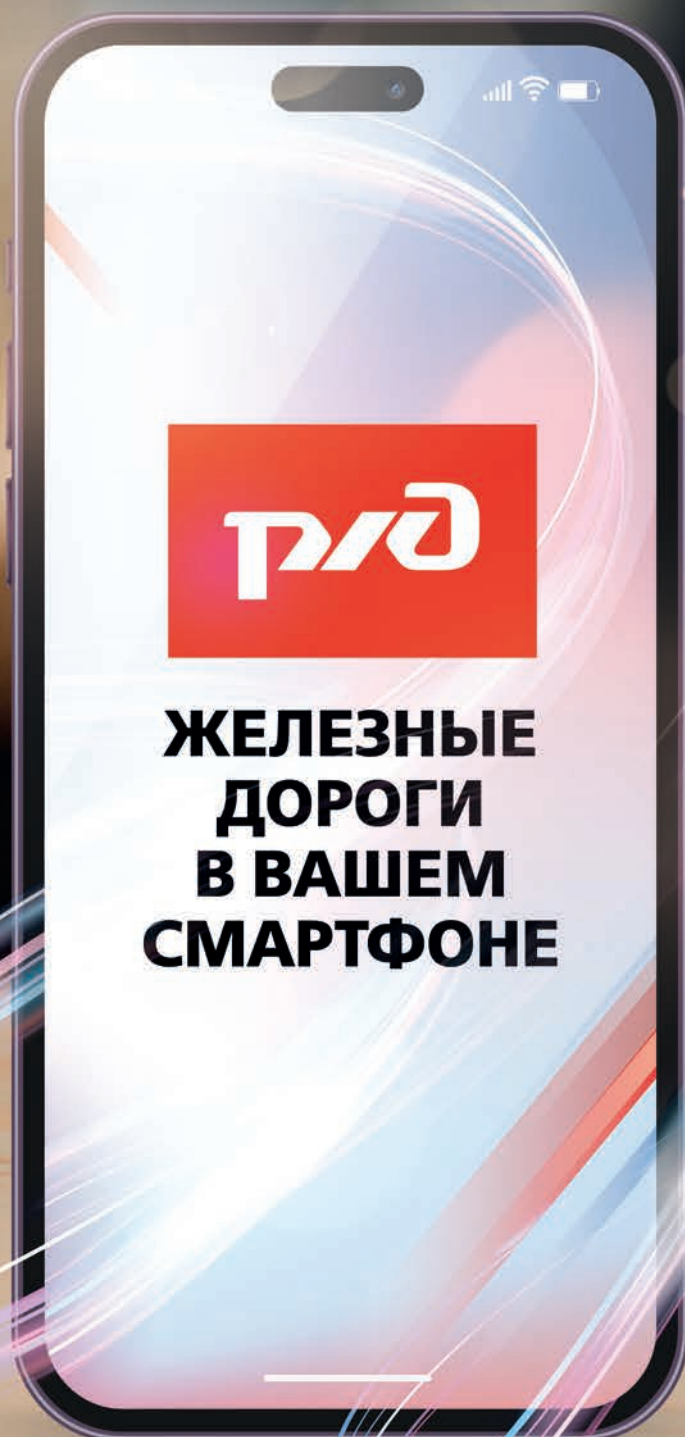

Участовавшие в строительстве Мурманской железной дороги австрийские военнопленные около станции Кивач в Петрозаводском уезде, 1915 год

СЕРГЕЙ ПРОКУДИН-ГОРСКИЙ. ИЗ КОЛЛЕКЦИИ БИБЛИОТЕКИ КОНГРЕССА США

ОФОРМИТЕ БИЛЕТ ЗА ЧАШКОЙ КОФЕ

в официальном
мобильном приложении
«РЖД Пассажирам»

rzd.ru

8 (800) 775-00-00

ОАО «РЖД», ОГРН 1037739877295, 107174, г. Москва, Новая Басманная ул., д. 2

Реклама 10+

Александр Вулых,
администраторЖИЗНЬ – ЭТО СЛОЖНАЯ
ШТУКАДРЯННОЙ
МУЖИК

Мне не спалось, и он пришёл
Глубокой ночью. Пьяный, грязный,
Такой развязный, несуразный,
Простой, как парацетамол.

– Ждала?
– Ну как сказать «ждала»...
Немного злилась, да, скучала.
Я даже думала сначала –
Устал от моего тепла...

– Возьмём вина? Пойдём гулять?
– Ночь. Холодно...
– Любовь согреет!
И только он вот так умеет
Лепить мне в уши, лепетать

И целовать от сих до сих
В лодыжки, в шею... без разбора.
И мне бы тоном прокурора:
«Ну, расскажи про баб своих!»

...Но не могу. И вот опять
– С тобою каждый раз,
как первый!
Мне никогда не стать
с ним стервой,
Мне никогда умней не стать.

Увы, причудливая вязь
Мазнёй представится с рассветом.
То склонность к промискуитету,
А не кармическая связь.

Допустим, скоро Новый год,
Он точно ведь меня оставит.
Или напьётся, загнусавит,
Заплачет, жалкий идиот.

Всё, как всегда. Минутный шик,
А после – словно в горле спицы.
По сути, снег – дрянной мужик,
С которым главное – не спать.

Светлана
ЧмыхалоОТВЕТ ЕСТЬ ЭКВИВАЛЕНТ
МЫСЛИ

ВЕДЬМЕННОЕ

Три ведьмы, три –
зачем так много?
И двух достаточно, Шекспир...
Александр Кушнер

Переборщил Шекспир, конечно...
Писал поэт в свои года:
– ...любил так искренно,
так нежно, –
Погорячился он тогда.
Быть надо с женщинами проще,
Переводить, где надо, дух.
Есть только две – жена и теща.
Шекспир,
достаточно
нам двух.

Евгений
Минин

ЛЁД ТРОНУЛСЯ

Серёга всегда против

– Свергнуть хунту! – прорычал Серёга,
сжав кулаки.

Мы одни на трамвайной остановке.
Дождь вот-вот начнётся. Ветер налетел
непонятно откуда.

– Как свергать будешь? – уточнил я.
– Качаю систему. Последнее голо-
сование на сайте города – выбрали
имя бегемоту в зоопарке. Ты какое
выбрал?

– Толстяк, из предложенных.
– Из предложенных! Идёшь, куда
гонят. Ниже пустая строчка была. Свой
вариант. Я вписал... – он оглянулся
и хихикнул: Единорог!

– Но выбрали-то Толстяк.
– Из-за таких, как ты. «Оцените
домики для белок в парке «Кузьминки!»
От одного до пяти. Единица от меня бел-
кам! Ты, небось, пятёрку поставил?

Я кивнул.

Ветер холодный. Серёга поёжился
и гордо заявил:

– Название улицы предложил: «Тупик
Собянина».

– Как-то это глупо.
– Из-за таких, как ты... – процедил
Серёга, но я его остановил. Достал смарт-
фон. Открыл и показал страницу голосо-
ваний на сайте мэрии.

– Голосуешь «за» или «против», ста-
вишь единицу или пятёрку – получаешь
те же баллы.

Серёга насутился.
Смартфон пикнул, выдав
новость: «В пойме реки Алёшинки
обнаружили пять видов дятлов!»
– Я – против! – отвернулся он.
Закапал дождь.

Серёга достал из сумки бирюзо-
вую толстовку с гербом столицы.
Нацепил на голову панаму с над-

писью: «Активный гражданин», раскрыл
зонтик с символикой города.

Подкатил его трамвай.
– Куда едешь? – спросил я. – На
демонстрацию или тайную сходку?
– В киоск при мэрии, – буркнул Серё-
га из вагона, – сегодня за баллы рюк-
заки дают и палки для скандинавской
ходьбы.

И уехал.
Пока нужный трамвай ждал, хотел
свои баллы за голосо-
вания поменять. Пал-
ки скандинавские мне
ещё рано, а вот рюкзак
бы пригодился. Снова
зашёл на сайт, но поздно,
бабки и оппозиционеры
все рюкзаки разобрали.

Андрей Малахов

ЧУДАКИ

МИХАИЛ ЛАРИЧЕВ

РОГА И КОПЫТА

Содружество авторов афоризмов
и малых литературных форм
«СОКРАТ» – это добровольное
объединение авторов, пишущих
в жанре афоризмов, одностиший,
коротких стихов, миниатюр.

АФОРИЗМЫ

- Чаще раздевают женщин те мужчины, которые не одевают.
- Женщины умеют одновременно полоскать бельё и мозги.
- Трудодень путан – это трудоночь.
- Женщина способна одним взглядом обвести вокруг пальца.
- Бывшие в употреблении мужчины не становятся хуже.
- Дети отдыхают на природе, природа – на детях.
- И виртуально можно любить виртуозно.
- Каждая женщина – головоломка, особенно та, что со скалкой.
- Как бы женщина ни хоте-
ла, может не захотеть.
- Любовница – это настав-
ница. Рогов.

Владимир
Малёшин

ЗАСЕДАНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Маразмиады обо всём на свете

Мушинная маразмиада

Спросил я у одной старухи:
«Как называется муж мухи?»
Ответ её был неуклюж:
«Жужжаломуж».

Предосенняя маразмиада

Дугой летит к Земле комета,
Поёт Киркоров с минарета,
Похолоданыя жаждет Грета –
Последний день дурного лета.

Ностальгическая маразмиада

Я весил 40 килограмм,
Везло мне на прекрасных дам.
Теперь я вешу 150,
И дамы лишь глаза косят.

Бухгалтерская ильиада

Когда не сходится баланс,
Бухает люто наш бухгалтер.

Бушует в сердце Ego Alter,
И он впадает в жуткий транс.

Но если вдруг баланс сойдётся,
Главбух от радости напьётся.
Так, может, дело не в балансе,
А в когнитивном диссонансе?

Колхозная маразмиада

На колхозной нашей ферме
Растакая благодать.
Не расстанусь с комсомолом,
Буду тёлоч покрывать!

Ильичёвская
маразмиада

Во сне ко мне пришёл Ильич
И чуть не вызвал паралич.
Но, к счастью, вспомнил:
я – Илья,
И Ильичи все – сыновья.

Ильиада о первородстве

Ах, эти – курица с яйцом –
Всё спорят:
кто из них был первым.
Свои поберегите нервы
И не вступайте в спор с Творцом.
Обоих нужно приготовить.
Обоих будет вкусно съесть.
Успели споры надоесть,
И надоело пустословить.

Маразмиада
нарколога

Нет, не потерял он тягу –
Верен градусу, как стягу.
Если вдруг приспущат
стят,
Спирт меняет на коньяк.

Илья
Журбинский